

ISSN 2712-9276 (PRINT)
ISSN 2949-2424 (ONLINE)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОРТОДОКСИЯ

ТЕМА НОМЕРА

ПРАВОСЛАВИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД
С 2021 ГОДА

№ 2 / 2025

ISSN 2712-9276 (PRINT)
ISSN 2949-2424 (ONLINE)

SCIENTIFIC JOURNAL

ORTHODOXIA

ISSUE TOPIC

ORTHODOXY AND EDUCATION

FREQUENCY: QUARTERLY
SINCE 2021

No. 2 / 2025

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Щипков Александр Владимирович — д-р полит. наук, ректор РПУ св. Иоанна Богослова, профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Щипков Василий Александрович — д-р филос. наук, доцент кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, директор Русской экспертной школы

ШЕФ-РЕДАКТОР

Михайлов Родион Владимирович — канд. полит. наук

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Пуцаев Юрий Владимирович — канд. филос. наук, старший научный сотрудник философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник ИНИОН РАН

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Невольских Анна Алексеевна — сотрудник Русской экспертной школы

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Багдасарян Вардан Эрнестович — д-р ист. наук, профессор кафедры государственной политики МГУ им. М. В. Ломоносова, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения

Вассоевич Андрей Леонидович — д-р филос. наук, директор Института востоковедения РГПУ им. А. И. Герцена

Гайда Фёдор Александрович — д-р ист. наук, доцент кафедры истории России XIX века — начала XX века МГУ им. М. В. Ломоносова

Катасонов Владимир Николаевич — д-р филос. наук, д-р богословия, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия

Корольков Александр Аркадьевич — д-р филос. наук, академик Российской академии образования

Маслин Михаил Александрович — д-р филос. наук, заведующий кафедрой русской философии МГУ им. М. В. Ломоносова, заслуженный профессор Московского университета

Минаков Аркадий Юрьевич — д-р ист. наук, профессор Воронежского государственного университета, директор Зональной научной библиотеки

Мягков Михаил Юрьевич — д-р ист. наук, научный директор Российского военно-исторического общества

Перевезенцев Сергей Вячеславович — д-р ист. наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова

Полунов Александр Юрьевич — д-р ист. наук, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений МГУ им. М. В. Ломоносова

Пономарёва Галина Михайловна — д-р филос. наук, профессор кафедры философской антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова

Саврей Валерий Яковлевич — д-р филос. наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения МГУ им. М. В. Ломоносова

Шестопал Алексей Викторович — д-р филос. наук, почётный профессор МГИМО

Шмонин Дмитрий Викторович — д-р филос. наук, директор Института теологии Санкт-Петербургского государственного университета

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ПИ № ФС77-79913 от 18 декабря 2020 г.

Условия распространения материалов: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Учредитель, издатель, редакция: Автономная некоммерческая организация социального и творческого развития «Русская экспертная школа».

Адрес издателя: 119049, Россия, г. Москва, ул. Большая Якиманка, д. 38

Сайт: www.journal-orthodoxia.ru

E-mail: mail@journal-orthodoxia.ru

Копирайт: © АНО «Русская экспертная школа», 2025

Индексирование: журнал входит в библиографическую базу данных РИНЦ, список ВАК, «Белый список»

Цена: свободная

Подписано в печать: 01.06.2025

Отпечатано: АО «Первая Образцовая типография», филиал «Чеховский Печатный Двор».

Адрес: 142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Формат: 70x100 1/16.

Тираж 350 экз.

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander V. Shchipkov — Dr. Sci. (Political Studies), Rector of Russian Orthodox University of St. John the Divine, Prof., Department of Philosophy of Politics and Law, Lomonosov Moscow State University

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Vasily A. Shchipkov — Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., School of International Journalism, MGIMO University, Director of the Russian Expert School

CHIEF EDITOR

Rodion V. Mikhailov — Cand. Sci. (Political Studies)

SCIENTIFIC EDITOR

Yuri V. Pushchaev — Cand. Sci. (Philosophy), Senior Researcher, Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

EXECUTIVE SECRETARY

Anna N. Nevolskikh — Russian Expert School

EDITORIAL BOARD:

Vardan E. Bagdasaryan — Dr. Sci. (History), Prof., Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, State University of Education

Andrey L. Vassoevich — Dr. Sci. (Philosophy), Director of the Institute of Oriental Studies, Herzen University

Fedor A. Gaida — Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian History of the 19th — early 20th century, Lomonosov Moscow State University

Vladimir N. Katasonov — Dr. Sci. (Philosophy), Dr. Sci. (Theology), Prof., Ss. Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate Studies in Moscow

Alexander A. Korolkov — Dr. Sci. (Philosophy), Academician of the Russian Academy of Education

Mikhail A. Maslin — Dr. Sci. (Philosophy), Prof. emeritus, Head of the Department of Russian Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Arkady Yu. Minakov — Dr. Sci. (History), Prof., Voronezh State University, Director of the Zonal Scientific Library

Mikhail Yu. Myagkov — Dr. Sci. (History), Scientific Director of Russian Military Historical Society

Sergey V. Perevezentsev — Dr. Sci. (History), Prof., Department of the History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University

Alexander Yu. Polunov — Dr. Sci. (History), Head of the Department of Interethnic and Interdenominational Relations Management, Lomonosov Moscow State University

Galina M. Ponomareva — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophical Anthropology, Lomonosov Moscow State University

Valery Ya. Savrey — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Lomonosov Moscow State University

Alexey V. Shestopal — Dr. Sci. (Philosophy), Prof. emeritus, MGIMO University

Dmitry V. Shmonin — Dr. Sci. (Philosophy), Director of the Institute of Theology, Saint Petersburg State University

---

Mass Media Registration Certificate: PI No. FS77–79913 dated December 18, 2020

Distribution Terms: The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Founder, Publisher, Editorial Office: Autonomous non-profit organization for social and creative development “Russian Expert School”.

Address: 119049, Russia, Moscow, Bolshaya Yakimanka St., 38

Website: www.journal-orthodoxia.ru

E-mail: mail@journal-orthodoxia.ru

Copyright: © ANO Russian Expert School, 2025

Indexing: the Journal is included in the bibliographic database Russian Science Citation Index (RINTS), VAK (Higher Attestation Commission) list, “White List”

Price: free

Published: 01.06.2025

Printed: JSC “First Model Printing House”, Branch “Chekhov Printing House”

Address: 142300, Russia, Moscow Region, Chekhov, Poligrafistov St., 1

Format: 70x100 1/16.

Print run 350 copies.

Содержание

Представляем номер: «Православие и образование»	9
Епископ Мефодий (Зинковский) Христианские духовно-нравственные ценности в образовании	11
В. Э. Багдасарян Цивилизационные духовно-нравственные основания российского образования: стратегия восстановления суверенных потенциалов	28
Н. П. Николаев Традиционные ценности: абстракция или Истина?	58
Д. В. Шмонин, В. И. Петров Богословско-антропологические идеи К.Д. Ушинского и социально-гуманитарное ядро новой модели российского образования	82
Е. С. Мельникова Церковь и государство в воззрениях святого Филарета (Дроздова)	98
Протоиерей В. В. Василек Миссия России как удерживающего	108
В. А. Щипков Как написать учебник для школы и вуза на основе традиционных ценностей	124

Contents

Presenting the Issue: Orthodoxy and Education	9
Methodius (Zinkosvky), bp. Christian Spiritual and Moral Values in Education.....	11
V. E. Bagdasaryan Civilizational, Spiritual and Moral Foundations of Russian Education: A Strategy for Restoring Sovereign Potentials	28
N. P. Nikolaev Traditional Values: Abstraction or Truth?.....	58
D. V. Shmonin, V. I. Petrov The Theological and Anthropological Ideas of Konstantin Ushinsky and the Socio-Humanistic Core of the New Model of Russian Education.....	82
E. S. Melnikova Church and State in the Views of St. Philaret (Drozdov)	98
Protodeacon V. V. Vasilik Russia's Mission as the Restrainer	108
V. A. Shchipkov How to Write a Textbook for Schools and Universities Based on Traditional Values	124

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР: «ПРАВОСЛАВИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ»

Уважаемый читатель!

Мы представляем вашему вниманию номер «Ортодоксии», посвящённый такой, на наш взгляд, очень актуальной теме, как «Православие и образование».

Мы хотели бы здесь подчеркнуть, что религия по определению не может быть равнодушной к сфере образования. Как говорят филологи, слово «религия» этимологически, скорее всего, происходит от латинского *religare* — «связывать», «соединять». Религия связывает человека с Богом, путём Откровения и соблюдения заповедей старается вновь обратить его падшую природу к первоизданной чистоте и истине, вернуть ему образ и подобие Божие. А в современном обществе человек формируется и образуется не только в семье, как в более ранние исторические эпохи, но и в сфере образования — в детских дошкольных учреждениях, школах и вузах. То, какой образ примет в итоге молодая человеческая душа, во многом зависит от полученного образования. Это мы, собственно, опять слышим в самих этих словах — «образование» произошло от слова «образ».

Так, сфера образования задаёт модель или образцовый пример того, какими мы хотим видеть молодые поколения, приходящие на смену старшим, своих детей и внуков. Никакой человек, особенно человек верующий, который на Страшном суде будет отвечать и за тех, кто ему был поручен Богом, не может остаться тут равнодушным и, согласно с мировым либеральным мейнстримом, считать, что религия — это частное дело каждого и должна быть отделена от государства особенно в сфере образования. Тот, кто сегодня воспитывает наших детей, завтра будет нами управлять, если уже не управляет сегодня.

Поэтому образование — это не только сфера, в которой молодой человек получает знания и «умения» (так называемые компетенции), но и среда его воспитания и формирования как личности, его полноценного образования, вхождения в образ, который ему предлагают старшие поколения.

Последние 30 лет образование в нашей стране формировалось по откровенно чужеродным либеральным лекалам. В советское время, хотя в нём частично и сохранялись в достаточно скрытом виде традиционные ценности исторической России, официально школа и образование были атеистическими и воинственно-материалистическими. Да, собственно, уже и в дореволюционной России, в пореформенное время образование, наука и культура в целом с нарастающими темпами захватывались либеральной

и социалистической интеллигенцией с соответствующими, большей частью нетрадиционными и антитрадиционными ценностями, что в итоге и привело к революциям 1917 года.

При этом перед нами стоят задачи и сложности поистине головоломного уровня. Как сделать возможной новую встречу религии и школы в официально светском государстве? В стране, Конституция которой провозглашает светский характер образования, отделение школы и государства и религии? Получается, для решения этой задачи мы должны с наименьшими усилиями работать и с государственной властью, пытаться донести до неё нашу позицию и нашу правоту. Если мы сегодня провозгласили поворот к традиционным ценностям, нужно понимать, что их фундаментом и основанием является религия, православие. Как говорил мыслитель Константин Леонтьев, религия — краеугольный камень охранения. А охранение должно начинаться со школы, с самого начала школьной скамьи, куда приходят учиться самые дорогие для нас люди — наши дети.

Мы в этом номере решили поразмышлять, как можно к православию и его вечным истинам попытаться приблизить образование в современной России, собрав статьи на эту тему под одной обложкой. Читайте, оценивайте, думайте. Предлагайте свои варианты. Мы надеемся, что это только начало, и очень хотим дальнейшего продолжения этого разговора на наших страницах.

А. В. Щипков

Епископ Мефодий (Зинковский)

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
МОСКВА, РОССИЯ

Христианские духовно- нравственные ценности в образовании

Аннотация. Рассмотренная в статье проблематика современного образования показывает необходимость обращения к традиционной христианской аксиологии. Прагматизация и гуманизм как основные направления современной цивилизации приводят к «обесловесиванию» человеческой природы и бытия. В то же время сфера новых технологий стала для многих новой религией, заменяющей прежнюю «квазиверу» в прогресс. В результате индустриализации и механизации жизни и системы образования волевое начало в человеке деградирует, развивается стремление к комфорту и власти, что приводит к деменции и дезактуализации личности, развитию тоталитаризма и кастовости. Мы должны задуматься, сможем ли мы сказать своё слово в регулировании этих вопросов не деньгами, не чьей-то идеологией, а духовными жизненными принципами?

В решении этих проблем важна разница восточного православного и западного ответов на вопрос о развитии и путях системы образования. Православной аксиологии свойственны христоцентризм, иерархичность и высший приоритет ипостаси. Богочеловек Христос является устройтелем иерархии нового человечества. Нетварные божественные энергии присутствуют в иерархии человека, и приобщение им возможно только через ипостась. В формировании системы образования важно также осмысление понятия «знание», которое не природно, но ипостасно-природно.

В процессе раскрытия христианской восточной аксиологии важно показать сочетание теоретической деятельности с практикой, поэтому в воспитании велика роль исторических героев и святых далёкого и близкого нам времени. Исходя из конкретных примеров их судеб и нравственности, мы можем показывать глубинную связь современной жизни с духовностью и верой. Христианская педагогика восточного образца позволяет расширить современную образовательную перспективу и открывает возможность избежать самозамыкания когнитивных процессов в гиперинформационный век, возвысить человека над квазицеллевыми образовательными установками и выстроить образовательный процесс на базе лично-ценностного иерархического подхода. В этом ей помогает святоотеческая антропология и вся система христианских духовно-нравственных ценностей, лежащая в её основе.

Ключевые слова: человек, Христос, христианство, образование, духовно-нравственные ценности, знание, ипостась, иерархичность, прогресс, деградация

Для цитирования: Мефодий (Зинковский), еп. Христианские духовно-нравственные ценности в образовании // Ортодоксия. — 2025. — № 2. — С. 11–27. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-2-11-27

СВЯЗЬ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ С ХРИСТИАНСКОЙ АКСИОЛОГИЕЙ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Современные учёные и мыслители, представители самых разных общественных групп говорят о необходимости осознания окружающей жизни с акцентом на «ценностно-смысловых основаниях» (Шмонин 2019). В этой связи обратимся к понятию традиционных ценностей в жизни современной России и вспомним Указ Президента РФ Владимира Владимировича Путина № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Указ относит к традиционным ценностям «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм,

гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России»¹. В нём признаётся, что «особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит Православию»², а необходимость выстраивания «государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей реализуется в области образования»³. Таким образом, и в рассмотрении разнообразных современных научных и социальных вопросов, и в решении проблем образования для нас важны возможности и перспективы наследия Православной Церкви.

Традиционные российские ценности, сформированные благодаря Православию, несомненно, коренятся в русле и понятиях Священного Писания и Предания Церкви. Например, приоритет духовного над материальным и взаимопомощь или справедливость базируются именно на христианской религиозной почве. Связь с христианской аксиологией можно отнести практически ко всем, упомянутым в Указе Президента, ценностям. Добавим также, что с каждым концептом в кругу традиционных ценностей связано целое гнездо понятий религиозных, например, с понятием «духовность» связаны концепты человеческого духа, молитвы, сердца, с понятием «высокие нравственные идеалы» — евангельские заповеди о любви и жертвенности. И все эти понятия существуют в фокусе внимания Священного Писания, святоотеческих писаний и опытного Предания Церкви.

Хороший специалист в любой области человеческой деятельности, однако не базирующий своё мировоззрение на христианской аксиологии, не застрахован от нравственных ошибок и может, например, ради получения материальной выгоды подтасовать факты или не перенести личной жизненной трагедии, и тогда все его знания и навыки окажутся бесполезными и невостребованными. Такой специалист в результате личных или каких-либо других проблем может преткнуться, получить

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. — Общ. положения. — Пункт 5. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 20.01.2025).

² Там же. Пункт 6.

³ Там же. Пункт 10.

алкогольную или наркотическую зависимость и даже совершить суицид! Но человек, опирающийся на традиционные ценности, устоит и не сделает таких ошибок.

ПРАГМАТИЗАЦИЯ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ. ПОНЯТИЕ «ОБЕССЛОВЕСИВАНИЕ»

Современная, и особенно западная, цивилизация идёт путём всё большей прагматизации жизни. Православной традиции и мировоззрению, напротив, свойственно обращать внимание прежде всего на состояние души человека, а потом уже на уровень его знаний.

Согласно социологическим исследованиям, прагматизация как уход от традиционной аксиологии в жизни современной цивилизации происходит постепенно, но неуклонно и с ускоряющимися темпами. Однако без подлинных христианских ценностей человеческое общество не может существовать, и если они отвергаются, то их место занимают суррогаты. Например, термин «гуманизм» может поставить нас перед вопросом: «Что ставится на пьедестал в этой аксиологии?»

Преподобный Иустин (Попович) характеризовал гуманизм как человекобожие, отмечая, что «по сути, над Европой властвует одно божество: непогрешимый человек — человекобог. В роскошном пантеоне Европы непогрешимый человек — верховное божество, остальные боги суть его производное или его отражение. “Непогрешимый” человек властвует и в европейской религии, и в европейской философии, и в европейской науке, и в европейской политике, и в европейской технике, и в европейском искусстве, и во всей европейской культуре и цивилизации. Во всём — только человек, притом европейский человек, гордый, чванливо самодовольный и непогрешимый». Говоря об этом, преп. Иустин подразумевал «европейского человека в целом, в его главной идее» (Иустин Попович 2002: 232–233).

В то же время для многих наших современников сфера новых технологий в образовании и жизни общества стала новой религией, заменяющей прежнюю «квазиверу в прогресс»⁴ (Кирилл, Св. Патриарх 2017). Это и идеи трансгуманизма и переселения сознания человека на носители, это и компьютерное бессмертие, это и создание электронного «бога», это и развитие нанотехнологий. Но мы должны задуматься, смогут ли

---

⁴ Кирилл (Гундяев), Святейший Патриарх. Слово на открытии XXI Всемирного русского народного собора // Патриархия.ru. — 2017. — 1 ноября. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5052002.html> (дата обращения: 21.07.2025).

Православная Церковь и верующие люди сказать своё слово в регулировании этих вопросов не деньгами, не чьей-то идеологией, а духовными жизненными принципами? «Осмысленность человеческого бытия, придание ему высшего смысла и одухотворённости — вот к чему призывает Евангелие и святоотеческая мудрость. “Обессловесивание” (Афанасий Великий 1902–1903: 207) человеческой природы» (Кирилл Зинковский 218: 186) и человеческой жизни — вот что более всего заботит христианина при обозрении тенденций современных научно-технических достижений.

МЕХАНИЗАЦИЯ И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Если современные технологии «улучшения мира и создания максимального комфорта» будут далее наращивать свой потенциал, то в какой-то момент у человека, не противостоящего греху, не имеющего ни молитвы, ни благодати Божией, не участвующего в таинствах, за счёт технологий, берущих на себя всё, начнёт развиваться преждевременная деменция. Что станет с таким человеком в механизированном мире? Не «обессловесится» ли человек, превратившись в некий «овощ»? Есть такая серьёзная опасность.

Открывая человеку его высокое призвание, православная аксиология призывает не обманываться иллюзиями технических достижений, не страшиться их и не поработаться ими вследствие развития страстей, фантазий и предсказуемости поведения по страстям. В числе опасностей механизации и индустриализации системы образования и всей жизни можно особо отметить ослабление волевой составляющей человека, увеличение стремления к комфорту и власти, раннюю умственную и физическую деменцию, дезактуализацию личности, потерю подлинных личностных свойств и высших смыслов бытия.

В число опасностей развития современного научного и технического прогресса вне православной аксиологии входят угрозы развития тоталитаризма и кастовости. Здесь также встают вопросы использования роботов в сферах прежде всего образования, а затем ухода за детьми и престарелыми, а также поднимаются проблемы человеческой занятости и трудоустройства. Мы призваны дать ясные ответы о способах использования высоких достижений научно-технического прогресса на пользу, а не во вред человечеству в упомянутых направлениях, и именно христианская традиционная аксиология позволит нам найти эти ответы.

БОГОЧЕЛОВЕК ХРИСТОС КАК ЦЕНТР ХРИСТИАНСКОЙ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ

В противовес современным гуманистическим идеалам, ставящим во главу угла человека и его комфорт в этом мире, центром христианской системы ценностей является Богочеловек Христос. Согласно православному мировоззрению, будучи сотворённым по образу Божию, каждый человек имеет уникальную потенциальную возможность обожения, не путём ипостасного единения природ, как это произошло в естестве Богочеловека, но путём приобщения нетварным божественным энергиям. При этом важно понимать, что реализация обожения требует от нас немалых усилий и содействия божественных энергий, поскольку естество каждого рождающегося в этот мир человека находится в повреждённом, раскоординированном состоянии по причине первородного греха, передаваемого из рода в род и формирующего неверно направленное произволение.

РАЗНИЦА ВОСТОЧНОГО ПРАВОСЛАВНОГО И ЗАПАДНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Восточный православный и западный ответы на вопрос о развитии и путях общества, технологий, системы образования качественно разные, и это связано с различием западной и восточной идеологий. Западная идеология строится и развивается по аксиомам, заложенным римо-католическим богословием, восточная связана с Православием.

Обращаясь к проблемам современного образования, важно подчеркнуть, что именно православная, а не западная христианская аксиология может дать ему нужное направление. Развитие западного богословия в какой-то мере подготовило нынешнюю ситуацию в западном мире, где происходит идеализация достижений науки, например, изобретение и развитие искусственного интеллекта. Участились сообщения СМИ о том, как искусственный интеллект успешно заменяет человека и даже готовит и проводит богослужения в церквях западных исповеданий, составляет проповеди на заданную тему, пишет коллективные молитвы и даже музыку к службе. Таким образом, в западных странах религия всё больше сближается с шоу.

В своё время в западном мире Фома Аквинский († 1274) в своей «Сумме теологии» высказался, что Божественный ум «является Сущностью Бога» (*in solo Deo intellectus est eius essentia*) (Фома Аквинский 2005: 92), то есть отождествил Божественный ум

с Сущностью. И как только мы говорим вслед за западными отцами, что ум сводится к Сущности, то это значит, что эту Сущность Бога можно смоделировать. Представим, что есть некая модель, мы будем её совершенствовать, усложнять, применять всё новые и новые технологии, и когда-то мы сможем моделировать Сущность Бога или приближаться к ней бесконечно. Но, согласно восточному богословию, в Боге есть Три Личности, Которые метафизичны, то есть не сводятся к Сущности, к Природе Бога. И в Евангелии Христос говорит: «Якоже знает Мя Отец, и Аз знаю Отца» (Ин. 10: 15). Это знание Ипостасями Св. Троицы Друг Друга тоже относится к уму, и, следовательно, ум в восточном православном богословии метафизичен и не может быть сведён только к понятию Сущности в Боге.

ВАЖНОСТЬ ПРИСУТСТВИЯ ИПОСТАСНОГО ИЗМЕРЕНИЯ, ОПОРЫ НА ХРИСТОЦЕНТРИЧНОСТЬ И ИЕРАРХИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Возвращаясь к проблемам аксиологии образования, отметим, что в современном мире человек чаще рассматривается не как личность, в глубинном её значении, а как субъект системы потребления услуг, с точки зрения экономической пользы. Подобное понимание человека как индивидуума, имеющего отдельную от других индивидуумов природу, приводит людей к отсутствию единения в ценностных приоритетах, к их размытости, нестабильности и множественности (см.: Мефодий Зинковский 2017), и как следствие — в отношении к системе образования. Апофеоз этих явлений находит выражение в «обнулении» ценностей как стиранию различий между личностной святостью и её антиподом, грехом. Особенно ярко эти процессы проявляются в разрушении семьи, в стирании границ общественных норм, в обесценивании традиций, в утверждении прав и свобод людей с повреждённой нравственностью. Все эти процессы ярко влияют на систему образования, её механизацию и прагматизацию.

И здесь важно упомянуть христоцентричность и иерархичность, которые являются важнейшими принципами святоотеческой антропологии и должны быть положены в основания системы образования.

Христос стал «поистине единственным Человеком», исполнившим замысел Божий о человечестве. Он единственный «сохранил (в Себе [неизменной] цель Божию» (σκόλον) (Maximus Confessor. Quaestiones et dubia 118). Воплотившись и устроив Церковь на земле, Господь Иисус Христос как Глава Церкви задаёт иерархию нового человечества. Так, преп.

Максим объясняет, что «мы суть и члены, и тело, и полнота всяческая во всех исполняющего Христа Бога, по прежде век в Боге и Отце сокровенному намерению (σκόλον), воедино собираемые (ἀνακεφαλαιοῦμενοι) в Него через Сына Его и Господа Иисуса Христа, Бога нашего» (Maximus Confessor. *Ambiguorum liber*, PG 91. 1097 A). Это «возглавление» Христом всего тварного бытия тесно связано с восстановлением иерархии логосов, без которого невозможно исполнение Божественного замысла в мире и о мире.

Целостность сотворённого мира, положительный смысл его иерархии ярко выражены в святоотеческом учении о логосах творения. Нарушение принципа иерархии в сознании явилось причиной грехопадения человека. Христос как Глава Церкви восстанавливает иерархию логосов нового человечества. Новый модус бытия возникает в союзе тварной и нетварной природ. Божественные логосы определяют иерархический строй природы человека, поддерживают бытие на уровне души и тела и задают ипостасный образ человеческого бытия.

ВЫСШИЙ ИЕРАРХИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ ИПОСТАСИ И УЧАСТИЕ НЕТВАРНЫХ БОЖЕСТВЕННЫХ ЭНЕРГИЙ В ИЕРАРХИИ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОСЛАВНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Отождествляя понятия Лица и ипостаси во Христе как интегрирующего начала в Богочеловеке, св. отцы дают высший иерархический приоритет понятию лица или ипостаси в человеке. В православной антропологии πρόσωπον или ὑπόστασις определяются, таким образом, как высшее и интегрирующее начало, объединяющее человеческие тело и душу в единое целое. В умозрении преп. Максима ипостась человека есть основание (или: созидание — σύστασις) бытия его природы, придающее этой природе самостоятельность, целостность, индивидуальность и уникальность (Stead 1989: 32). Ум как высшая часть души составляет для св. отцов, несомненно, вершину иерархии в природе человеческого естества. Именно поэтому ум несёт в себе наиболее ярко выраженный отпечаток характерных свойств человеческой ипостаси, понимаемой именно как личность и призванной быть образом Божественных Личностей.

В православной антропологии иерархическая природа человека предполагает включение на высшем уровне нетварных божественных энергий. Эти иерархически взаимосвязанные божественные логосы задают иерархический строй человека, поддерживают его бытие на

уровне низшей природы (как душевной, так и телесной). Одновременно логосы просвещают высшие уровни человека — его ум и ипостась (личность) и обогащают их причастием нетварным энергиям, подающим этим высшим частям человека силу иерархического гармоничного господства над всем человеческим естеством. Совершается это посредством причастия логосам, происходящим от Единого Логоса — ставшего воплощённым Сыном Божиим и по образу Которого устрояется новое человечество.

ПРИНЦИПИАЛЬНО РЕЛИГИОЗНАЯ ОНТОЛОГИЯ ПОНЯТИЯ «ЗНАНИЕ»

Для нас важно, что понятие «знание», ключевое в образовательной сфере, основанной на передаче знаний, имеет религиозную природу. Все попытки абстрагирования какого бы то ни было знания от богословия ошибочны. Знание положено в основание сотворённого бытия трёхипостасным Творцом и предназначено конкретным историческим человеческим ипостасям. Знание всегда лично ориентировано, потому что оно не абстрактно-отвлечённо по происхождению и призванию, а всегда предполагает личности как познающих, так и преподающих. И отсюда мы можем сделать вывод о принципиальной открытости и общедоступности знания как предназначенного по своей природе для трансляции одной личностью другим.

Подлинное знание не может быть оторвано от своей моральной и целезадающей проекции и применяется в бытии конкретных человеческих личностей, имея всегда в себе как практическую, так и нравственную сторону.

Нам представляется особенно важным, что понятие «знание» в христианстве не только природно, но ипостасно-природно. Категории «знание», «познание» не сводятся лишь к умственной природе, к комплексам природных идиом, но зависят от личного аспекта бытия, предполагающего потенциальную неограниченность ипостасного идиомного ряда. В этой связи становится понятным, что развиваемые современной педагогикой принцип условности знаний и прагматический подход к знаниям противопоставляются представлениям о высшей цели знания, несущего отблески абсолютной Личностной Истины. В координатах ипостасно-природной онтологии «принцип избыточности» в знании переосмысливается и понимается как проявление изначальной потребности присутствия в потенциально бесконечной человеческой личности нетварных энергий Творца.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ: РОЛЬ КОНКРЕТНЫХ ЛИЧНОСТЕЙ — ГЕРОЕВ И СВЯТЫХ — В ВОСПИТАНИИ ИДЕАЛОВ

Обращаясь к практическим примерам передачи знаний и воспитания идеалов, отметим, что к хорошим дидактическим средствам можно отнести современную мультипликацию, фильмы, детскую и взрослую литературу, изучение истории, обычаев, известных событий родного края, города, села, тема героя родного края, истории новомучеников, героев Великой Отечественной войны и современных войн. Также обратим внимание на значение в процессе воспитания и образования конкретных личностных примеров, через которые можно прививать ценности и идеалы. В культуре любого общества ключевая роль принадлежит выдающимся личностям. И здесь для нас важны герои, гении и святые — «люди, одарённые богатым природным потенциалом, реализация которого зависит от их личностного устройства и произволения» (Мефодий, Кирилл Зинковские 2020: 97). Современный кризис идеалов и нравственности выражается помимо других составляющих в отсутствии героев, выдающихся личностей, которым хотелось бы подражать. Но особенно в воспитании юношества нужны живые примеры героизма и святости в разных жизненных и профессиональных сферах, примеры нравственных ценностей, воплощённых в жизни конкретных людей и в конкретных обстоятельствах.

Актуально сказать о необходимости тщательного отбора произведений для школьной и дальнейшей программы по литературе. Подбор литературных и других произведений должен проводиться глубоко верующими, уважительно относящимися к традиции людьми. В качестве вопиющего отрицательного примера можно привести сочинение Л. Н. Толстого «Воскресение» с его богохульными текстами о православном богослужении, где основы христианской веры подрываются издёвкой.

В воспитании велика роль исторических героев и примеров и далёкого, и близкого нам времени, поскольку, исходя из этих конкретных примеров нравственности, мы можем показывать глубинную связь современной жизни с духовностью и верой. В процессе раскрытия христианской аксиологии важно показать сочетание теоретической деятельности с практикой. Здесь уместен пример из жизни Великой княгини Елизаветы Фёдоровны, которая в детстве с семьёй посещала больницы, кормила бедных, а потом широко продолжила эту социальную деятельность в России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренная проблематика современного образования показывает необходимость обращения к традиционной христианской системе ценностей. Прагматизацию можно назвать основным направлением современной цивилизации, которой свойственно «обессловесивание» человеческой природы и человеческого бытия в целом. В результате стремительно развивающихся механизации и индустриализации жизни общества и системы образования волевое начало в человеке деградирует и теряет силу, в людях развивается стремление к комфорту и власти, что приводит к ранней деменции человека и дезактуализации личности.

В решении этих проблем важно отметить разницу восточного православного и западного ответов на вопрос о развитии и путях системы образования, из чего следует важность для формирования современной системы образования именно православной аксиологии, которой свойственны христоцентризм, иерархичность и высший приоритет лица или ипостаси в этой иерархии. Богочеловек Иисус Христос является строителем иерархии нового человечества. Нетварные божественные энергии незримо присутствуют в иерархии человека, и приобщение им возможно только через ипостась. В формировании системы образования важно также осмысление самого понятия «знание», которое в традиционном православном понимании также не природно, но ипостасно-природно. Отсутствие христоцентризма и ипостасного измерения в вопросах антропологии и образования приводит к процессам «обнуления» ценностей. Эти наблюдения подтверждают необходимость основания современной системы образования на традиционной православной аксиологии.

Христианская педагогика восточного образца позволяет расширить современную образовательную перспективу и открывает возможность избежать самозамыкания когнитивных процессов в гиперинформационный век, возвысить человека над квазицелевыми образовательными установками и выстроить образовательный процесс на базе лично-ценностного иерархического подхода. В этом ей помогает и восточная антропология, и вся система христианских духовно-нравственных ценностей, лежащая в её основе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Афанасий Великий, свт. Слово о воплощении Бога-Слова и о пришествии Его к нам во плоти. Творения: в 4 т. — ТСЛ : Собственная типография, 1902–1903. — Т. 1. — С. 191–264.

Иустин (Попович), преп. Достоевский о Европе и славянстве. — М. ; СПб. : Сретенский монастырь, Часовня иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» с грошиками, 2002. — 285 с.

Кирилл (Зинковский), иером. Святоотеческое учение о плоти и материи и современные биомедицинские технологии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2018. — Т. 19. — Вып. 4. — Специальный вып. (Материалы Общероссийской конференции «Философско-религиозные проблемы биотехнологического улучшения человека»). — С. 180–187.

Мефодий (Зинковский), иером. Религиозное образование личности vs атеистическо-деистическо-пантеистические образовательные модели // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2017. — Т. 18. — Вып. 2. — С. 83–93.

Мефодий (Зинковский), иером., Кирилл (Зинковский), иером. Значение христианской культуры в воспитании личности в контексте святоотеческого учения о Логосе и логосах // Материалы Международной научно-практической конференции IX Пюхтицкие чтения «Аксиологический подход к совершенствованию личности на основе взаимодополняемости православной и светской культуры», Пюхтицкий Успенский ставропигиальный женский монастырь, 11–12 декабря 2020. — Пюхтицы, 2020. — С. 91–100.

Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. 3. Ч. I. Вопросы 75–119. — Киев : Эльга, Ника Центр, 2005. — 575 с.

Шмонин Д. В. Научная рациональность и «возвращение к теологии» // Вопросы теологии. — 2019. — Т. 1. — № 3. — С. 280–306 (<http://doi.org/10.21638/spbu28.2019.301>).

S. Maximus Confessor. *Ambiguorum liber* // J.-P. Migne (ed.). *Patrologiae cursus completus (series Graeca)*. In 161 t. — Paris, 1857–1866. — Vol. 91. — Pp. 1031–1418.

S. Maximus Confessor. *Quaestiones et dubia*, in *Corpus Christianorum. Series Graeca*. V. 10 / J. H. Declerck (ed.). Brepols — Turnhout : Leuven University Press, 1982 (TLG). — 255 p.

Stead D. J. The Meaning of Hypostasis in Some Texts of the ‘Ambigua’ of St. Maximus the Confessor // *The Patristic and Byzantine Review*. — 1989. V. 8 (1). — Pp. 25–33.

Сведения об авторе:

Мефодий (Зинковский) — епископ Русской Православной Церкви, доктор богословия, кандидат технических наук, ректор ПСТГУ, профессор института теологии при СПбГУ, 127051, Москва, Лихов переулок, д. 6, стр. 1, e-mail: m.zink@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 02.03.2025; одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 20.03.2025.

Methodius (Zinkosvky), bp.

SAINT TIKHON'S ORTHODOX UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES,
MOSCOW, RUSSIA

Christian Spiritual and Moral Values in Education

Abstract. According to the article, the challenges facing contemporary education highlight the necessity of turning to traditional Christian axiology. The dominance of pragmatism and secular humanism as guiding principles of modern civilization has led to the “loss of meaningfulness” in human nature and existence. At the same time, the sphere of new technologies has, for many, become a kind of new religion, replacing the earlier “quasi-faith” in progress. As a result of the industrialization and mechanization of life and of the educational system, the volitional dimension of the human being is in decline, giving way to a pursuit of comfort and power—trends that foster depersonalization, dementia, and contribute to the rise of totalitarian and caste-like structures. This raises the question: can we respond to these challenges not with money or some ideology, but with spiritual principles of life?

The article stresses the importance of distinguishing between Eastern Orthodox and Western Christian responses to the problems of development and the pathways of education. Orthodox axiology is characterized by Christocentrism, hierarchical order, and the priority of personhood (hypostasis). The God-man Christ is understood as the organizer of the hierarchy of a renewed humanity. The uncreated divine energies are present within the hierarchy of the human being, and participation in them is possible only through personhood (hypostasis). The concept of “knowledge” is also important in this framework of shaping the

educational system. It is not merely natural but is understood as both personal (hypostasis based) and natural.

In articulating the Christian axiology of the Eastern tradition, it is important to show the integration of theory with practice. Hence the formative role of historical heroes and saints, both past and present, in education. By drawing on the concrete examples of their lives and good morals, we can reveal the deep connection between modern life and spirituality and faith.

Eastern Christian pedagogy expands the horizons of contemporary education by preventing the self-enclosure of cognitive processes in the hyper-informational age. It elevates the human person above the quasi-utilitarian goals of modern educational systems and provides a basis for structuring education around a personalist and value-based hierarchical approach. This is supported by patristic anthropology and the broader system of Christian spiritual and moral values on which it rests.

Keywords: human being, Christ, Christianity, education, spiritual and moral values, knowledge, personhood (hypostasis), hierarchy, progress, decline

For citation: Methodius (Zinkovsky), bp. (2025). Christian Spiritual and Moral Values in Education. *Orthodoxia*, (2), 11–27. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-2-11-27

REFERENCES:

Athanasius of Alexandria, st. (1902–1903). Slovo o voploshchenii Boga-Slova, i o prishestvii Yego k nam vo ploti [The Word on the Incarnation of God the Word, and on His Coming to Us in the Flesh]. In *Collected Works in Four Volumes*. (Vol. 1, pp. 191–264). TSL : Sobstvennaya tipografiya. [In Russian].

Justin (Popović), rev. (2002). Dostoevskiy o Evrope i slavyanstve [Dostoevsky on Europe and Slavism]. Saint Petersburg : Sretenskiy monastyr, Chasovnya ikony Bozhiey Materi “Vsekh skorbyashchikh radost” s groshekami. [In Russian].

Kirill (Zinkovsky), hmk. (2018). Svyatootecheskoe uchenie o ploti i materii i sovremennye biomeditsinskie tekhnologii [Patristic Teaching on

Flesh and Matter and Modern Biomedical Technologies]. In *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. SI (Materialy Obshcherossiyskoy konferentsii “Filosofsko-religioznye problemy biotekhnologicheskogo uluchsheniya cheloveka” [Proceedings of the All-Russian Conference “Philosophical and Religious Issues of Biotechnological Enhancement of Human”]), 19(4), 180–187. [In Russian].

Methodius (Zinkovsky), hmk. (2017). Religioznoe obrazovanie lichnosti vs ateisticheskoye-deisticheskoye-panteisticheskoye obrazovatelnye modeli [Religious Education of Personality vs. Atheistic-Deistic-Pantheistic Educational Models].]. In *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 18(2), 83–93. [In Russian].

Methodius (Zinkovsky), hmk., Kirill (Zinkovsky), hmk. (2020). Znachenie khristianskoy kultury v vospitanii lichnosti v kontekste svyatootecheskogo ucheniya o Logose i logosakh [The Significance of Christian Culture in Personality Development in the Context of Patristic Teaching about Logos and Logoi]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii IX Pyukhtitskie chteniya “Aksiologicheskii podkhod k sovershenstvovaniyu lichnosti na osnove vzaimodopolnyaemosti pravoslavnoy i svetskoy kultury”, Pyukhtitskiy Uspenskiy stavropigialnyy zhenskiy monastyr, 11–12 dekabrya 2020* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference IX Pyukhtitsa Readings “Axiological Approach to Personality Perfection on the Basis of Complementarity between Orthodox and Secular Culture”, Pyukhtitsa Assumption Stavropegic Convent, December 11–12, 2020], 91–100. Pyukhtitsa. [In Russian].

Thomas Aquinas. (2005). *Summa teologii* [Summa Theologica]. (Vol. 3, P. 1, Articles 75–119). Kiev : El’ga, Nika Tsentr. [In Russian].

Shmonin, D. V. (2019). Nauchnaya ratsional’nost’ i “vozvrashcheniye k teologii” [Scientific Rationality and the “Return to Theology”]. *Voprosy teologii*, 1(3), 208–306. [In Russian].

Maximus Confessor, st. (1857–1866). *Ambiguorum liber. Patrologiae cursus completus (series Graeca)*. In 161 t. (Vol. 91, pp. 1031–1418). Paris. [In Greek].

Maximus Confessor, st. (1982). *Quaestiones et dubia*. In *Corpus Christianorum, Series Graeca*. (Vol. 10). Turnhout : Leuven University Press, (TLG). [In Greek].

Stead, D. J. (1989). The Meaning of Hypostasis in Some Texts of the “Ambigua” of St. Maximus the Confessor. *The Patristic and Byzantine Review*, 8 (1), 25–33.

About the author:

Methodius (Zinkovsky) — Bishop of the Russian Orthodox Church, Doctor of Theology, Candidate of Technical Sciences, Rector of PSTGU (St. Tikhon's Orthodox University), Professor, Institute of Theology of Saint Petersburg State University, 127051, Moscow, Likhov Pereulok, building 6, structure 1, e-mail: m.zink@yandex.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 02.03.2025; approved after reviewing 12.03.2025; accepted for publication 20.03.2025.

В. Э. Багдасарян

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОСВЕЩЕНИЯ,
МОСКВА, РОССИЯ

Цивилизационные духовно-нравственные основания российского образования: стратегия восстановления суверенных потенциалов¹

Аннотация. В статье рассматриваются методологические и цивилизационно-антропологические основания формирования суверенной модели российского образования. Акцентируется внимание на необходимости отказа от заимствований западных образовательных подходов, неадекватных российской духовной и культурной традиции. В качестве альтернативы предлагается возврат к традиционным духовно-нравственным ценностям и к отечественной педагогической модели, выстроенной на принципах православной антропологии, идее преображения личности и коллективного воспитания.

Центральной идеей выступает рассмотрение образования как механизма цивилизационного воспроизводства, неотделимого от трансляции идентичности и ценностей. Особое внимание

---

¹ Выполнено в рамках проекта по государственному заданию «Исследование ценностно-мировоззренческих оснований российской педагогической антропологии» (тема № 125062007342-8) Министерства просвещения Российской Федерации на 2025 год.

уделяется понятиям добра и зла, определяющих матрицу воспитательной деятельности. Подчёркивается, что суверенная система образования — это не просто технологический институт, а аксиологически защищённая структура, способная обеспечить историческое и духовное воспроизводство цивилизации.

Ключевые слова: образование, цивилизационный подход, духовно-нравственные ценности, педагогическая антропология, идентичность, воспитание, добро и зло, православная традиция, суверенитет, трансляция ценностей, образовательная политика

Для цитирования: Багдасарян В. Э. Цивилизационные духовно-нравственные основания российского образования: стратегия восстановления суверенных потенциалов // Ортодоксия. — 2025. — № 2. — С. 28–57. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-2-28-57

Вызовы цивилизационного противостояния Россия-Запад актуализировали в очередной раз значение максимы, сообразно с которой войны выигрываются за школьной партой. В фокусе этой максимы победить противника в системном противостоянии возможно лишь при наличии более качественного, чем у противника, образования. Копирование образования противника исходно означает отставание в рамках избранных ориентиров и, соответственно, проигрыш. Следовательно, в перспективе Победы существует только один путь — путь возвращения к себе, к собственным основаниям организации образовательной системы. Такое возвращение тем более необходимо, что отечественная образовательная система исторически показывала свои очевидные преимущества перед образовательными системами противников и конкурентов. В настоящее время в контексте разработки Стратегии развития образования Российской Федерации и сопряжённых с ней документов появляется хороший шанс переосмысления фундаментальных основ образовательной системы современной России.

Целью предпринимаемого исследования в контексте сформулированных задач является выявление цивилизационно-ценностных и цивилизационно-антропологических основ российского образования. В качестве методологической основы исследования был взят цивилизационный подход. Применительно к сфере образования использование

цивилизационного подхода практически означает фундаментальную его связанность с генезисом российской цивилизации.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Образование является важнейшим механизмом цивилизационного воспроизводства. Посредством образования между поколениями осуществляется трансляция ценностей, смыслов, идентичностей, социального опыта. Цивилизации воспроизводятся до тех пор, пока такие трансляции осуществляются. Разрывы в межпоколенческих трансляциях приводят к цивилизационной смерти. К цивилизационной смерти могут привести и подмены цивилизационно-идентичной матрицы образования. Поэтому принципиально важно обеспечение связи воспитания с традиционными российскими ценностями и российской цивилизационной идентичностью (Багдасарян, Сильвестр (Лукашенко) 2023). О тесной связи генезиса национальных педагогических систем с национальной культурой и религиозной традицией рассуждал ещё К. Д. Ушинский, наследие которого приобретает особую востребованность (Багдасарян, Куренкова 2023).

Воспитание в основе своей есть ответ на вопрос о различии добра и зла. С ответа на вопрос, что есть добро и зло, осуществляется становление цивилизаций. Однако, к сожалению, этот ключевой вопрос в системе образования оказался на современном этапе её развития нивелирован. Вопрос о добре и зле должен быть возвращён в воспитательную деятельность. Более того, через дихотомию добра и зла следует выстраивать преподавание всех гуманитарных и обществоведческих дисциплин. История, к примеру, должна даваться не как комплекс нейтральных фактов, а как противоборство в прошлом сил добра и зла.

Воспитание, как фундаментальное основание образования, невозможно без установления системы запретов. Запреты-табу сопряжены с представлением о грехе, которое, в свою очередь, связано с определением зла. В современном обществе представления о грехе оказались размыты, следствием чего явилось смешение добра и зла. Новая цивилизационно-идентичная система воспитания должна восстановить в общественном сознании категорию греха, связанного с антиценностями. Грех должен осуждаться обществом и восприниматься в таком качестве молодёжью. Должна, соответственно, быть

восстановлена система запретов (допускаемая законом, но осуждаемая общественной моралью).

Российская традиционная педагогика являлась педагогией идеального. Воспитание и образование в соответствии с ней должны выстраиваться под целевую установку достижения общественных идеалов. Ценностная установка приоритета идеального над материальным является важнейшим ориентиром формируемого желаемого образа гражданина России. При обратной ситуации приоритетности материального общество неизбежно деградирует, переходит на позиции гедонизма и потребительства.

Исследование феноменов культурных кодов народов и цивилизационных сообществ открывает и перспективы развития новых подходов в педагогике. Воспитательная деятельность в этой перспективе видится как сублимация культурных кодов. Особое значение приобретает в данном случае символическая составляющая воспитательной деятельности. Важно выстраивание воспитательной работы с опорой на идентичные для российской цивилизации образы и символы. Напротив, образы и символы глобализма, получившие, к сожалению, широкую циркуляцию в молодёжной среде, должны быть ограничены и блокированы в использовании. Соответствующие ограничения должны касаться и использования сопряжённых с глобализмом англицизмов.

В образовательных учреждениях Российской империи и СССР приоритетное внимание уделялось формированию системы мировоззренческих представлений (картины мира). Постсоветское государство устранилось от задач формирования мировоззрения, и соответствующие компоненты были изъяты из образовательных программ. Однако к настоящему времени стало очевидным, что без системы мировоззрения человек оказывается объектом манипуляций антироссийской пропаганды, оказывается неспособен к осмыслению и структурированию поступающей информации. О задачах формирования системы мировоззрения говорил Патриарх Московский Кирилл (Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси 2024). Решению этих задач была подчинена разработка курса «Основы российской государственности», внесение изменений в подходы и содержание преподаваемых гуманитарных и обществоведческих дисциплин (Харичев, Полосин, Селезнёва 2024). Задача состоит в создании на основе заявленного перечня традиционных

российских духовно-нравственных ценностей системы смыслов, формировании целостной теории идентичной российской картины мира.

Формирование единой системы мировоззрения российских граждан предполагает создание «мировоззренческого канона», включающего базовые образы и идеи российской культуры, на которые следует опираться при выстраивании содержания воспитательной работы. В мировоззренческий канон должны быть включены российские мыслители, произведения литературы, кинематографа, изобразительного искусства, которые должен знать каждый гражданин России и с опорой на которые должно выстраиваться идентичное мировоззрение. Проводимые воспитательные мероприятия должны соотноситься с персоналиями и образцами мировоззренческого канона. Необходимо разработать календарь мировоззренческого канона, к которому должен быть приурочен график проводимых образовательным учреждением воспитательных мероприятий.

Указы Президента № 809 и № 314 задают в качестве оснований воспитательной работы опору на традиционные ценности и осмысление России в качестве государства-цивилизации². Такие опорные позиции определяют использование в качестве методологических оснований воспитания аксиологического и цивилизационного подходов. Применение аксиологического подхода предполагает исходное определение формируемых в процессе воспитания ценностей. Развёртка аксиологического подхода задаёт алгоритмизированную цепочку действий: ценности — цели — смыслы — проблемы — средства — результаты. В качестве ценностей Указом № 809 определены традиционные российские духовно-нравственные ценности, и их принятие явилось первым шагом в цепочке воспитательной деятельности. Следующими шагами необходимо выработать смысловую повестку, установить проблемы, понимаемые в качестве препятствий к достижению цели, найти адекватные средства — технологии, методы, приёмы и т. д.

Каждая из национальных педагогических систем исторически формировалась с опорой на цивилизационный фундамент. Однако сам по себе цивилизационный подход в педагогике не

² Указ Президента РФ от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_476013/ (дата обращения: 20.06.2025); Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 20.06.2025).

получил развития в качестве самостоятельной методологической платформы. Позиционирование России как государства-цивилизации подразумевает в том числе и осмысление в цивилизационном ракурсе системы воспитания. Развитие цивилизационного подхода в педагогике составляет в этом отношении ориентир научно-исследовательских разработок и практики педагогической деятельности.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Фиксация системного кризиса в образовании приводит к пониманию, что фундаментальные причины его состоят в ошибках антропологического характера. Неверное определение природы человека привело к ошибочной рецептуре в педагогике. В свою очередь это обернулось неверными (противоестественными с позиций традиции) общественными практиками в целом. Итогом стал современный глобальный кризис. И, соответственно, выход из него может быть найден только через устранение причины — через исправление фундаментальных ошибок во взгляде на человека.

Этимологически понятие «образование» в русском языке восходит к слову «образ». Именно через образование формируется личность человека, её социальный и нравственный облик. В этом смысле образование противопоставлено безобразию как утрате смысловой формы и структуры. В религиозной традиции человек мыслится как образ и подобие Божье, что придаёт образовательному процессу высшую целевую направленность — формирование личности в её идеальных проекциях как реализации духовной природы человека.

Разнообразие накопленного социального опыта между различными человеческими сообществами — от семей до целых цивилизаций — делает невозможным существование универсальной модели образования. Если опыты различных народов различны, значит, и образовательные системы должны носить цивилизационно-специфический характер. Отсюда проистекает необходимость выработки российской цивилизационной модели образования, основанной на тождественном ей антропологическом образе человека (Багдасарян Российское образование: выбор пути 2019: 8–10); (Багдасарян, Сильвестр (Лукашенко) 2023).

Каждая образовательная система неизбежно опирается на определённую нормативную антропологическую модель — эксплицитно заявленную или имплицитно встроенную в её основания (Bagdasaryan, Fedulin

2013). Необходимость педагогической антропологии подчёркивал ещё К. Д. Ушинский, сделавший эту проблему предметом системного научного анализа (Ушинский 1950). В зависимости от принятой антропологической модели варьируются цели воспитания, педагогические методы и содержательные приоритеты. Даже при отсутствии прямого декларирования антропологический вектор — то, каким должен стать человек в результате обучения, — неизбежно присутствует в любом образовательном контексте.

Христианская антропология рассматривает человека как образ и подобие Божье. В православной традиции это понимание существенно отличается от западнохристианских трактовок. В частности, если в католицизме Адам после грехопадения утратил лишь благодать, то в православии утверждается повреждение самой природы человека (Васечко 2006); (Сергий (Страгородский) 2011). Из этого следствия вытекает ключевая установка православной педагогики — ориентация на нравственное преобразование личности как цель образования (Зенько 2007).

Антропологические основания образования в Российской империи характеризовались двойственной природой. С одной стороны, на систему образования оказывало влияние западное Просвещение, с его акцентом на рационализм, автономию личности и секулярные идеалы. С другой стороны, существенную роль играла православная традиция, придававшая воспитанию духовно-нравственное измерение. Именно в рамках этой традиции акцентировалась идея человека как существа, устремлённого к преображению. Особенно ярко эта составляющая проявилась в образовательных реформах императоров Николая I и Александра III, для которых укрепление православных основ воспитания стало приоритетом государственной политики (Шахназаров 2009); (Шевченко 1998).

Советская модель образования выстраивалась на соединении новых подходов человекостроительства, проистекающих из левого направления отечественной философско-политической мысли, с элементами классической педагогики. С одной стороны, акцент делался на формирование «нового человека» — активного строителя социалистического общества, носителя коллективистской этики и исторического оптимизма. С другой стороны, педагогическая система сохраняла преемственность традиции, в особенности наследия К. Д. Ушинского, в области фундаментальной подготовки, дисциплинарной структуры и концепции целенаправленного воспитания. Особенно отчётливо эта синтетическая модель начала

формироваться в середине 1930-х годов в ходе сталинских реформ в сфере образования. Именно тогда была восстановлена централизованная система, усилен контроль над содержанием учебных программ, а также подчеркнута значимость воспитательной функции школы как института формирования мировоззрения (Багдасарян Крупская и педагогическая эпоха 2019).

Современная российская образовательная политика не формулирует в явной форме антропологическую цель — то есть идеал, к которому стремится процесс воспитания. На уровне официальных документов доминирует установка на формирование профессиональных компетенций, тогда как образ человека как целевой ориентир остаётся вне фокуса. Это обуславливает целый спектр функциональных затруднений. Тем не менее даже в этих условиях возможно аналитически реконструировать антропологические основания, имплицитно присутствующие в образовательных практиках и педагогических теориях.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Педагогические теории и образовательные системы в целом вырастают из представлений о человеке, укоренённых в определённой культурной и философской традиции. В каждом случае за педагогической практикой стоит своя антропология — нормативная модель личности, задающая направление образовательной деятельности.

В европейской традиции сложились различные подходы, каждый из которых отражал представления о природе человека, свободе, обществе и нравственности. Французская педагогика, опирающаяся на философию Ж.-Ж. Руссо, исходит из тезиса о природной доброте человека и необходимости свободного воспитания. Ребёнок должен развиваться без давления со стороны взрослого, следуя своим естественным интересам. Центральное место занимает принцип индивидуализации — раскрытия уникальных способностей и потребностей учащегося. Вмешательство педагога сводится к минимуму, его задача — лишь не мешать «естественному росту». Эта модель исключает понятие нормативного идеала и не ставит цели нравственного преобразования. Она отказывается от внешнего целеполагания и тем самым открывает путь к субъективизму в воспитании (Руссо 1981).

Английская образовательная модель, восходящая к философии Джона Локка, трактует человека как существо, чьё сознание формируется из опыта. Основной акцент делается на защиту ребёнка от вредного

воздействия внешней среды — отсюда развитие системы пансионатов как пространств социальной изоляции. Сознание человека, по Локку, есть исходно «чистая доска», на которую можно нанести любые письмена. Отсюда — конструктивистский подход к педагогике и в целом гуманитарной деятельности. Сконструировать человека можно любого в зависимости от задач, которые ставятся перед образовательным учреждением. Главное при этом избавиться от нежелательных внешних воздействий, способных подорвать целевые ориентиры педагогического конструирования.

Немецкая педагогика, сформированная под влиянием философии Иоганна Гербарта, строится на установке нормативной дисциплины. Человек рассматривается как поддающееся формированию существо, но нуждающееся в управляемом нравственном развитии. Образование должно опираться на строгую организацию, правила, порядок. Главная задача школы — структурировать мышление, выработать моральную волю и подчинить поведение общему долгу. Индивидуальность признаётся, но в рамках иерархически выстроенной системы отношений. Преобладающей в немецкой школе становится педагогика долга и послушания, ориентированная на общественный порядок (Алексеев 1907); (Сабинина 1888); (Фогель 1892).

Американская модель, связанная с философией прагматизма и именем Джона Дьюи, утверждает приоритет личного опыта и проектного обучения. Образование рассматривается как инструмент социальной интеграции и профессионального становления. Педагог помогает ученику через участие в реальных проектах, ориентированных на решение практических и даже утилитарных задач. Главный акцент делается на интересах ребёнка, свободе выбора, индивидуальных траекториях развития. Здесь, как и во французской модели, отсутствует целостное представление об идеале личности. Вместо формирования — сопровождение, вместо педагогической миссии — образовательная услуга. В таком подходе на первый план выходит функциональная подготовка к жизни, но при этом теряется духовно-нравственное содержание образования. Американская педагогика функционировала в формате педагогического менеджмента и оказывалась наиболее приспособлена для подготовки менеджеров (Дьюи 1925); (Дьюи 2000); (Дьюи 2009); (Килпатрик 1925); (Рогачёва 2005).

Русская педагогическая традиция строится на идее педагогики идеального, соединяющей христианскую антропологию с представлением

о социальности человека. Образование понимается как процесс нравственного и духовного преобразования, а личность — как проект, в котором заложена возможность восхождения к образу и подобию Божьему или представлениям общества об идеальном. Ребёнок в этой системе — не объект воздействия и не «обрабатываемая материя», как в немецкой традиции, но соратник учителя. Воспитание осуществляется как совместное восхождение к идеалу через труд, усилие, преодоление. Педагог здесь — и не контролёр, и не консультант, а проводник и наставник. Эта модель была воплощена в трудах К. Д. Ушинского, в традиции дореволюционного образования и получила развитие в советский период. С середины 1930-х годов, в ходе сталинских реформ, она усилилась через возрождение классической школы, подчёркивание дисциплины, роли учителя и идеала нового человека — гармоничного, коллективистского, трудолюбивого.

Основная методологическая дискуссия в отечественной педагогике велась с теорией свободного воспитания, утверждающей необходимость исходить из потребностей ребёнка. Русская педагогическая мысль рассматривала традиционно личностное развитие человека как преодоление самого себя. Личность растёт тогда, когда выходит за пределы привычного, когда оставляет зону комфорта и совершает нравственное усилие. Ориентация исключительно на текущие желания учащегося не формирует зрелую личность. Наоборот, оставленный наедине с собственными импульсами ребёнок отнюдь не всегда выбирает добро, труд, усилие — скорее он уклоняется от напряжения, выбирает путь наименьшего сопротивления (Давыдов 1996).

Выдающийся российский педагог П. Ф. Лесгафт метко описал логическую цепочку деградации в системе «свободного» воспитания: «Сначала — конфетка, потом — конфетка с ромом, потом — ром без конфетки» (Чувашев 1950: 7). Его ирония заостряет внимание на постепенном снижении норм, нравственного и интеллектуального уровня, если отсутствует педагогический вектор преодоления. А. И. Герцен, западник и сторонник идей свободы, оказавшись в Лондоне, был потрясён результатами воспитания, основанного на либеральной вседозволенности: «Что значат слова “человек родился свободным”? Я вам их переведу: человек рождается зверем» (Герцен 1986: 80). Эта формула, высказанная с болью и тревогой, обозначает предел: свобода, оторванная от нравственного идеала, ведёт не к возвышению, а к размыванию человеческого образа.

Современные социальные явления, включая акты насилия в образовательных учреждениях, свидетельствуют о том, что педагогика, освобождённая от идеала, становится неспособной выполнять функцию защиты и развития личности. Вопрос свободы ребёнка в педагогике оказывается не только методическим, но цивилизационно-фундаментальным.

Цивилизация может быть исторически разрушена, но, если при этом сохраняются традиции образования, несущие в себе идентичную антропологическую матрицу, она восстановится заново. И наоборот — цивилизация может формально сохраняться, но при разрушении системы трансляции её ценностей она теряет перспективу исторического бытия. Поэтому педагогическая антропология — исходная точка любой образовательной системы. Через определение начального и целевого образа человека формируется и содержание образования, и логика перехода от сущего к должному.

ТРИАДА РУССКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Русская антропология принципиально отличалась от западной. Различия России и Запада в понимании человека составляли фундамент цивилизационных расхождений. Три основы русской антропологии, через которые давалось раскрытие природы человека, — Бог, Душа и Народ. Человек сотворён по образу и подобию Божьему. В результате грехопадения произошло повреждение человеческой природы, и человек от образа и подобия Божьего в себе отступил. Но нравственная жизнь позволяет частично поправить повреждённую природу человека. Эта сверхзадача выражалась целевой установкой обожения (в более привычном для светского языка определении — одухотворения), сформулированной в православной доктрине исихазма. Одним из путей преображения является духовно-центричное обучение человека, главная цель которого — духовное преображение (Мейендорф 1997).

Второе основание раскрытия природы человека — Душа. Наличием души человек отличается от всех других существ. Смерть человека наступает тогда, когда душа покидает тело. Значение души в русской антропологической репрезентации оказало влияние на формирование особого типа душевно-центричной культуры в России.

Третьим основанием раскрытия природы человека в русской антропологии является Народ. Человек никак не мог быть для русского понимания индивидуумом. Он есть существо социальное.

Человек становится человеком только в связке с другими людьми — общиной, которой он принадлежит, народом в целом. Отсюда вместо индивидуализации установка социализации.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОБРЕТЕНИЕ СПОСОБНОСТИ РАЗЛИЧАТЬ ДОБРО И ЗЛО

Каков человек по своей природе — добр или зол? Сегодня этот вопрос выведен из дискурсивной повестки. Сама его постановка будет лишена смысла. Но ещё в раннее Новое время этот вопрос был ключевым в выстраивании педагогических подходов. Томас Гоббс полагал природу человека злой. Злая природа определяла установку войны всех против всех. Для выхода из неё потребовалось заключение общественного договора и создание института государства. Применительно к педагогике взгляд «человек по своей природе зол» означал, что зло надо подавлять наказаниями и дисциплиной. Возможно, поэтому в британских школах до недавнего времени применялись телесные наказания. Английская педагогика в этом плане принципиально отличалась от американской, построенной на идее свободы обучающегося, что английские педагоги отказывались принимать. Как следствие — английская и американская школы принципиально отличаются и по качеству подготовки.

В противоположность Гоббсу Жан-Жак Руссо считал, что человек по своей природе добр. На этой платформе, ставшей под влиянием руссоистских взглядов доминантной, в педагогике получили развитие идеи свободного воспитания. Добрый по своей природе человек, будучи свободен в своём обучении, должен был, соответственно, выбрать добро.

Третий подход, который заявляла западноевропейская мысль, заключался в позиции Джона Локка: человек ни добр и ни зол. Его можно сделать добрым или злым, сконструировав или слепив тем или иным образом. Такой посыл дал основание для развития конструктивистского подхода.

В православной традиции ни один из этих взглядов не был принят. Сообразно с ней человек не добр и не зол. Нельзя человека считать и нейтральным от добра и от зла. Правильнее говорить о несовершенстве человека. Преодолевая это несовершенство, человек приближается к Богу, а соответственно, развивается в сторону добра. Поэтому образование оказывается сфокусированным на знаниях и умениях различения добра и зла. Задачей учителя является то, чтобы обучающийся сделал выбор в пользу добра и отверг зло.

Между тем анализ школьных учебников, охватывающих полные 11 лет обучения, показывает почти полное отсутствие категорий «добро» и «зло». Эти понятия не фигурируют в федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) основного общего и среднего образования. Они едва заметны в начальной школе — в разделе литературного чтения, где упоминаются в контексте личностного развития через литературу. В перечнях профессиональных компетенций высшего образования эти базовые нравственные категории также отсутствуют. Таким образом, ключевая миссия образования — воспитание способности к различению добра и зла — оказывается выхоленной.

Взамен в образовательные стандарты активно внедряется категория толерантности, представленная как базовое основание межкультурного взаимодействия. Понятие толерантности, восходящее к Джону Локку, первоначально имело ограниченное значение — как требование терпимости в условиях религиозных разногласий в секуляризирующемся обществе (Локк 1988: 91–134). Однако позднее оно было расширено, охватывая не только иные конфессии, но и формы поведения, ранее традиционно определявшиеся как нравственные отклонения. В российском образовательном пространстве активное внедрение дискурса толерантности началось в 1990-х годах — на волне включения в постмодернистский глобальный контекст, где концепт добра и зла оказался вытеснен понятием плюрализма норм (Гусейнова 2014); (Клейберг 2012); (Осипова, Богданова 2011).

Обращение к толерантности исходно использовалось как средство противодействия ксенофобии. Однако её абсолютизация, отказ от установления границ допустимого способствуют нивелировке самих понятий нравственного порядка. Следует задать предельный вопрос: подлежит ли терпимости идеология фашизма? Или — преступления террористов и педофилов? При распространении на эти явления требований терпимости стирается грань между добром и злом. Взамен бинарной структуры моральной оценки утверждается аксиологический релятивизм: любое поведение становится равнозначным как проявление индивидуальности.

К чему приводит гипертрофированное понимание толерантности, видно на примере ряда западных стран. В отдельных школах США сегодня факультативно преподаются основы сатанизма, сопровождаемые игровой литературой, адресованной детям. Возведён памятник Бафомету — сатанинской фигуре, изображённой в окружении детей. Явления, некогда

определявшиеся как нравственное зло, получают институциональное признание. В то же время носители традиционной добродетели в школьной среде становятся объектом насмешек. Устанавливается парадоксальная ситуация, когда воспитание, ориентированное на нравственный идеал, оказывается маргинализированным, а моральная девиация институционально поощряется³.

Эта трансформация культурных ориентиров имеет прямое отношение к образованию. Подменяя воспитание как борьбу за добро социальной нейтральностью и релятивизмом, образовательная система перестаёт быть гарантом культурной устойчивости. Общество, отказывающееся различать добро и зло, оказывается неспособным к самоорганизации, духовному воспроизводству и историческому бытию.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ГЕНЕЗИС ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Национальные педагогические системы, сформировавшиеся в ходе истории, в значительной степени обязаны своим генезисом определённым религиозным традициям. На это обстоятельство указывал ещё К. Д. Ушинский, подчёркивая, что воспитание и образование в любом народе выстраиваются на основе господствующего вероучения и религиозного сознания.

Так, американская педагогика не может быть понята вне её кальвинистского основания. Кальвинизм оказал системообразующее влияние как на американскую общественную модель в целом, так и на образовательные практики. В рамках протестантской Реформации было осуществлено кардинальное переосмысление роли духовенства: в кальвинистской традиции священник перестал быть носителем сакрального знания, превратившись в избираемого администратора религиозной общины. Это предопределило и демократизацию педагогического взаимодействия: учитель утратил статус сакральной фигуры и стал партнёром, координатором, навигатором образовательного процесса. Определяющим в такой модели стало стремление минимизировать дистанцию между учеником и учителем.

Современные подходы, внедряемые сегодня в российскую школу как «инновационные», во многом воспроизводят этот кальвинистский педагогический стиль — отказ от иерархии, моделирование общения

³ В Америке выпустили «Большую сатанинскую книгу» // Сайт Пятого канала. — 2015. — 15 мая. — URL: <https://www.5-tv.ru/news/96586/> (дата обращения: 17.06.2025).

на равных. Однако эффективность «расплёскивания» педагогического авторитета остаётся предметом дискуссий. Один тип воспитания ориентирован на раскрепощение ученика, другой — на формирование уважительного отношения к знанию и наставнику. По своей сути диалоговые формы занятий в американской школе нередко копируют формат кальвинистской проповеди — интерактивной, эмоционально насыщенной, апеллирующей к личному опыту слушателя.

С кальвинистской антропологией коррелирует и децентрализованная модель американского образования. Как религиозные общины в протестантской традиции обладают широкими возможностями автономного управления, так и американские образовательные учреждения исторически развивались как независимые, самоуправляемые структуры. Это контрастирует с католической моделью, ориентированной на иерархичность и централизованность.

Кальвинистское представление об избранности как априорном разделении людей на «предуспешных» и «непредуспешных» также оказало влияние на индивидуалистическую установку американской педагогики. В центре образовательной миссии оказывалось раскрытие личного потенциала как знака божественного избрания. Концепт успеха, лидерства и индивидуальной самореализации формировался не только как социальный, но и как теологический (Вебер 1990); (Виппер 1894).

Важную роль в трансформации педагогических моделей сыграл и пантеизм, распространившийся в западноевропейской мысли на стадии перехода к Новому времени. Согласно пантеистическим представлениям, Божественное начало заключено во всей природе, а значит, ребёнок как часть природы изначально несёт в себе импульсы к добру и познанию (Гвардини 1990). Этот мировоззренческий фундамент лёг в основу теории свободного воспитания: ребёнку не нужно навязывать идеалы, он сам, без внешнего принуждения, придёт к истине и нравственному развитию. Однако эффективность этой модели возможна лишь при допущении реальности врождённого стремления к добру — тезиса, справедливость которого вне соответствующей теологической рамки остаётся недоказанной.

Классическая западноевропейская система образования восходит к католическим образовательным институтам Средневековья. Современная структура бакалавриата и магистратуры первоначально отражала ступени теологического образования. Именно в этой традиции была

сформирована классно-урочная система, а также представление об учителе как центральной фигуре образовательного процесса. В католической педагогике образовательное учреждение выстраивается вокруг учителя как носителя знания и авторитета. В протестантской школе, напротив, ключевой фигурой становится ученик, а педагог предоставляет образовательные услуги по его запросу (Западноевропейская средневековая школа и педагогическая мысль 1990).

Лютеранская модель образования, сложившаяся в странах Северной Европы, Германии и Финляндии, исходит из принципа «всеобщего священства» — каждый верующий должен самостоятельно читать и понимать Священное Писание. Именно этот принцип положил начало идее всеобщей грамотности. Финская система, сегодня позиционируемая как одна из лучших в мире, генетически связана с лютеранской установкой на просвещение каждого. Лютеранство также оказало влияние на становление профессиональной школы и ориентацию образования на социализацию через труд (Очерки истории западного протестантизма 1995).

Иудейская образовательная традиция с момента своего возникновения была органически связана с религиозной жизнью. На протяжении веков обучение иудаизму фактически означало получение образования как такового. Центральное место в хедере и иешиве занимало изучение Талмуда. В рамках иудейской педагогики сложилась особая традиция развития логического мышления, необходимого для участия в религиозных диспутах. Особую роль сыграла методика «пилпул» — искусство выстраивать аргументы «за» и «против» одного и того же положения. Хотя не всеми раввинистами эта методика признавалась, она оказала влияние на развитие аналитических навыков в иудейской среде⁴.

Исламская педагогика по-прежнему сохраняет системообразующее значение в странах мусульманского мира. В религиозных школах (медресе) реализуется непосредственная трансляция духовных знаний. В светских учреждениях элементы исламской педагогики присутствуют в опосредованной форме — как в случае с сетью школ, связанных с движением Фетхуллага Гюлена. Отличительной чертой исламской педагогики является значимость духовного наставничества и личностного

⁴ Пилпул // Электронная еврейская энциклопедия. — URL: <https://eleven.co.il/talmud-rabbinics/overview/13215/> (дата обращения: 01.07.2025).

контакта между учителем и учеником⁵. Важнейшую роль играют не только уроки, но и индивидуальные духовные беседы, выходящие за рамки формального обучения (Саяхов, Аминов 2019).

Конфуцианская педагогическая традиция, лежащая в основании систем образования Сингапура, Южной Кореи, Китая, строится на принципах ритуала, иерархии, коллективизма и почитания старших. В отличие от западной педагогики, ориентированной на развитие личности, здесь ребёнок с поступлением в школу попадает в систему строгой дисциплины и возрастной иерархии. Свобода и самовыражение рассматриваются как второстепенные по сравнению с обязанностью и долгом. Педагогика, построенная на принципе кооперации, предполагает, что через коллективное выполнение заданий формируются как знания, так и социальные навыки. В Южной Корее, несмотря на политическую и экономическую интеграцию в западный мир, образовательная модель сохраняет конфуцианскую структуру: жёсткая дисциплина, телесные наказания, коллективная ответственность, безусловное подчинение авторитету учителя и старших. Всё это, с позиций западной педагогики, может выглядеть как архаика, однако на практике доказало высокую эффективность в условиях модернизационного скачка (Васильева 2018).

В системе мировых педагогических традиций существует и православное направление, сформировавшееся на основе соответствующей антропологии и богословской мысли. Эта модель, органично развивавшаяся в русле отечественной культуры, получила своё выражение в российской школе педагогики — как дореволюционной, так и советской. Несмотря на официально декларируемый атеизм, педагогическая система в СССР сохраняла целый ряд ценностных установок, укоренённых в православной традиции. К ним относятся ориентация на идеал, понимание образования как средства преображения личности и признание коллективной идентичности как основы социального становления.

Отличительной чертой православного подхода к образованию является целостное (холистское) видение личности и мира. В педагогике это выражается в приоритете фундаментальной подготовки и в подходе к воспитанию как к процессу, охватывающему не только интеллектуальное, но и нравственно-духовное измерение. Вероятные истоки этой

⁵ Сколько в мире школ Гюлена и как Турция пытается их закрыть // Рамблер. — 2016. — 23 сентября. — URL: https://news.rambler.ru/education/34800733/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 01.07.2025).

ориентации на целостность можно видеть в платонической традиции, лежащей в основе византийского богословия, противоположной по направленности аристотелевской логике католической схоластики. Холистская педагогика стремится не к передаче узкоспециализированных знаний, а к формированию духовно-смысловой целостности личности (Климент Александрийский 2018); (Медведев 1997).

Особое место в православной педагогике занимает идея преобразования человека. Хотя этот термин не использовался в официальном советском педагогическом дискурсе, сама система образования была целенаправленно ориентирована на формирование нового, «совершенного» человека. Категория идеала, сквозного для всех этапов воспитания и обучения, выступала в качестве ведущего основания формирования личности. Советская концепция «всесторонне развитой личности» наследует, пусть в светской форме, религиозно-педагогическую установку на нравственное совершенствование.

Православная категория соборности, обозначающая духовное единство многих как единой личности, нашла своё преломление в идеологии коллективизма, занявшей центральное место в системе воспитания в СССР. Коллектив — это не просто форма организации, но пространство нравственного роста, в котором личность реализует себя через служение целому. Коллективные формы воспитательной работы, включая пионерские и комсомольские организации, во многом продолжали линии православной педагогической мысли о воспитании через соработничество, единение и личную ответственность за общее благо.

Приведение в соответствие педагогических систем их мировоззренческому основанию не означает передачи образования в юрисдикцию Церкви. Речь идёт о признании фундаментальных различий между национальными педагогическими моделями, сформировавшимися в рамках различных религиозных и культурных традиций. Это признание должно стать основой для критической оценки заимствований, особенно тех, что не учитывают собственную антропологическую и аксиологическую основу.

Согласно православной методологии, педагогическая деятельность строится на основе четырёх фундаментальных отношений, раскрывающих миссию учителя. Это: христоцентричность (отношение к Богу), еклесиологичность (отношение к Церкви), педоцентричность (отношение к ученику), миссиоцентричность (отношение к самому

себе как к исполнителю миссии). В светской школе эти принципы могут быть адаптированы в форме четырёх аналогичных аксиологических отношений: к идеальному, к обществу, к учащемуся и к профессии учителя как призванию. В таком ракурсе образовательная модель приобретает системную и внутренне связную структуру, существенно превосходящую по целостности модели, лишённые нормативного и метафизического основания (Зеньковский 1993); (Шестун 2001).

На вопрос о цели образования в свете православной традиции глубоко ответил В. В. Зеньковский, один из ведущих теоретиков христианской педагогики. В своей работе «Педагогика» он писал: «Цель воспитания в свете православия есть помощь детям в освобождении от власти греха... помощь в раскрытии образа Божия... раскрытие пути вечной жизни» (Зеньковский 1993: 152). Это утверждение подводит к ключевому смысловому ядру образования: формирование способности различать добро и зло как главной духовно-нравственной дихотомии человеческого существования.

В современном российском образовании, приходится констатировать, эта задача оказалась утрачена. В учебных планах и стандартах гуманитарных дисциплин отсутствуют понятия добра и зла как нормативных ориентиров. Между тем в идеале каждый педагог, выстраивая содержание урока, должен формулировать не только предметные задачи, но и соответствующую им этическую оппозицию — как выражение фундаментального выбора между добром и злом.

ТРАДИЦИОННЫЕ РОССИЙСКИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА СУВЕРЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Современная модель российского образования формируется на основе ценностного подхода, в центре которого — воспитание как системообразующий компонент. Образование, в своей сущности, не ограничивается трансляцией знаний и навыков: оно призвано формировать личность, способную к моральному суждению, ответственному действию и гражданскому самоопределению. Именно поэтому приоритет воспитательной составляющей, основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях, приобретает ключевое значение в проектировании образовательной политики.

Ценностный подход предполагает логику последовательного действия: от формулирования базовых ценностей воспитания — через

определение целевых установок, постановку актуальных проблем и выбор средств — к достижению целостного результата. Одним из важнейших условий эффективности воспитательной деятельности выступает её внутренняя непротиворечивость. Несогласованность целевых ориентиров, а тем более их противоречие в практике, ведёт к снижению доверия со стороны обучающихся, деструкции воспитательной среды. Каждый элемент должен быть согласован с другими, образуя единую, интегративную систему, в основе которой — традиционные российские духовно-нравственные ценности как аксиологическое ядро (Багдасарян, Сильвестр (Лукашенко) 2022); (Багдасарян, Сильвестр (Лукашенко) 2024); (Дугин, Малафеев, Ткачёв 2023).

Указ Президента № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» представляет собой ценностный поворот в российской государственной политике. В нём зафиксирована необходимость обращения к фундаментальным, цивилизационно идентичным для России ценностям. Эта необходимость обусловлена несколькими стратегическими обстоятельствами.

Во-первых, без общезначимых ценностей ни государство, ни общество не способны сохранять внутреннюю консолидацию. Исторический опыт 1990-х годов показал, что утрата ценностного ядра приводит к распаду управленческих ориентиров, снижению общественной мобилизации и подрыву суверенитета. Во-вторых, мировой ценностный кризис, выраженный в доминировании гедонизма, релятивизма и культа потребления, обозначил вектор цивилизационной деградации, на который Россия отвечает возвратом к духовным основаниям. В-третьих, внешние вызовы, включающие элементы информационно-психологической войны, делают актуальной задачу воспитания устойчивого гражданского самосознания, основанного на собственной историко-культурной идентичности. В-четвёртых, сами традиционные ценности России не являются искусственной конструкцией, а воплощены в институтах, менталитете, самом бытии народа. Это делает их не декларативным набором, а выражением подлинного образа жизни — жизнеустройства.

В этом контексте важнейшей становится категория мировоззрения. Оно рассматривается как интегральная система представлений человека о мире, о своей роли в нём, о критериях оценки поступков и социальных явлений. Образование, ориентированное на формирование целостного

мировоззрения, должно быть нацелено на формирование ценностных представлений в опоре на духовно-нравственные основания российской цивилизации. Молодёжь, получающая образование в рамках этой парадигмы, должна осознавать уникальность исторического пути России, её миссию в мировом развитии, принципы добра, справедливости и служения Отечеству.

Аксиологический подход по своей природе дихотомичен: выдвигание ценностей логически предполагает признание антиценностей, то есть разрушительных форм мировоззрения и поведения, подрывающих целостность общества. Ценности и антиценности соотносятся с категориями добра и зла, где зло означает не просто иное, но — этически неприемлемое. Следовательно, воспитание в рамках ценностного подхода не может быть нейтральным, оно требует отторжения того, что признано морально и культурно деструктивным.

Борьба ценностных систем — аксиомахия — лежит в основе современных мировых противостояний. Россия, выбрав путь цивилизационного самоопределения, неизбежно сталкивается с враждебностью тех, кто отрицает её ценностный выбор. Соответственно, утверждение и защита своих традиционных ценностей становится элементом национального суверенитета. В этой связи воспитатель оказывается не просто организатором педагогического процесса, но и субъектом аксиологической защиты общества, действующим на передовой линии информационно-психологического противостояния.

***

Мир вступил в фазу масштабных системных трансформаций, затрагивающих все сферы общественной жизни. Информационная и цифровая революции, ускорение глобализационных процессов, сдвиги в структурах социальной организации — всё это оказывает прямое влияние на институциональные формы, содержательные установки и целеполагание систем образования.

Однако становится очевидным, что в ситуации неустойчивости победить сможет тот, кто будет иметь опору. Такая опора в образовании связывается с идентичным цивилизационным фундаментом, культурными кодами сложных социальных систем. Нужны образовательные константы, которые бы составили социогуманитарное ядро образовательных систем. Суверенная система образования в XXI веке должна быть не просто функциональной, а ценностно защищённой, способной транслировать

и укреплять цивилизационную идентичность, воспроизводить культурный код нации и обеспечивать преемственность поколений.

Для России сегодня принципиально важно возвращение к модели цивилизационно-идентичного российского образования. Такое возвращение к себе позволит максимизировать цивилизационные потенциалы для нового российского исторического прорыва. Суверенная российская школа педагогики имеет устойчивые, воспроизводимые черты, связующие в преемственную систему православную педагогику, классическую педагогику Российской империи, неоклассическую советскую педагогику, восстанавливаемую с опорой на традиционные российские духовно-нравственные ценности новую российскую педагогику.

К характерным воспроизводимым чертам российской системы образования можно отнести:

- ориентацию на общественный идеал;
- идею преображения человека (в христианской версии — восстановление образа Божьего, в советской версии — формирование духовно-центричной личности);
- коллективное («соборное») воспитание;
- приоритетность фундаментальной подготовки;
- приоритетность развития личности в отношении к получению знаний;
- ориентацию на социализацию человека в системе общественных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Алексеев В. Г. Гербарт, Штрюмпель и их педагогические системы. — Юрьев : тип. К. Маттисена, 1907. — 112 с.

Багдасарян В. Э. Крупская и педагогическая эпоха. — М. : МГОУ, 2019. — 180 с.

Багдасарян В. Э. Российское образование: выбор пути. — М. : Отчий дом, 2019. — 336 с.

Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., Сильвестр (Лукашенко), архим. Традиционные ценности как основа нового мировоззренческого строительства. — Ярославль : Шукаев и семья, 2024. — 296 с.

Багдасарян В. Э., Куренкова Е. А. Исторический процесс в воззрениях К. Д. Ушинского // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. — 2023. — № 2. — С. 8–17.

Багдасарян В. Э., Сильвестр (Лукашенко), архим. Педагогические системы: цивилизационно-ценностные основания. — Ярославль : Индиго, 2023. — 418 с.

Багдасарян В. Э., Сильвестр (Лукашенко), архим. Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения. — Ярославль : ОАО «СПК», 2022. — 256 с.

Васечко В. Н., иерей. Сравнительное богословие. — М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2006. — 100 с.

Васильева Е. Д. Конфуцианские ценности как доминанта культурного профиля Сингапура // Международный научно-исследовательский журнал. — 2018. — № 2 (68). — С. 61–67.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990. — С. 61–272.

Виппер Р. Ю. Влияние Кальвина и кальвинизма на политические учения и движения XVI века. Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма. — М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1894. — 763 с.

Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. — 1990. — № 4. — С. 127–163.

Гусейнова Э. М. Основные подходы к изучению понятия толерантности в отечественной и зарубежной науке // Молодой учёный. — 2014. — № 21. — С. 626–629.

Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. — М. : ИНТОР, 1996. — 544 с.

Дугин А. Г., Малафеев К. В., Ткачёв А., прот. Азбука традиционных ценностей. — М., 2023. — 96 с.

Дьюи Д. Демократия и образование. — М. : Педагогика-пресс, 2000. — 384 с.

Дьюи Д. От ребёнка — к миру, от мира — к ребёнку. — М. : Карапуз, 2009. — 348 с.

Дьюи Д. Школа и общество. — М. : Работник просвещения, 1925. — 127 с.

Западноевропейская средневековая школа и педагогическая мысль (Исследования и материалы) : сб. науч. трудов. — М. : Академия педагогических наук СССР, 1990. — 143 с.

Зенько Ю. М. Основы христианской антропологии и психологии. — СПб. : Речь, 2007. — 912 с.

Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. — М. : Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1993. — 224 с.

Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова : в 2 т. — М. : Изд-во Московской Патриархии, 1993. — Т. 1. — 470 с.

Килпатрик В. Х. Метод проектов. Применение целевой установки в педагогическом процессе. — Л. : Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1925. — 43 с.

Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Церковь и школа: Образование + Воспитание = Личность. — М. : Изд-во Московской Патриархии, 2024. — 144 с.

Клейберг Ю. А. Толерантность и деструктивная толерантность: понятие, подходы, типология, характеристика // Общество и право. (Краснодар). — 2012. — № 4 (41). — С. 329–334.

Климент Александрийский. Педагог. — СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2018. — 345 с.

Локк Дж. Сочинения в трёх томах. — М. : Мысль, 1988. — Т. 3. — 668 с.

Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. — СПб. : Алетейя, 1997. — 340 с.

Мейендорф И. Жизнь и труды св. Григория Паламы: Введение в изучение. — СПб. : Византинороссика, 1997. — 440 с.

Осипова С. И., Богданова А. И. Генезис сущности и содержания понятия «толерантность» // Сибирский педагогический журнал. — 2011. — № 6. — С. 114–131.

Очерки истории западного протестантизма / под ред. Кислова А. А. — М. : Институт всеобщей истории РАН, 1995. — 256 с.

Рогачёва Е. Ю. Педагогика Джона Дьюи в XX веке: кросс-культурный контекст. — Владимир : ВГПУ, 2005. — 333 с.

Сабинина М. В. И. Ф. Герbart и его педагогика. — СПб. : тип. В. С. Балашева, 1888. — 31 с.

Саяхов Р. Л., Аминов Т. М. Исламская педагогика : учеб. — Уфа : Изд-во БГПУ, 2019. — 160 с.

Сергий (Страгородский), митрополит Московский и Коломенский. Православное учение о Спасении. — М. : Общество памяти игумении Таисии, 2011. — 320 с.

Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 11 т. — М. ; Л. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1950. — Т. 8. — 775 с.

Фогель А. Философские основания педагогики: Локк, Кант, Гегель, Шлейермахер, Герbart, Бенекке: Введение к пониманию научной педагогики. — Митава : журнал «Гимназия», 1892. — 134 с.

Харичев А. Д., Полосин А. В., Селезнёва А. В. Основы российской государственности: учеб. пособие. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2024. — 448 с.

Чувашев И. В. П. Ф. Лесгафт о семейном воспитании // Семья и школа. — 1950. — № 2. — С. 5–8.

Шахназаров В. Г. Философско-антропологические воззрения К. П. Победоносцева и М. Н. Каткова. Диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук. — Н. Новгород : Нижегородский государственный педагогический университет, 2009. — 181 с.

Шевченко М. М. Император Николай I и ведомство народного просвещения // Философский век. — Вып. 6. — СПб., 1998. — С. 100–117.

Шестун Е., священник. Православная педагогика. — М. : Про-Пресс, 2001. — 576 с.

Bagdasaryan V. E., Fedulin A. A. Historical Variability of Anthropological Models and Categorical Essence of Human Nature // Bylye Gody. — 2013. — № 28 (2). — С. 11–17.

Сведения об авторе:

Вардан Эрнестович Багдасарян — доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, Государственный университет просвещения, 105005, Москва, ул. Радио, 10А, e-mail: fakul-ipp@eduprosvet.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 27.02.2025; одобрена после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 20.03.2025.

V. E. Bagdasaryan

STATE UNIVERSITY OF EDUCATION,
MOSCOW, RUSSIA

Civilizational, Spiritual and Moral Foundations of Russian Education: A Strategy for Restoring Sovereign Potentials⁶

Abstract. The article examines the methodological, civilizational and anthropological foundations for shaping a sovereign model of Russian education. Emphasis is placed on the necessity of rejecting borrowed Western educational approaches that are incompatible with Russia's spiritual and cultural tradition. As an alternative, the author proposes a return to traditional spiritual and moral values and to a national pedagogical model grounded in the principles of Orthodox anthropology, the idea of personal transformation, and collective education.

The central idea is that education should be understood as a mechanism of civilizational reproduction, inseparable from the transmission of identity and values. Particular attention is devoted to the concepts of good and evil as formative categories within the framework of educational practice. It is emphasized that a sovereign educational system is not merely a technological institution, but an axiologically protected structure capable of ensuring the historical and spiritual continuity of civilization.

---

⁶ This study was carried out within the framework of the state project «Research on the Value and Worldview Foundations of Russian Pedagogical Anthropology» (theme No. 125062007342-8) of the Ministry of Education of the Russian Federation for 2025.

Keywords: education, civilizational approach, spiritual and moral values, pedagogical anthropology, identity, upbringing, good and evil, Orthodox tradition, sovereignty, transmission of values, educational policy

For citation: Bagdasaryan, V. E. (2025). Civilizational, Spiritual and Moral Foundations of Russian Education: A Strategy for Restoring Sovereign Potentials. *Orthodoxia*, (2), 28–57. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-2-28-57

REFERENCES:

Alekseev, V. G. (1907). Gerbart, Shtryumpel' i ikh pedagogicheskie sistemy [Herbart, Strümpel and Their Pedagogical Systems]. Yuriev : tip. K. Mattisena. [In Russian].

Bagdasaryan, V. E. (2019). Krupskaya I pedagogicheskaya epokha [Krupskaya and the Pedagogical Era]. Moscow : MGOU. [In Russian].

Bagdasaryan, V. E. (2019). Rossiyskoe obrazovanie: vybor puti [Russian Education: Choosing the Path]. Moscow : Otchiy dom. [In Russian].

Bagdasaryan, V. E., Fedulin, A. A. (2013). Historical Variability of Anthropological Models and Categorical Essence of Human Nature. *Bylye Gody*, 28(2), 11–17.

Bagdasaryan, V. E., Ierusalimskiy, Yu. Yu., Silvestr (Lukashenko), archim. (2024). Traditsionnye tsennosti kak osnova novogo mirovozzrencheskogo stroitel'stva [Traditional Values as the Foundation of New Worldview Construction]. Yaroslavl : Shukaev i sem'ya. [In Russian].

Bagdasaryan, V. E., Kurenkova E. A. (2023). Istoricheskiy protsess v vozzreniyakh K. D. Ushinskogo [The Historical Process in the Views of K. D. Ushinsky]. *Vestnik MGOU, Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, (2), 8–17. [In Russian].

Bagdasaryan, V. E., Silvestr (Lukashenko), archim. (2022). Traditsionnye tsennosti: strategiya tsivilizatsionnogo vozrozhdeniya [Traditional Values: Strategy for Civilizational Revival]. Yaroslavl : OAO “SPK”. [In Russian].

Bagdasaryan, V. E., Silvestr (Lukashenko), archim. (2023). Pedagogicheskie sistemy: tsivilizatsionno-tsennostnye osnovaniya [Pedagogical Systems: Civilizational and Value Foundations]. Yaroslavl: Indigo. [In Russian].

- Chrysostom, St. John. (1993). *Besedy na Evangelie ot Ioanna Bogoslova : v 2 t.* [Conversations on the Gospel of John the Theologian: in 2 vol.]. (Vol. 1). Moscow : Izd-vo Moskovskoy Patriarkhii. [In Russian].
- Chuvashv, I. V. (1950). P. F. Lesgaft o semeynom vospitanii [P. F. Lesgaft on Family Education]. *Sem'ya i shkola*, (2), 5–8. [In Russian].
- Clement of Alexandria. (2018). *Pedagog [Paedagogus]*. Saint Petersburg : Izd-vo Olega Abyshko. [In Russian].
- Davydov, V. V. (1996). *Teoriya razvivayushchegosya obucheniya* [Theory of Developing Learning]. Moscow : INTOR. [In Russian].
- Dewey, J. (1925). *Shkola i obshchestvo* [School and Society]. Moscow : Rabotnik prosveshcheniya. [In Russian].
- Dewey, J. (2000). *Demokratia i obrazovanie* [Democracy and Education]. Moscow : Pedagogika-press. [In Russian].
- Dewey, J. (2009). *Ot rebyonka — k miru, ot mira — k rebyonku* [From Child to World, from World to Child]. Moscow : Karapuz. [In Russian].
- Dugin, A. G., Malafeev, K. V., Tkachev, A., archp. (2023). *Azbuka traditsionnykh tsennostey* [ABC of Traditional Values]. Moscow. [In Russian].
- Gvardini, R. (1990). *Konets novogo vremeni* [The End of Modern Times]. *Voprosy filosofii*, (4), 127–163. [In Russian].
- Guseynova, E. M. (2014). *Osnovnye podkhody k izucheniyu ponyatiya tolerantnosti v otechestvennoy i zarubezhnoy nauke* [Main Approaches to Studying the Concept of Tolerance in Domestic and Foreign Science]. *Molodoy uchenyy*, (21), 626–629. [In Russian].
- Kharichev, A. D., Polosin, A. V., Selezneva, A. V. (2024). *Osnovy rossiyskoy gosudarstvennosti: ucheb. posobie* [Fundamentals of Russian Statehood: textbook]. Moscow : Izdatel'skiy dom "Delo" RANHiGS. [In Russian].
- Kilpatrick, W. H. (1925). *Metod proektov. Primenenie tselevoy ustanovki v pedagogicheskom protsesse* [The Project Method: The Use of the Purposeful Act in the Educative Process]. Leningrad : Izd-vo Brokgauz-Efron. [In Russian].
- Kirill, Patriarch of Moscow and All Rus'. (2024). *Tserkov' i shkola: Obrazovanie + Vospitanie = Lichnost'* [Church and School: Education + Upbringing = Personality]. Moscow : Izd-vo Moskovskoy Patriarkhii. [In Russian].
- Kleiberg, Yu. M. (2012). *Tolerantnost' i destruktivnaya tolerantnost': ponyatie, podkhody, tipologiya, kharakteristika* [Tolerance and Destructive Tolerance: Concept, Approaches, Typology, Characteristics]. *Obshchestvo i pravo (Krasnodar)*, 41(4), 329–334. [In Russian].
- Locke, J. (1998). *Sochineniya v trekh tomakh* [Works in Three Volumes]. (Vol. 3). Moscow : Mysl'. [In Russian].

Medvedev, I. P. (1997). Vizantiyskiy gumanizm XIV–XV vv. [Byzantine Humanism of the XIV–XV Centuries]. Saint Petersburg : Aleteya. [In Russian].

Meyendorff, I. (1997). Zhizn' i trudy sv. Grigoriya Palamy: Vvedenie v izuchenie [A Study of Gregory Palamas]. Saint Petersburg : Vizantino-rossika. [In Russian].

Osipova, C. I., Bogdanova, A. I. (2011). Genezis sushchnosti i sodержaniya ponyatiya “tolerantnost” [Genesis of the Essence and Content of the Concept “Tolerance”]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*, (6), 114–131. [In Russian].

Ocherki russkogo protestantizma [Essays on Russian Protestantism]. (1995). Moscow : Institut vseobshchey istorii RAN. [In Russian].

Rogachyova, E. Yu. (2005). Pedagogika Dzhona Dyui v XX veke: kross-kulturnyy kontekst [John Dewey’s Pedagogy in the XX Century: Cross-Cultural Context]. Vladimir : VGPU. [In Russian].

Sabinina, M. V. (1888). I. F. Gerbart i ego pedagogika [I. F. Herbart and His Pedagogy]. Saint Petersburg : tip. V. S. Balasheva. [In Russian].

Sayakhov, R. L., Aminov, T. M. (2019). Islamskaya pedagogika. Uchebnik [Islamic Pedagogy. Textbook]. Ufa : Izd-vo BGPU. [In Russian].

Sergiy (Stragorodsky), Metropolitan of Moscow and Kolomna. (2011). Pravoslavnoe uchenie o Spasении [Orthodox Teaching on Salvation]. Moscow : Obshchestvo pamyati igumenii Taisii. [In Russian].

Shakhnazarov, V. G. (2009). Filosofsko-antropologicheskie vozzreniya K. P. Pobedonostseva i M. N. Katkova [Philosophical and Anthropological Views of K. P. Pobedonostsev and M. N. Katkov] [Dissertation of Candidate of Philosophical Sciences. Nizhny Novgorod State Pedagogical University]. Nizhny Novgorod. [In Russian].

Shevchenko, M. M. (1998). Imperator Nikolay I i vedomstvo narodnogo prosveshcheniya [Emperor Nicholas I and the Department of Public Education.] *Filosofskiy vek*, (6), 100–117. Saint Petersburg. [In Russian].

Shestun, E., priest. (2001). Pravoslavnaya pedagogika [Orthodox Pedagogy]. Moscow : Pro-Press. [In Russian.]

Ushinskiy, K. D. (1948–1950). Sbranie sochineniy : v 11 t. [Collected Works: in 11 vol.]. (Vol. 8). Moscow, Leningrad : Izd-vo Akad. ped. Nauk RSFSR. [In Russian].

Vasilieva, E. D. (2018). Konfutsianskie tsennosti kak dominanta kulturnogo profilya Singapura [Confucian Values as the Dominant of Singapore’s Cultural Profile]. *Mezhdunarodnyy Nauchno-Issledovatel’skiy Zhurnal*, 68(2), 61–67. [In Russian].

Vasechko, V. N., priest. (2006). Sravnitel’noe bogoslovie [Comparative Theology]. Moscow : Pravoslavnyy Svyato-Tikhonskiy gumanitarnyy un-t. [In Russian].

Vogel, A. (1892). *Filosofskie osnovaniya pedagogiki: Lokk, Kant, Ge-gel', Shleermakher, Garbart, Benekhe: Vvedenie k ponimaniyu nauchnoy pedagogiki* [Philosophical Foundations of Pedagogy: Locke, Kant, Hegel, Schleiermacher, Herbart, Beneke: Introduction to Understanding Scientific Pedagogy]. Mitava : zhurnal «Gimnazia». [In Russian].

Weber, M. (1990). *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. In *Weber M. Izbrannyye proizvedeniya* [Weber M. Selected Works]. Moscow : Progress. [In Russian].

Wipper, R. Yu. (1894). *Vliyanie Kal'vina i kal'vinizma na politicheskie ucheniya i dvizheniya XVI veka. Tserkov' i gosudarstvo v Zheneve XVI v. v epokhu kal'vinizma* [The Influence of Calvin and Calvinism on Political Doctrines and Movements of the 16th Century. Church and State in Geneva of the 16th Century during the Era of Calvinism]. Moscow : T-vo "Pechatnya S. P. Yakovleva". [In Russian].

Zen'ko, Yu. M. (2007). *Osnovy khristianskoy antropologii i psikhologii* [Fundamentals of Christian Anthropology and Psychology]. Sankt-Petersbug : Rech. [In Russian].

Zen'kovsky, V. V. (1993). *Problemy vospitaniya v svete khristianskoy antropologii* [Problems of Education in the Light of Christian Anthropology]. Moscow : Izd-vo Svyato-Vladimirstogo Bratstva. [In Russian].

Zapadnoevropeyskaya srednevekovaya shkola i pedagogicheskaya mysl' (Issledovaniya i materialy) : sb. nauchnykh trudov [Western European Medieval School and Pedagogical Thought (Research and Materials): Collection of Scientific Works]. (1990). Moscow : Akademiya pedagogicheskikh nauk SSSR. [In Russian].

About the author:

Vardan Ernestovich Bagdasaryan — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, State University of Education, 10A, Radio str., Moscow, Russia, 105005, e-mail: fakul-ipp@eduprosvet.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 27.02.2025; submitted after reviewing 10.03.2025; accepted for publication 20.03.2025.

Н. П. Николаев

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ — ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ,
МОСКВА, РОССИЯ

Традиционные ценности: абстракция или Истина?

Аннотация. Статья посвящена анализу содержания понятия «традиционные ценности» и их практического воплощения в современной социально-политической жизни. На сегодняшний день в рамках системы политического управления наблюдается активная работа по созданию различных институтов, направленных на реализацию Указа Президента РФ № 809, конкретизацию содержания изложенных в нём понятий традиционных ценностей. Сам автор раскрывает содержание понятия «традиционные ценности» через идеи православия, отмечая, что все прочие попытки определения ценностей представляют собой уход от контекста исторического развития России и православной этики как его основы. Ключевым концептом православной идеологической мысли, который должен быть отражён в системе государственного управления, предстаёт идея человеческого достоинства как высшей ценности. При этом путём анализа российского законодательства в статье демонстрируется столкновение между существующими в нём идеями либерального учения о жизни и человеке и православными взглядами на него, выражающееся в противопоставлении понятий «права» и «достоинства». Именно признание православия как ценностной основы российской традиции и российского «общества будущего» означает реальный отказ от идеологической мысли западного либерализма. Автор делает вывод, что развитие российского

общества в системе традиционных ценностей возможно только при условии ухода от либерального понятия «права» и возврате к христианскому понятию «достоинства», которое, будучи основой человеческого существования, должно стать некой «призмой» для всей системы государственного управления. В свою очередь, в статье подчёркивается, что построение российского общества, объединённого единой системой традиционных ценностей, основанных на идеях православной мысли, является задачей подрастающего поколения. Вместе с тем, как отмечает автор, реализация данной задачи молодым поколением возможна только при условии, что именно традиционное православное понимание человека как образа и подобия Божия, воплощённого в человеческом достоинстве, будет восприниматься этим поколением как естественная и единственно возможная основа общественной и государственной жизни. Современная же система образования в России исключает понятие об Истине, представляя любые жизненные аспекты в формате относительности. Поэтому этот вопрос должен быть поставлен во главу угла современного российского образования. Именно эта цель должна стать главным ориентиром для нынешних внутривнутриполитических решений.

Ключевые слова: традиционные ценности, православие, Истина, законодательство, права человека, достоинство человека, образование

Для цитирования: Николаев Н. П. Традиционные ценности: абстракция или Истина? // Ортодоксия. — 2025. — № 2. — С. 58–81. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-2-58-81

ВВЕДЕНИЕ

Россия продекларировала переход к обществу традиционных ценностей. Мы все это сделали, проголосовав в 2020 году за поправки в Конституцию, которые содержали отсылку к вере в Бога как связующей нити между прошлым, настоящим и будущим.

А в 2022 году Президент РФ подписал Указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных

российских духовно-нравственных ценностей» № 809 от 09.11.2022, который стал отправной точкой большой аксиологической дискуссии российского общества.

При этом только дискуссиями дело не ограничивается. Строятся планы создания различных комиссий, советов и институтов, которые должны одновременно сформулировать, что же это такое — духовно-нравственные ценности, и присматривать за их соблюдением.

Например, в Государственной Думе РФ, наряду с существующей Межфракционной депутатской группой по защите христианских ценностей, в январе 2023 года была создана Межфракционная рабочая группа по государственной политике в сфере сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей, которую возглавила вице-спикер Анна Кузнецова¹.

В декабре 2024 года в Государственной Думе прозвучали инициативы создания Института изучения традиционных ценностей, который бы «проводил исследования духовно-нравственных понятий и помогал законодателям выработать решения»².

Одновременно с этим министерство юстиции России приступило к созданию нормативного толкового словаря традиционных ценностей, для чего сформировало консорциум вузов, в который вошли, в частности, СПбГУ и Московский государственный юридический университет (МГЮА). На расширенной коллегии ведомства министр юстиции Константин Чуйченко анонсировал выход этого документа к сентябрю 2025 года. В дальнейшем словарь планируется использовать для разработки различных правовых актов³.

Помимо этого, российские ведомства приступили к закреплению обязанности исполнения традиционных духовно-нравственных ценностей. Например, в декабре 2024 года Минфин подготовил проект постановления правительства, предписывающий Федеральной службе по

---

¹ В Думе создали рабочую группу по сохранению духовно-нравственных ценностей // ИА ТАСС. — 2023. — 18 января. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/16831163> (дата обращения: 20.06.2025).

² Депутат Кузнецова предложила создать институт изучения традиционных ценностей // Парламентская Газета. — 2024. — 18 декабря. — URL: <https://www.pnp.ru/social/deputat-kuznecova-predlozila-sozdat-institut-izucheniya-tradicionnykh-cennostey.html> (дата обращения: 22.06.2025).

³ Минюст: словарь традиционных ценностей появится в России к сентябрю // ИД «Коммерсантъ». — 2025. — 18 марта. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7586326> (дата обращения: 25.06.2025).

контролю за алкогольным и табачным рынками соответствовать сохранению и укреплению «традиционных духовно-нравственных ценностей»⁴.

Со ссылкой на Указ Президента стали корректироваться образовательные программы, учебники, планы воспитательной работы в школах, колледжах и вузах.

Вся эта работа направлена на формирование будущего народа и страны, и от того, какие именно ценности будут вкладываться во все эти процессы, зависит очень многое. При этом использование абстракций вместо ценностей уже сегодня грозит тем, что ценности сохранят лишь индивидуальную трактовку — каждый будет вкладывать в их понятие собственное содержание. Таким образом ценности могут превратиться лишь во мнения или... права, как это уже происходило на территории западного христианства.

С одной стороны, современные изменения в области общественной и государственной аксиологии дают надежду, с другой — вызывают опасения и недоумение.

НАДЕЖДЫ

Что касается надежд, то любая бюрократическая система устроена так, что после производства приказа или поручения соответствующий элемент системы должен отчитаться о его выполнении. Процесс запущен: Указ Президента № 809 вступил в свою бюрократическую силу и теперь требует отчётов о проделанной работе. Значит, системе что-то придётся делать.

Плохо то, что бюрократическая система умеет идеально отчитываться о своих достижениях, тем более если видимых и измеряемых достижений нет, предмет неясен, а целевые показатели вообще отсутствуют. И речь здесь не о том, хороша или плоха конкретная исполнительная власть, — это её бюрократическая природа, онтологически стремящаяся к формализации.

Противостоять такой формализации могут только те, кто живёт не в бюрократической виртуальности цифр и отчётов, а в реальном мире,

---

⁴ О внесении изменения в Положение о Федеральной службе по контролю за алкогольным и табачным рынками. Проект Постановления Правительства РФ // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов // URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=153175> (дата обращения: 02.06.2025).

то есть люди, общество, которое сегодня достаточно разнородно, но при этом объединено нечто бóльшим, чем паспорт единого образца.

История России — это ряд кардинальных ценностных революций, оставивших свои отпечатки в характере людей и общества, в праве и структуре власти, культуре и образовании. Тем не менее мы не можем отрицать, что все эти изменения и вся история страны развивались на базе той религиозно-культурной системы, которая была абсолютной доминантой в российском государстве и обществе на протяжении тысячи лет, — православия. И даже безбожная советская власть, в её самых кровавых проявлениях, не смогла вытравить стремление людей к вере.

Однако самое важное, чем православие объединило миллионы разных людей на колоссальной территории России, — это даже не единая вера в Бога. Какая уж вера в Спасителя у шамана или вера в Бога у коммуниста? Это не единая вера в Христа, ведь на территории России исторически прекрасно уживаются последователи различных вероучений. Объединяло всех если не осознаваемое понимание, то ощущение метафизической составляющей онтологии человека. Никакие коммунисты-материалисты не смогли изгнать из народа чувство человеческой души и уникальной способности творить и одухотворять — даже прославлением теории Дарвина, даже коммунистическим отрицанием Церкви, Бога, да и вообще любой религии.

Понимание человека как уникального носителя единого Божественного духа, как образа Творца — вот что объединяло всех. Человек видел этот образ прежде всего в себе и своём близком. Он видел уникальную способность творить, способность облекать знания и опыт в слово и тем самым словом преумножать способность творения. В конце концов, человек видел свою уникальную способность вдохновлять, вселять веру, нести Благую (или, увы, пагубную) весть и проявлять волю, что отличало его от всех других творений Божиих. Именно в этом проявлялось достоинство человека как проекции в нём достоинства Божия.

Я не идеализирую наше общество, переживавшее разные времена, в том числе времена репрессий и войн, попрания жизни и унижения человеческого достоинства. Но давайте обратимся к литературе, публицистике и произведениям культуры как православного, так и коммунистического периода, чтобы увидеть, как неизменно пробивалось из мрака духовное стремление людей, составляющих единый народ.

«Лишь в человеческом духовном достоинстве равенство, и сие поймут лишь у нас... Образ Христов храним, и воссияет как драгоценный алмаз всему миру...» — слова, вложенные Достоевским в уста старца Зосимы (Достоевский 2007: 211). И в этом — надежда на то, что движение, вызванное поправками в Конституцию и «сигналом сверху», явившемся в виде 809-го указа Президента страны, в конце концов приведёт к единению вокруг православия, а не очередной сфабрикованной идеи.

ОПАСЕНИЯ

Теперь об опасениях и о том, что вызывает настороженность. Лично для меня — это сегодняшние попытки изобрести новое содержание традиционных духовно-нравственных ценностей. Попытки заново их как-то сформулировать или определить.

Сам факт таких попыток и очередной вопрос «а что представляют собой традиционные духовно-нравственные ценности?» — это заявление о том, что они отличаются от ценностей и традиций православия.

Конечно, здесь можно возразить, что Россия — это не только светское государство, но и многонациональное, и многоконфессиональное государство. Это так, а потому никто никого не должен принуждать к той или иной вере. Да это попросту и невозможно. Но если мы говорим о ценностях, приверженность к которым продекларировало государство, то здесь речь должна идти о единой этической системе, в соответствии с которой будет строиться законодательство, работа исполнительной власти, выстраиваться система принятия решений и механизмы участия общества и гражданина в жизни страны. Эта же этическая система должна стать безусловной для всех иностранных лиц, приезжающих на территорию страны. И с этой точки зрения поиск новых формулировок ценностей подразумевает, что ценности и этика православия чем-то не подходят. Чем? Почему мы видим упорные попытки заменить ценности ортодоксального, то есть наиболее близкого к источнику, христианства, являвшегося основой государства Российского на протяжении более 1000 лет, какими-то смысловыми суррогатами и толкованиями, очередной раз совершая попытку изобрести «универсальные» ценности?

Ответ, на мой взгляд, кроется в конфликте современного либерального учения о жизни и человеке и православного взгляда на него.

Сегодняшнее законодательство и государственная система управления в России полностью сформированы на материалистическом

и либеральном понимании человека. В основе Конституции России — положения, построенные на теории о правах и свободах в их современном международном (то есть — универсальном) понимании. Они никак не были скорректированы в связи с включением поправки с упоминанием веры в Бога в 2020 году. В стране действует однозначно материалистическая система образования, в которой царит секулярная «истина», рассматривающая религию как социальный феномен, семью — как союз правообладателей, объединённых совместным хозяйствованием, а также равноудалённое отношение к мировым или «традиционным» вероучениям и атеистическим воззрениям. В системе современного российского законодательства человек рассматривается как существо, ставшее человеком лишь по факту своего рождения и подверженное биополитическому управлению. Каждое из этих утверждений можно было бы подкрепить большим перечнем принятых документов и цитат из них.

В этом плане современная Россия объединяет подходы и нормы, принятые в большинстве западных стран или стран западнохристианского мира. В «Блокноте гражданского просвещения» № 7 (март/апрель) 2025 года, издании, являющемся «ориентиром для государственных служащих, лекторов, руководителей, менеджеров образовательных программ и проектов, методистов и других специалистов в области гражданского просвещения российских граждан», в статье Д. Харичева, начальника Управления Президента РФ по вопросам мониторинга и анализа социальных процессов, по факту зафиксирована современная ситуация: «Россия всегда существовала как особая цивилизация, отличная от западных и восточных стран. Эта “особость” не означает, что она лучше или хуже других, — российская цивилизация прошла свой собственный путь и имеет уникальные черты» (Харичев 2025: 4).

Проблема заключается в том, что обращение к духовной традиции России не может происходить вне религии. Просто потому, что в таком случае расплывается понятие об Истине, а значит, традиция теряет однозначные этические ориентиры. «Традиция» таким образом становится той самой «особостью», которая не лучше и не хуже других.

Но Истина — одна, и потому ни одна религия не готова была делиться своей истинностью с каким-либо другим вероучением, утверждая реальность именно своего пути к спасению. Объявляя о курсе на традиционные ценности, но не обозначая, ценности какого вероучения принимаются за основу, государство демонстрирует, что признаёт

православие не как Истину (которая одна), а как социальное явление, как атрибут социальной жизни (наравне с другими религиями), оставляя определение Истины за собой или в принципе отрицая её существование. Это магистральный путь западной философии и социологии, начиная с Огюста Конта, Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера и далеко не заканчивая К. Марксом, М. Фуко, Ю. Хабермасом и другими...

При этом, равноудалая себя как от различных религиозных вероучений, так и от материалистических идеологий, государство тем самым демонстрирует очевидный либеральный подход. Пусть и не копирующий современный западный ультралиберализм. По сути, Россия до сих пор живёт в парадигме западного секуляризма и классического либерализма, выраженного в формуле Великой французской революции «Свобода. Равенство. Братство».

Признание православия как ценностной основы российской традиции и российского общества будущего (а не прошлого) означает кардинальную смену подхода и реальный отказ от либеральной идеологии. Смена такого ценностного понимания — это путь к неизбежности смены всей устоявшейся системы права и государственного управления. Как мы понимаем, это пугает. Не только противников, но даже и сторонников. Ведь это не менее масштабное потрясение, чем петровские преобразования или октябрьский переворот.

Россия вновь стоит на перепутье, выбирая, сохранить ли ей самое святое и самое надёжное, что берегло её всю тысячелетнюю историю, или вновь не поверить в наличие Истины в своём отечестве и отправиться на следующий трагический круг экспериментов с изобретением новых универсальных ценностей, идеологий или копированием чужих «продвинутых».

ТЯЖЁЛОЕ НАСЛЕДИЕ

При всём единстве нашей истории и мощной этической базе, заложенной в характере народа православием, мы вынуждены признать и те изменения, которые были сделаны марксистским и либеральным учениями в этическом понимании человека нашим обществом.

Обычно о советском периоде развития страны говорят как о едином эволюционном процессе. На мой взгляд, с аксиологической точки зрения это неверно: период XX и начала XXI века представляет собой четыре последовательные этические революции.

Первая — революция этики диктатуры пролетариата.

Она ударила в самую основу российского общества, разрушив семью, брак, систему воспитания детей, этику труда, взгляд на человеческую личность и предназначение человека на этой земле. Один за другим выходили декреты, отменяющие вековые устои общества, — о разводах, о календаре, о правописании, о разрешении аборт, о борьбе с религией и Церковью и многое другое. Буквально за несколько лет директивно введёнными законодательными и правовыми нормами, подкреплёнными жестоким террором, была перевёрнута вся этическая система. Новая красная этика попросту не оставила места человеческому достоинству и ценности человеческой жизни. А носители учения о человеческом достоинстве как образе Бога в человеке, все, кто имел какое-либо отношение к Церкви и православию, священники, монахи, православные мыслители, — попросту уничтожались или изгонялись.

Вторая — это этическая революция Отечественной войны, которая перед лицом тотальной античеловечности мирового масштаба восстала не только против нацизма, но и против ценностей диктатуры пролетариата, вернула народу ощущение духа, вернула понимание ценности семьи и жизни, но так и не осмелилась заговорить о достоинстве человека. Хотя в 1943 году стали возможны шаги к восстановлению деятельности Русской Православной Церкви, отрицание Бога официальной советской идеологией не могло допустить признание Его образа и подобия в человеке, а значит, создать прочный фундамент для дальнейшего развития. А потому по мере ухода inferнальных ужасов войны в историю менялось и аксиологическое наполнение советской жизни.

И наступила третья этическая революция, как это ни покажется странным — это революция застоя. Революция безальтернативного коллективизма, не оставляющая места личной ответственности, личной инициативе, личному творчеству, личному достоинству, через которую тем не менее с боем пробивалось творчество Тарковского, Окуджавы, Высоцкого, Солженицына, Лихачёва и других личностей, не дающих людям окончательно забыть православное ощущение Истины. А те, кто по-прежнему видел в человеке данное Творцом единение Духа, души и тела, рассматривались государством как чужеродное тело в едином советском коллективе, требующее или исправления, или лечения, или ампутации.

Закончился советский период крахом и новой, теперь уже либеральной этической революцией, которую мы приняли изначально ради

обещанной демократии, увидев в ней возможность возврата к традиции общинности и соборности, к свободе творчества и поиска Истины. Однако форпостом новой этической революции стала концепция индивидуальных «прав человека» в её ультралиберальном понимании, эволюционировавшая из постулатов протестантской культуры. В результате на смену тотальному коллективизму пришло тотальное разделение «право имеющих», если выразиться словами Родиона Раскольникова из «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского.

Либерализация российского общества коснулась и вопросов религиозных, что привело не только к ренессансу традиционных конфессий, но и распространению множества сект, культов и эзотерических практик. При этом российской государственной системой управления православие стало позиционироваться в большей степени как элемент национальной или гражданской идентичности, нежели как хранитель Истины или единство Церкви верных, тем самым лишь укрепляя либеральный подход к религии как социальному явлению. По сути, это стало реализацией взглядов Ю. Хабермаса, который признавал за религией роль в формировании моральных норм, но писал о том, что религиозный догматизм препятствует свободному диалогу, при этом утверждал необходимость интеграции религии в рациональный дискурс постсекулярного мира (Хабермас 2011).

В неменьшей степени такой подход стал реализацией взглядов М. Фуко, который рассматривал религию как элемент биополитики, осуществляющей непосредственный контроль и управление поведением человека в его повседневной жизни, рассматривая его исключительно как биологический ресурс (Фуко 2018); (Фуко 2011).

Не только российское общество, но также российское правовое и культурное пространство сегодня представляют собой наслоение упомянутых этических революций, рассматривавших человека как социальное биологическое существо, на тысячелетнюю базу православного мировоззрения, воспринимающего человека как носителя Божественного достоинства, данного ему как образу и подобию своего Творца. В результате одним из основных свойств современного российского общества является этический синкретизм, который, несмотря на поправки в Конституцию 2020 года и Указ Президента о традиционных ценностях, носит откровенно секулярный характер.

Сегодня прямое указание на православие в решении вопросов этики личных и семейных отношений, общественного и государственного

обустройства, права, а уж тем более экономики, финансов или природопользования представляется в глазах государственной бюрократии мнением узкоконфессиональным, даже не лишённым оттенка «сектантства» или «мракобесия».

Объективность такого взгляда на происходящее доказывается не только отказом от принципиальных инициатив Русской Православной Церкви и православных общественных организаций по введению ограничений аборт, выведению их из системы ОМС, запрету суррогатного материнства, но и практической реализацией таких инициатив, как включение в школьные программы либеральных «Основ религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ), выпуск учебного пособия для урока «Семьеведение», разработанного последователями эзотерических учений, и пр.

ДОСТОИНСТВО ИЛИ ПРАВА — КАМЕНЬ НА РАСПУТЬЕ

Несмотря на курс, провозглашённый Указом Президента о защите традиционных духовно-нравственных ценностей, мы пока несильно продвинулись в сторону отказа от материалистическо-либеральной парадигмы, исключающей признание Истины. Однако внимание и широта публичной дискуссии, которая разворачивается вокруг вопросов онтологического понимания и этики восприятия человека, показывают потенциал ценностных преобразований в российском обществе.

Так, в 2022 году была предпринята первая попытка запрета суррогатного материнства — принят закон об ограничении услуг суррогатного материнства для иностранных граждан. В том же году введён запрет пропаганды ЛГБТ и педофилии, в 2023 году был принят закон о запрете смены пола человека. В 2024 году в целом ЛГБТ-движение было признано экстремистским. На региональном уровне приняты первые законы, наказывающие за склонение к проведению абортов.

При этом ряд основополагающих ценностных представлений о человеке, от которых зависит дальнейшая практическая реализация традиционных православных ценностей, по-прежнему не находит поддержки структур государственной власти. Так, в Государственной Думе и Правительстве уже более года продолжаются дискуссии о том, когда начинается человеческая жизнь: с момента рождения или с момента зачатия.

С точки зрения традиционных ценностей, жизнь, очевидно, начинается с момента зачатия. В этом убеждении едины все традиционные вероисповедания страны. Именно это понимание легло

в основу законопроекта о праве человека на защиту здоровья как после, так и до рождения, который был разработан группой депутатов, входящих в Межфракционную депутатскую группу по защите христианских ценностей ГД РФ в конце 2023 года⁵.

Но российское законодательство построено, как я уже указывал, на материалистическом и либеральном понимании человека. И потому от различных правительственных ведомств на разработанный законопроект последовал ответ, что государство отказывается давать человеку какие-либо права на пренатальной стадии развития, так как в действующей Конституции все права, в том числе и право на жизнь и охрану здоровья, признаются государством только с момента рождения.

Выходом из тупикового противоречия существующих правовых и традиционных взглядов на человека видится уход от либерального понятия прав и возврат к христианскому понятию достоинства как основе человеческого существования. «...природа человека не только сотворена Богом, но и наделена Им свойствами по Его образу и подобию (см. Быт. 1:26). Только на этом основании можно утверждать, что человеческая природа обладает неотъемлемым достоинством» — так сказано в «Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» — документе, принятом Архиерейским Собором в 2008 году⁶.

Бог передал Своё достоинство каждому независимо от обстоятельств и чьего-либо субъективного мнения или законодательного постановления. И в этом отличие концепции человеческого достоинства от современной концепции прав человека.

Права человека даются или признаются, они нарушаются или прекращаются, но только в индивидуальном порядке. Права индивидуалистичны. При этом они существуют только в условиях государства, которое или признаёт их, или нет. Приведённый мной пример с непризнанием права живого, но не рождённого ещё человека на жизнь и здоровье — яркая иллюстрация. Жизнь по факту — есть, а вот права на неё — нет, так как на то нет воли государственной власти. То есть

⁵ В Госдуму внесут законопроект о праве на жизнь до рождения // Парламентская Газета. — 2024. — 27 июня. — URL: <https://www.pnp.ru/social/v-gosdumu-vnesut-zakonoproekt-o-prave-na-zhizn-do-rozhdeniya.html> (дата обращения: 20.05.2025).

⁶ Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека // Патриархия.ru. — 2008. — 26 июня. — URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html> (дата обращения: 12.06.2025).

субъективность концепции «прав человека» по факту отрицает наличие единственной Истины.

В отличие от либерального взгляда с опорой на «права», человеческое достоинство в понимании православия возникает не по факту признания или непризнания его властью, а по факту наличия жизни. Человеческое достоинство присутствует в каждом вне зависимости от внешних обстоятельств. Его могут попирать, его могут признавать или нет, но оно — в каждом из нас. Достоинство невозможно отобрать. Следуя безусловной свободе воли, данной Богом, мы можем потерять своё достоинство (то есть образ Бога в себе), только самостоятельно отказавшись от него. В отличие от прав, которые требуют обязательного внешнего признания. Таким образом, даже лишённый всех прав человек во всей полноте обладает человеческим достоинством.

Понятие достоинства привязано только к Истине, которая, как известно, одна, неизменяема и едина для всех. А потому достоинство — не только индивидуальная, но и одновременно общая категория. Мы все — образ и подобие Божье. Творец передал достоинство всему человечеству как совокупности и полноте Своего образа. А это значит, что, умаляя достоинство одного человека, мы тем самым умаляем достоинство всех остальных и себя прежде всего.

Когда мы декларируем возврат к традиционным ценностям, но после этого начинаем хаотичный подбор слов в попытках выразить неопределённую суть этих ценностей, то не отрицаем ли мы существование Истины как таковой? Не отказываемся ли мы от поиска Истины, подстраиваясь под существующий этический секулярный синкретизм, лишь обернув его в яркие листовки «на злобу дня» или под статью «политической повестке»?

«...Уничтожьте в человечестве веру в своё бессмертие, в нём тотчас иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будет безнравственного, всё будет позволено» (Достоевский 2007: 49). Тогда надо ли подстраиваться? Если между нами и прекрасным будущим Великой России лежит ценностная пустыня, то преодолеть её позволит только неуклонное практическое стремление к Истине, но никак не механический подбор слов.

Поправки в Конституцию 2020 года и Указ Президента о традиционных духовно-нравственных ценностях продемонстрировали возможность начала новой аксиологической эры в истории страны. Конечно,

вера — чувство предельно личностное, свойственное каждому в различной степени, но именно в религиозном понимании мира и онтологии человека формируются первоосновы нравственных норм. Поэтому минимум, в котором может быть достигнуто аксиологическое согласие общества независимо от веры, — это уважение достоинства, которым человек обладает как носитель чуда разумной, волевой и творческой жизни, за которым верующие люди видят образ и подобие Божие. Уважать и хранить достоинство во всём его всеединстве — и в себе, и в окружающих, не только на личностном уровне, но и на уровне законодательства и государственной политики — это задача государства, объявившего свою приверженность традиционным духовно-нравственным ценностям.

В этом понимании человеческого достоинства раскрываются такие понятия, как соборность, патриотизм, частное и коллективное, семья, личность. Через призму человеческого достоинства возможно раскрытие тех универсальных понятий, которые стали частью нашего законодательства, но со временем приобрели яркую идеологическую окраску. Например, понятия прав и свобод.

В настоящее время наиболее подробно и глубоко этот вопрос рассмотрен в «Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», в которых указывается на то, что «представления о правах человека прошли долгую историческую эволюцию и уже поэтому не могут быть абсолютизированы в их нынешнем понимании. Необходимо ясно определить христианские ценности, с которыми должны быть гармонизированы права человека»⁷.

Документ, который сегодня незаслуженно редко упоминается, подробно раскрывает христианское понимание всех основных понятий прав и свобод, используемых в настоящий момент как в российском, так и в международном законодательстве, и соотносит их с православным учением о человеческом достоинстве. В частности, раскрываются такие понятия, как «гражданско-политические права», «социально-экономические права», свобода слова, творчества, совести, право на жизнь и др. Указывается на то, что «в восточной христианской традиции понятие “достоинство” имеет в первую очередь нравственный смысл, а представление о том, что достойно, а что недостойно, крепко связано

⁷ Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека // Патриархия.ru. — 2008. — 26 июня. — URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html> (дата обращения: 12.06.2025).

с нравственными или безнравственными поступками человека и с внутренним состоянием его души»⁸.

Защита достоинства кого-либо не может быть поводом для ущемления достоинства другого или достоинства во всём его всеединстве. В этом «Основы...» опираются на слова Григория Нисского и приводят его утверждение: «Если Бог — полнота благ, а человек — Его образ, то образ в том и имеет подобие первообразу, чтобы быть исполненным всякого блага» («Об устройстве человека», гл. 16). При этом задача общества и государства — восстанавливать гармонию человеческого достоинства и свободы, осуществление которой не должно причинять зла ни самому человеку, ни окружающим его.

Основываясь на понимании единичности Истины, в документе справедливо указывается на то, что единство общества сохраняется на основе системы нравственных ценностей, при том что свобода выбора опознаётся в возможности для каждого человека выбирать мировоззренческие ориентиры своей жизни.

«Основы...» — это концептуальный этический документ, изложенный современным юридическим языком и использующий современные правовые понятия, который может лечь в основу законотворческих и нормотворческих действий, осуществляемых в рамках реализации Указа Президента РФ № 809.

Важно, что юридический термин «достоинство» уже присутствует в российском законодательстве: Конституция РФ гласит, что «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» (Конституция РФ, ст. 21. п. 1), а возможности защиты достоинства (наряду с честью и деловой репутацией) посвящена 152-я статья ГК РФ. Таким образом, сутью реального принятия традиционных для России ценностей должна стать не декоративная смена форм и лингвистических конструкций, а принципиальная замена содержания существующих в нашем законодательстве юридических понятий либерального на христианское, которое и является сутью российской духовно-нравственной традиции.

ПОЛИТИКА ЦЕННОСТЕЙ

Однако мы не сможем перейти от теории к практике, если человеческое достоинство не станет политической идеей. Ведь смена

---

⁸ Там же.

аксиологического принципа государственной жизни станет лишь краткосрочным эпизодом без широкой политической поддержки.

Замечательный русский философ С. Л. Франк писал в своих работах, что верующий и неверующий соотносятся между собой так же, как обладающий хорошим зрением и близорукий (Франк 2003: 481–482). Тот, кто обладает идеальным зрением, способен смотреть дальше и чётко видеть всё, что находится вокруг — и далеко, и близко. А вот слабовидящий может видеть (а значит, и воспринимать) только то, что находится в непосредственной близости от него. Жизнь такова, что общество в большинстве своём «слабовидящее», а потому сильная политическая идея не может опираться на то, что недоступно для «зрения» многих, она не может быть плохо понимаемой. Поэтому мы вынуждены рассуждать, пользуясь общераспространённой, преимущественно секулярной, лексикой. Для политической идеи необходим чёткий фокус, в котором каждый увидит главное.

Это должен быть принцип, объединяющий всех, вне зависимости от конфессии, национальности, пола, возраста или профессии. Конечно, это чудо жизни и образ Творца в каждом из нас, воплощённый в способности свободно мыслить, вдохновлять и творить ради приумножения чуда жизни на земле.

Евангельские слова Господа «Я пришёл для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Ин. 10:10) — понятны и близки каждому, независимо от вероисповедания. Это и есть предельно понятная дефиниция человеческого достоинства. Да, верующий православный христианин знает его глубокий смысл, но и любой другой человек, вне зависимости от веры, несомненно, согласится с наличием человеческого достоинства по факту жизни и его защитой как необходимой основой политической жизни.

Ещё одним важным аспектом этических преобразований и вопроса жизненного воплощения традиционных духовно-нравственных ценностей России, помимо ухода от абстракции понятий, является уход от абстракции действий, переход от абстрактно понятой веры к практической этике.

«Вера без дел мертва», — чаще всего именно в такой формулировке излагают суть знаменитых слов апостола Иакова. Может показаться, что без дел и вера как бы исчезает, но если прочитать высказывание апостола полностью, то становится понятно, что это не совсем так: «Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе. Но скажет кто-нибудь:

“ты имеешь веру, а я имею дела”: покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих. Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют, и трепещут» (Иак. 2:17–19).

«И бесы веруют, и трепещут», — ценности могут быть объявлены и задекларированы. Они даже могут быть начертаны на гербе, флаге или закреплены в Основном законе страны. Но они станут этической реальностью лишь в случае их воплощения не только в персональной практике, но и в общем деле, которое объединило бы в себе государство и большинство сограждан. Это не суверенитет ради суверенитета, это не абстракция экономики ради экономики, искусство ради искусства или наука ради научного познания как такового. Это единый общий проект, обладающий целью, продиктованной пониманием и приятием ценностей.

Именно ценности должны диктовать цель, так как образ будущего — это мир, в котором осуществлена полная и безоговорочная победа ценностей, в которые мы верим. (Вот почему без ухода от абстракции «традиционных духовно-нравственных ценностей» мы не представим и образ будущего.) Но сам по себе образ будущего бесполезен, если мы не перейдём к «делу», ведь «что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? Может ли эта вера спасти его?» (Иак. 2:14).

Недостаточно обозначить и даже сформулировать ценности, недостаточно представить и изобразить мир будущего как триумф этих ценностей. Нужно, чтобы все аспекты существования общества были направлены на приближение действительности к воображаемому идеалу. Этому должны быть подчинены усилия и науки, и экономики, и политики. Тогда жизненная реализация традиционных духовно-нравственных ценностей, под которыми мы безоговорочно должны понимать ценности православия, станет не абстракцией, а единым общим проектом России.

***

Любая политическая идея требует своего проводника. А преобразования только тогда достигнут успеха, когда их поддержат широкие народные массы, готовые на реализацию «общего дела» построения будущего.

Кто станет проводником этой идеи? Конечно, проще всего ответить — «общество», «народ», «страна», «государство»... Но для реальных преобразований нам и здесь необходимо отказаться от абстракций.

Общество, страна, народ — это не монолит, это совокупность нас, это «единство множества», если говорить словами Франка.

Но если мы начнём рассматривать это «множество» в деталях, то обнаружим, что всё, что нам сегодня не нравится в нашей жизни, в нашей стране или в нашей этике, всё, с чем мы хотим бороться и потому говорим о необходимости возрождения традиции, — это, увы, «заслуга» всех нас, кто сегодня живёт в России и является осознанной частью современного российского социума. Конечно, я не исключаю и себя как человека, родившегося в застойном СССР и воспитанного бабушками и дедушками, выросшими до и сразу после революции, родителями, чьё детство проходило в сложные послевоенные годы. Автор не исключает и себя как человека, который ушёл после школы служить в Советскую армию, но вернулся в страну дикого капитализма, строил профессиональную карьеру в либеральной прозападной России и политическую — в условиях попытки консервативного ренессанса. И как бы это ни было сложно признать, но именно здесь находят своё яркое воплощение слова Ф. М. Достоевского: «Всякий человек за всех и вся виноват, помимо своих грехов. И воистину верно, что когда люди эту мысль поймут, то настанет для них царствие небесное уже не в мечте, а в самом деле» (Достоевский 2007: 202).

А это значит, что мы можем в полной мере рассчитывать на практическую реализацию традиционных духовно-нравственных ценностей как единый проект России лишь в следующих поколениях. Конечно, при условии, что именно традиционное православное понимание человека как образа и подобия Божия, воплощённого в человеческом достоинстве, будет восприниматься этим поколением как естественная и единственно возможная основа общественной и государственной жизни.

Увы, но на сегодняшний день попытки фрагментарного включения абстракции «традиционных ценностей» в учебный процесс в качестве отдельных предметов или часов лишь обнажают для молодого ума все противоречия между декларацией и основным массивом преподаваемых знаний.

При отсутствии понимания существования Истины все знания, получаемые молодыми людьми, становятся этически относительными. Если упомянутый уже предмет ОРКСЭ демонстрирует принципиальное отсутствие Истины даже на уровне религий, то в других предметах средней и высшей школы это мировоззрение лишь укрепляется. Утверждение

исключительного существования двух полов соседствует с элементами гендерной теории, а разговоры о Боге, упомянутом в Конституции, — с безальтернативностью теории Дарвина. Утверждение положительного примера многодетной семьи соседствует с рассказом о правах человека, передающихся ему персонально лишь с момента его рождения и требующих защиты от возможных посягновений со стороны собственных родителей.

Переход в высшую школу чаще всего ознаменовывается ещё большим ценностным разрывом. В результате молодой человек выходит во взрослый мир циником, не обладающим пониманием Истины, а потому вынужденно руководствующийся лишь личными интересами, часто даже в ущерб естественному для природы человека стремлению к жизни в семье. Если, сделав шаг в сторону отказа от чуждых нашему народу ценностей, несмотря на принятые нами же поправки в Конституцию, имея даже директивный документ в виде Указа Президента о традиционных ценностях и множество комиссий, институтов и политических деклараций, мы вырастим ещё одно поколение, которое лишь присоединится к нашему этическому синкретизму, то это будет означать полное и окончательное обесценивание самой идеи наличия традиционных ценностей в обществе.

Как здесь не вспомнить евангельские слова Спасителя: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, придя, находит его незанятым, выметенным и убранным; тогда идёт и берёт с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом» (Мф. 12:43–45).

Всё это значит, что даже необходимого политического признания православия как этического содержания понятия традиционных ценностей в России недостаточно. Равно как недостаточно формального признания достоинства человека как основы политического и государственного устройства.

Основные усилия должны быть направлены на привитие молодому поколению чувства единственности Истины и жажды Её достижения действием. Только в этом случае новое поколение будет формировать политическое и государственное устройство России в соответствии с видением будущего, которое для них станет не чем иным, как всемерным

воплощением ценностей и этики православия, основанных на достоинстве человека как образа и подобия Божия.

Вот этому должны быть подчинены все сегодняшние инициативы, заявляющие своё устремление к традиционным духовно-нравственным ценностям и выполнению Указа Президента РФ № 809. Именно это должно стать нашим общим делом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. — М. : АСТ, 2007. — С. 510.
- Фёдоров Н. Ф. Философия общего дела: в 2 т. — М. : АСТ, 2003. — Т. 2. — С. 592.
- Франк С. Л. С нами Бог. — М. : АСТ, 2003. — С. 750.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. — С. 416.
- Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. — СПб. : Наука, 2011. — С. 554.
- Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. — М. : Весь мир, 2011. — С. 243.
- Харичев А. Д. Цивилизация Россия // Блокнот гражданского просвещения. — 2025. — Вып. № 7 (март/апрель). — С. 4–10.

Сведения об авторе:

Николай Петрович Николаев — кандидат политических наук, магистр юриспруденции, религиовед, руководитель проекта «Полиэтика», профессор НИУ ВШЭ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VII–VIII созывов, Москва, e-mail: niknik9165750250@gmail.com, ORCID: 0009-0008-6895-8692.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025; одобрена после рецензирования 15.03.2025; принята к публикации 20.03.2025.

N. P. Nikolaev

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS,
MOSCOW, RUSSIA

Traditional Values: Abstraction or Truth?

Abstract. This article analyzes the concept of “traditional values” and their practical embodiment in contemporary social and political life. In Russia’s current political governance framework, active efforts are being made to develop various institutions aimed at implementing Presidential Decree No. 809 and at specifying the meanings of the notions of “traditional values” articulated in it. The author interprets the concept of traditional values through the ideas of Orthodox Christianity, arguing that other attempts to define values represent a departure from the context of Russia’s historical development and from Orthodox ethics as its foundation. The article identifies the idea of human dignity as the key concept of Orthodox ideological thought that should be reflected in the system of public administration. Through an analysis of Russian legislation, the study highlights tensions between liberal conceptions of life and the human person and the Orthodox understanding of human existence, expressed in the opposition between the notions of rights and dignity. Recognizing Orthodoxy as the value basis of Russia’s tradition and of its “society of the future” is thus interpreted as a genuine departure from the ideological framework of Western liberalism. The author concludes that the development of Russian society within the framework of traditional values is possible only through a shift away from the liberal concept of “rights” toward the Christian concept of “dignity”, which, as the foundation of human existence, should serve as the prism through which the entire system of public administration is viewed. The article further emphasizes that building a Russian society unified by a coherent system of traditional values, grounded in Orthodox thought, is the mission of the younger generation. However, the

author argues that this mission can be realized only if the traditional Orthodox understanding of the human being as created in the image and likeness of God, embodied in the notion of human dignity, is accepted by this generation as the natural and sole foundation of social and state life. The current Russian educational system excludes the very concept of Truth, presenting all aspects of life as relative. Therefore, the reintroduction of Truth must be placed at the center of contemporary Russian education, serving as the principal guiding aim of current domestic policy decisions.

Keywords: traditional values, orthodoxy, Truth, legislation, human rights, human dignity, education

For citation: Nikolaev, N. P. (2025). Traditional Values: Abstraction or Truth? *Orthodoxia*, (2), 58–81. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-2-58-81

REFERENCES:

Dostoevsky, F. M. (2007). *Brat'ya Karamazovy* [The Brothers Karamazov]. Moscow : AST. [In Russian].

Fyodorov, N. F. (2003). *Filosofiya obshchego dela: v 2 t. [Philosophy of the Common Cause. In Two Volumes]. (Vol. 2).* Moscow : AST. [In Russian].

Frank, S. L. (2003). *S nami Bog [God With Us]*. Moscow : AST. [In Russian].

Foucault, M. (2018). *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]*. Moscow : Ad Marginem Press. [In Russian].

Foucault, M. (2011). *Bezopasnost', territoriya, naseleniye. Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu [Security, Territory, Population. A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the Academic Year 1977–1978]*. Saint Petersburg : Nauka. [In Russian].

Habermas, J. (2011). *Mezhdu naturalizmom i religiey [Between Naturalism and Religion]*. Moscow : Ves' mir. [In Russian].

Kharichev, A. D. (2025). *Tsivilizatsiya Rossiya [Civilization Russia]. Bloknot grazhdanskogo prosveshcheniya [Notebook of Civic Education]*, (7, March/April), 4–10. [In Russian].

About the author:

Nikolay Petrovich Nikolaev — Candidate of Political Sciences, Master of Jurisprudence, Expert in Religious Studies, Head of the “Polyethics” Project, Professor of the National Research University “Higher School of Economics” (HSE), Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (VII–VIII Convocations), Moscow, Russia, e-mail: niknik9165750250@gmail.com, ORCID: 0009-0008-6895-8692.

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 04.03.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 20.03.2025.

Д. В. Шмонин, В. И. Петров

ИНСТИТУТ ТЕОЛОГИИ СПбГУ,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ

Богословско- антропологические идеи К. Д. Ушинского и социально- гуманитарное ядро новой модели российского образования

Аннотация: Статья посвящена анализу концептуальных элементов методологических идей в наследии К. Д. Ушинского, важных, по мнению авторов, для разработки социально-гуманитарного ядра российского образования. Это представляется важным в контексте становления новой парадигмы высшего образования в России, формирующейся в ходе реформы, направленной на минимизацию издержек Болонской системы и поиск национальной модели. Актуальность исследования обусловлена стратегической важностью реформы (запущенной Указами Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 и № 343 от 12.05.2023, посланием Федеральному Собранию 2023 года), требующей методологического обоснования синтеза лучших практик советского периода, современных запросов экономики и социума, а также традиционных духовно-нравственных ценностей.

В статье проводится анализ нормативно-правовых документов и официальных публичных выступлений в контексте ключевых идей К. Д. Ушинского (принцип народности, антропологический подход, роль семьи), а также богословский и педагогический анализ онтологических и аксиологических оснований его системы, в частности её теологических оснований; контекстуальный анализ для демонстрации преемственности идей Ушинского в современной образовательной политике и культурном пространстве.

Показано, что современная реформа российского образования, которая ориентирована на гибкость, фундаментализацию и увязывание экономических запросов с личностными траекториями, испытывает дефицит ценностно-мировоззренческого обоснования. Педагогическая система К. Д. Ушинского, основанная на антропологическом подходе («узнать человека во всех отношениях, чтобы воспитывать его во всех отношениях»), принципе народности («соответствие воспитания историческим и культурным особенностям народа») и признании семьи аксиологической основой нравственного и интеллектуального развития личности («первая школа нравственности»), предоставляет необходимый методологический фундамент. Идеи К. Д. Ушинского органично включают православное мировоззрение как культурный код, транслируемый через «проживание» традиции, а не дидактику, что особенно актуально для формирования социально-гуманитарного ядра современного образования. Синтез педагогики Ушинского с принципами православной антропологии создаёт альтернативу технократизму и обеспечивает культурный суверенитет, где нравственная целостность педагога выступает ключевым императивом.

Полученные выводы имеют практическую значимость для формирования универсального социально-гуманитарного ядра современного образования. Теоретическая значимость заключается в обосновании необходимости интеграции историко-педагогического наследия (в частности, онтологически целостной модели К. Д. Ушинского) и традиционных духовно-нравственных ценностей в методологию современной образовательной политики России, обеспечивая её устойчивость перед современными вызовами ценностного релятивизма. Исследование подтверждает, что подлинное образование есть целостное формирование личности, требующее от педагога роли «живого моста» между традицией и новациями.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25–18–00427, <https://rscf.ru/project/25-18-00427>.

Ключевые слова: образовательная парадигма, К. Д. Ушинский, российское образование, социально-гуманитарное ядро, традиционные ценности, семья как институт социализации, культурный суверенитет

Для цитирования: Шмонин Д. В., Петров В. И. Богословско-антропологические идеи К. Д. Ушинского и социально-гуманитарное ядро новой модели российского образования // Ортодоксия. — 2025. — № 2. — С. 82–97. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-2-82-97

В августе 2021 года, вскоре после принятия новой Стратегии национальной безопасности России¹, помощник Президента России А. А. Фурсенко, выступая на молодёжном форуме «Территория смыслов», заметил, что «в ближайшие 5–10 лет Россию ждёт очередная перестройка системы образования»². Тогда же был обозначен вектор: «большая дробность» курса обучения, связанная с радикально меняющимися потребностями экономики и социума. В течение первых двух лет студент нацеливается на фундаментальные знания, затем следуют два года обучения по конкретному направлению подготовки, а завершающая двухлетка (итого шесть проведённых в высшем учебном заведении лет) «даёт возможность резко изменить направление обучения»³.

Спустя полгода, в январе 2022-го, тем же А. А. Фурсенко на панельной дискуссии «Образование, которое сделает нас успешными и счастливыми» в ходе Гайдаровского форума подтвердил мысль о необходимости обеспечить «возможность человеку поменять траекторию [в процессе обучения]», предварив следующие слова Президента В. В. Путина, прозвучавшие на встрече с учащимися ведущих вузов страны 25 января 2022 года: «Эта система “2+2+2”, когда молодой человек после двух лет обучения имеет возможность как-то скорректировать свою будущую профессию, получение своих будущих знаний, а потом уже через два года, в магистратуре, выбрать

---

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 15.12.2024).

² Фурсенко А. А. Реформа образования: помощник президента рассказал о грядущих изменениях // Научно-технологическое развитие Российской Федерации: официальный портал. — 2021. — 18 августа. — URL: <https://нтр.пф/events/bakalavriat-i-magistratura-skoro-kardinalno-izmenyatsya/> (дата обращения: 18.11.2024).

³ Фурсенко А. А. Там же.

для себя окончательную траекторию развития, — это порождает <...> более гибкую систему получения образования, более гибкое расписание...»⁴ (Путин 2022) — отметил тогда В. В. Путин.

Это прозвучало и как критика Болонской системы, об отказе от которой уже в мае того же 2022 года заявил министр науки и высшего образования России В. Н. Фальков⁵, и как запрос на новую парадигму высшего образования, где прагматика экономического запроса общества и меняющихся личных целей студента должны были оказаться увязанными оптимальным образом.

Ценностно-мировоззренческий акцент, недостаток которого ощущался в официальных выступлениях по этому важному поводу, был дан, причём дан весьма чётко, в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утверждённых Указом Президента России от 9 ноября 2022 года⁶. Документ повторно перечисляет ряд традиционных российских духовно-нравственных ценностей (до этого они были перечислены в упомянутой выше Стратегии национальной безопасности 2021 года⁷), добавляя к «интересам экономики» и «личному пространству студента» то, без чего новая парадигма национального образования не сможет выйти из болонского болота.

«Необходим синтез всего лучшего, что было в советской системе образования, и опыта последних десятилетий. В этой связи предлагается следующее: ...Вернуться к традиционной для нашей страны базовой подготовке специалистов с высшим образованием (срок обучения может составить от четырёх до шести лет). При этом даже в рамках одной специальности и одного вуза могут быть предложены разные программы по

⁴ Путин В. В. Выступление на встрече с учащимися ведущих вузов страны // Официальный сайт Президента России. — 2022. — 25 января. — URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/67632 (дата обращения: 25.11.2024).

⁵ В. Н. Фальков заметил тогда, что к Болонской системе «надо относиться как к прожитому этапу», а будущее российского образования «за нашей собственной уникальной системой», которая должна отвечать интересам национальной экономики и обеспечивать «максимальное пространство для каждого студента». См.: <https://tass.ru/obschestvo/14716295> (дата обращения: 25.11.2024).

⁶ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 25.11.2024).

⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 15.12.2024).

сроку подготовки, в зависимости от конкретной профессии, отрасли и запроса рынка труда... переход на новую систему должен быть плавным. Правительству совместно с парламентариями потребуются внести многочисленные поправки в законодательство об образовании, о рынке труда и так далее»⁸, — прозвучало в президентском послании Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года. Более того, «с участием педагогов, учёных, специалистов мы должны серьёзно повысить качество школьных, вузовских учебных курсов по гуманитарным наукам, прежде всего по истории, обществознанию, литературе, географии, чтобы молодёжь могла как можно больше узнать о России, её великом прошлом, о нашей культуре и традициях... назрели существенные изменения с учётом новых требований к специалистам в экономике, социальных отраслях, во всех сферах нашей жизни»⁹.

Пилотный проект, запущенный Указом Президента России от 12 мая 2023 года № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования», направленный на изменение системы высшего образования»¹⁰, предполагает выработку новой модели четырёх-шестилетнего высшего образования, очертания которого просматриваются ещё далеко не так чётко, как хотелось бы. Важно, однако, что наряду с поисками «базовых элементов» для вузов различных направлений — «ядро педагогического образования», «ядро инженерного образования», другие «профессиональные ядра» — осмысливается и содержание «социально-гуманитарного ядра», которое должно быть единым для всего российского образовательного пространства.

На протяжении 2023–2025 годов проводится многоплановая работа по разработке и внедрению различных курсов и модулей в систему нашего высшего образования. Разрабатываются и внедряются новые курсы, пересматривается содержание традиционных вузовских дисциплин, таких как история, философия, культурология. Особо следует отметить работу по введению новых дисциплин и модулей, конструируемых в последние годы. Речь идёт об «Основах российской государственности»

⁸ Путин В. В. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. — 2023. — 21 февраля. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения: 25.11.2024).

⁹ Там же.

¹⁰ О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г. № 343 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120039> (дата обращения: 15.11.2024).

и «Истории религий России». Однако необходимо обратить внимание не только на перечень дисциплин, не только на их содержание (в смысле фактического материала), но и на ценностно-мировоззренческие подходы к преподаванию. И здесь обращение к отечественному опыту видится обязательным.

Конечно, речь идёт и о советском опыте. Советское высшее образование на протяжении ряда десятилетий было экспортным товаром, дающим не только профессиональные знания, но и транслирующим нашу культуру, наши традиции и наши ценности. Оно опиралось на традиции российской высшей и средней школы, которая отличалась, помимо фундаментальности, значительной ценностно-мировоззренческой компонентой. В связи с этим обязательно нужно учитывать рассмотрение проблем становления новой образовательной парадигмы в контексте синтеза лучших разработок советского и постсоветского времени в сфере образования.

Однако современная образовательная политика России, сформулированная в «Основах государственной политики по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей»¹¹, требует поиска методологических оснований для укрепления социогуманитарного компонента образования. Отечественная система образования, переживающая этап трансформации, связанный с поиском баланса между инновационными методами обучения и сохранением традиционных ценностей, столкнулась с фундаментальным вызовом: необходимостью обретения устойчивых антропологических оснований в условиях глобальных социокультурных сдвигов. В этом контексте следует обратиться к педагогической мысли России. Одной из центральных фигур здесь, безусловно, считается К. Д. Ушинский, основоположник научной педагогики в нашей стране. Его наследие приобретает особую ценность, поскольку его труды не только заложили основы антропоцентричной педагогики, но и предложили онтологически целостную модель, где семья — «первая школа нравственности» — рассматривается как аксиологический фундамент нравственного и интеллектуального развития личности.

Обратим внимание на то, какое звучание приобретают сейчас его методологические идеи, на важность его антропологического подхода, синтезирующего данные физиологии, психологии, философии и теологии.

¹¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 25.11.2024).

Именно К. Д. Ушинский заложил основы понимания образования как целостного процесса «формирования личности», а не только передачи знаний, причём антропологический подход получает онтологическое измерение через призму христианского учения о человеке как образе Божиим (Шмонин 2018: 47).

Актуализация педагогического наследия К. Д. Ушинского в современном образовательном дискурсе обусловлена именно этой потребностью в антропологическом обосновании образовательных практик. Особую эвристическую ценность приобретает разработанная им концепция семьи как первичного института социализации, что получает неожиданное подтверждение в современных исследованиях в контексте становления новой образовательной парадигмы. Наследие Ушинского, подобное необработанному алмазу, обретает подлинный блеск в богословско-педагогической оправе религиозного мировоззрения (Шмонин «Педагогика...» 2022: 83), поскольку именно теологическое измерение позволяет раскрыть имплицитные духовные основания его антропоцентрической модели, особенно в части семейного воспитания как «первой школы нравственности».

Центральным положением педагогической системы К. Д. Ушинского является принцип народности образования, который он определяет как «соответствие воспитания историческим и культурным особенностям и потребностям народа» (Ушинский Т. 2 1948: 163). Этот принцип получает развитие в его фундаментальном труде «Человек как предмет воспитания», где утверждается необходимость антропологического подхода: «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях» (Ушинский Т. 8 1950: 23).

Особенно значима его мысль о том, что «воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях» (Ушинский Т. 2 1948: 160). Таким образом, принцип народности, сформулированный К. Д. Ушинским как «соответствие воспитания историческим особенностям народа», (Ушинский Т. 2 1948: 163), в российском образовательном контексте неотделим от православных культуuroобразующих оснований национальной идентичности (Шмонин «Философия...» 2020: 112), получивших отражение в искусстве, литературе, музыке, национальных традициях, государственных символах и т. д.

В современной образовательной среде интерпретация идей К. Д. Ушинского о народности как культурно-историческом фундаменте предполагает культурную идентификацию через изучение родного

языка, литературы, истории как «духовной одежды знания» (Ушинский), где язык выступает носителем аксиологических кодов нации, а ценности составляют воздух, которым все мы дышим. Современная интерпретация идей народности предполагает также историческую преемственность, где необходимо расставить акценты на осмыслении исторических процессов как основы национального самосознания (Светлов 2020: 27–35). Для ясного понимания того, кто мы такие в контексте исторической преемственности, важно учесть и региональное разнообразие как интеграцию локальных традиций в единое культурное поле России.

Содержание социально-гуманитарного ядра российского образования, в соответствии с концепцией К. Д. Ушинского, должно реализовать тезис, отражённый в его труде «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», в котором обоснована необходимость интеграции наук о человеке. Это требует синтеза физиолого-психологических основ и духовно-нравственного измерения — то есть, учитывая возрастные особенности развития, закладывать в воспитание «целостного человека» (Ушинский) теолого-педагогический фундамент как основу ценностных ориентиров¹².

Теологические основания педагогики в идеях К. Д. Ушинского очень деликатно и ненавязчиво проходят в виде отсылок к библейским сюжетам и символам, церковному календарю, православным праздникам и их восприятию обучающимися как духовных основ патриотизма и традиционных нравственных ценностей. Библейская традиция проявляется в концепции Ушинского как неявный контекст, в транслировании личного опыта вместо дидактики. Ключевой особенностью рецепции библейских ценностей у К. Д. Ушинского является отсутствие прямого цитирования Священного Писания при тотальном проникновении его духа: учёный мастерски воссоздаёт феномен проживания Библии через семейное благочестие, церковный календарь как педагогическую систему восприятия библейских сюжетов, отмечая в своих детских воспоминаниях трепетные детали вместо прямого назидания. Данный подход объясняет парадокс: почему при минимуме библейских цитат проза Ушинского воспринимается как христианская антропология в действии, ведь он интуитивно воспроизвёл святоотеческий христианский принцип «молчаливой

¹² Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. — 2000. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 16.12.2024).

проповеди» — когда истина передаётся не через назидание, а через ткань самой жизни (Шмонин «Христианские...» 2021: 92; «Чудесное...» 2021).

Одной из таких отсылок впоследствии стала рецепция педагогических идей К. Д. Ушинского в живописной концепции М. В. Нестерова в картинах «Видение отроку Варфоломею» и «Труды преподобного Сергия» как иконография учения и труда, где фигура преподобного Сергия Радонежского — просветителя и труженика — превращается в национальный архетип (Нестеров 1988). Примечательно, что здесь мировоззренческие векторы К. Д. Ушинского и М. В. Нестерова пересеклись в трактовке учения как духовного труда: Ушинский включил житие преподобного Сергия в «Детский мир» как образец трудолюбия (Ушинский 1949), а Нестеров проиллюстрировал эту идею, что продолжает актуальную сегодня для формирования социогуманитарного ядра образования мысль Ушинского о важности наглядности в восприятии обучения.

Центральный тезис Ушинского — «узнать человека во всех отношениях, чтобы воспитывать его во всех отношениях» — предполагал синтез физиологического, психологического и духовного измерений (Ушинский 1950: 23). В работе «Человек как предмет воспитания» он утверждал, что воспитание должно развивать не только разум, но и нравственное чувство, ибо знание без веры и труда — мёртвый капитал (Ушинский). В этом подходе Ушинский определял ценность образования не в механическом запоминании, а в духовных плодах: труде как основе нравственности; вере как источнике смысла; народности как культурной почве. Этот тезис становится предпосылкой для современного междисциплинарного подхода в социогуманитарном образовании, объединяющего историю, философию, культурологию и теологию.

Ключевой элемент воспитания К. Д. Ушинский видел в семье как «первичной клеточке» социального организма, выполняющей трансляцию культурного кода, формирующей нравственные устои и развивающей трудовые навыки. В статье «О нравственном элементе в воспитании» он подчёркивал: «Семейное воспитание для человека — то же, что корни для дерева» (Ушинский Т. 3 1948: 94). Эта метафора точно отражает системообразующую роль семьи в его педагогической концепции. «Семья — это первая школа нравственности, в которой ребёнок учится любви, уважению и труду» (Ушинский Т. 3 1948: 94).

Однако формирование личности не завершается в семейном кругу. Как подчёркивал К. Д. Ушинский в работе «О взаимодействии семейного и школьного воспитания», «школа не заменяет семьи, а продолжает

и дополняет её работу» (Ушинский Т. 6 1949: 254), создавая систему преемственности, где семья закладывает эмоционально-ценностные основы (любовь, уважение, трудовые установки), а школа развивает социально-нормативные компетенции через научные знания и коллективную деятельность.

Продолжая иллюстрацию метафорой Константина Дмитриевича, чётко выстраивается воспитательная вертикаль: «Семейное воспитание есть корень, школьное — ствол, а общественная среда — крона, питаемая соками обоих» (Ушинский Т. 6 1949: 257). Причём каждый институт несёт свою образовательную функцию: семья формирует совесть путём личного примера, прививает навык труда, создаёт духовную безопасность, а школа развивает гражданскую ответственность, формирует профессиональную ориентацию, учит социализации в неоднородной среде. С точки зрения К. Д. Ушинского, «ошибочно требовать от школы исправления семейных ошибок: педагог должен строить на фундаменте, заложенном родителями, а не разрушать его» (Ушинский Т. 6 1949: 261).

Таким образом, педагогическая система К. Д. Ушинского, обретающая стратегическую актуальность в контексте современных социокультурных вызовов, формирует методологический фундамент социально-гуманитарного ядра российского образования, где сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей выступает неотъемлемым условием подготовки педагога будущего (Шмонин «Христианские...» 2021). Органичная интеграция православной культуры через эмоционально-значимое «проживание» библейских сюжетов и событий церковного богослужебного календаря в семейных традициях позволяет транслировать нравственные ориентиры без дидактического давления, превращая религиозную традицию в естественную ткань культурного кода. Синтез идей Ушинского с принципами православной педагогики, понимаемой как воспитание целостной личности через синергию личного опыта и духовного труда, создаёт богословско-антропологическую альтернативу технократическим подходам, в которой ключевым императивом становится нравственная цельность учителя: «Безнравственному человеку учить нельзя» (Ушинский), поскольку подлинное образование есть свидетельство истины, требующее от педагога роли «живого моста» для подрастающего поколения между традицией и новациями (Щипков 2021), что обеспечивает культурный суверенитет образовательного пространства России и формирует иммунитет против ценностного релятивизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Нестеров М. В. Письма. Избранное / сост. А. А. Русакова. — Л. : Искусство, 1988. — 396 с.
- Светлов Р. В. Историческая память как основа национальной идентичности // Вопросы философии. — 2020. — № 5. — С. 27–35.
- Ушинский К. Д. Собрание сочинений: в 11 т. — М. ; Л. : Изд-во АПН РСФСР, 1948–1952.
- Т. 2: Педагогические статьи 1857–1861 гг. — 1948. — 655 с.
- Т. 3: Педагогические статьи 1862–1870 гг. — 1948. — 678 с.
- Т. 4: Родное слово: кн. для учащихся. — 1949. — 420 с.
- Т. 6: Педагогические статьи 1860–1862 гг.; Родное слово: кн. для детей; Статьи. — 1949. — 447 с.
- Т. 8: Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Т. 1. — 1950. — 776 с.
- Т. 9: Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Т. 2. — 1950. — 628 с.
- Чудесное научение грамоте отрока Варфоломея // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. — М. : Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2021. — Т. 62. — С. 376–378.
- Шмонин Д. В. В тени столетий: православное образование в исторической перспективе. — СПб. : Алетейя, 2018. — 228 с.
- Шмонин Д. В. Педагогика в поисках смыслов: философско-образовательные этюды. — М. : НОФМО, 2021. — 176 с.
- Шмонин Д. В. Педагогика в поисках смыслов. — М. : ПСТГУ, 2022. — 200 с.
- Шмонин Д. В. Философия образования: традиции и перспективы. — М. : ПСТГУ, 2020. — 315 с.
- Шмонин Д. В. Христианские основания педагогики. — М. : НОФМО, 2021. — 176 с.
- Шмонин Д. В. Христианские основания русской педагогики: от Киевской Руси к цифровой эпохе. — М. : ПСТГУ, 2020. — 315 с.
- Щипков А. В. Политическая философия русской традиции. — М. : Ключ-С, 2021. — 416 с.

Сведения об авторах:

Дмитрий Викторович Шмонин — доктор философских наук, профессор, директор Института теологии СПбГУ, Санкт-Петербург, Университетская набережная 7-9-11, e-mail: d.shmonin@spbu.ru

Вадим Игоревич Петров — священник, аспирант, Институт теологии СПбГУ, Санкт-Петербург, Университетская набережная 7-9-11, e-mail: vadim.i.petrov@spbu.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 30.03.2025; принята к публикации 03.05.2025.

D. V. Shmonin, V. I. Petrov

INSTITUTE OF THEOLOGY OF SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY,
SAINT PETERSBURG, RUSSIA

The Theological and Anthropological Ideas of Konstantin Ushinsky and the Socio- Humanistic Core of the New Model of Russian Education

Abstract. The authors of this article examine the conceptual and methodological legacy of Konstantin Dmitrievich Ushinsky and its significance for shaping the socio-humanistic foundations of contemporary Russian education. The discussion is framed within the ongoing reform of higher education in Russia, which seeks to move beyond the limitations of the Bologna system and develop a nationally grounded model. The importance of this study is highlighted by the strategic character of the reform (initiated by Presidential Decrees No. 809 of November 9, 2022, and No. 343 of May 12, 2023, as well as the Presidential Address to the Federal

Assembly in 2023), which requires a methodological basis for integrating the best practices of the Soviet period, current socio-economic demands, and enduring cultural and moral values.

The analysis draws on regulatory and legal documents and official public addresses, situating them alongside Konstantin Ushinsky's central ideas: the principle of narodnost' (national character), the anthropological approach, and the role of family. The article also provides a theological and pedagogical examination of the ontological and axiological dimensions of Ushinsky's system, including its theological underpinnings; and, through contextual analysis, demonstrates the continuity of Ushinsky's thought within contemporary educational policy and cultural discourse.

The study argues that the current model of Russian education, though oriented toward flexibility, stronger fundamental training, and the integration of economic needs with individual learning pathways, lacks a sufficiently articulated value and worldview framework. Ushinsky's pedagogical system provides such a methodological framework, being based on the anthropological approach ("understanding the human being in every respect, in order to educate them in every respect"), the principle of narodnost' ("the alignment of education with the historical and cultural character of a people"), and the recognition of the family as the axiological foundation of moral and intellectual development ("the first school of morality"). Ushinsky's ideas organically incorporate the Orthodox worldview as a cultural code transmitted through living tradition rather than abstract instruction, which is particularly relevant for shaping the socio-humanistic core of contemporary education. His synthesis of pedagogy with the principles of Orthodox anthropology offers an alternative to technocratic approaches and supports cultural sovereignty, with the teacher's moral integrity serving as a central imperative.

The findings have practical relevance for developing a universal socio-humanistic core of modern education. Theoretically, they demonstrate the necessity of integrating historical and pedagogical heritage (particularly Ushinsky's ontologically holistic model) with traditional cultural and moral values in the methodology of contemporary Russian educational policy, thereby reinforcing its resilience against the challenges of value relativism. The study confirms that genuine education is the holistic formation of personality, requiring the teacher to serve as a "living bridge" between tradition and innovation.

This research was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 25-18-00427, <https://rscf.ru/project/25-18-00427>).

Keywords: educational paradigm; Konstantin Ushinsky; Russian education; socio-humanistic core; traditional values; family as an institution of socialization; cultural sovereignty

For citation: Shmonin, D. V., Petrov, V. I. (2025). The Theological and Anthropological Ideas of Konstantin Ushinsky and the Socio-Humanistic Core of the New Model of Russian Education. *Orthodoxia*, (2), 82–97. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-2-82-97

REFERENCES:

Nesterov, M. V. (1988). *Pisma. Izbrannoe* [Letters. Selected Works]. Leningrad : Iskusstvo. [In Russian].

Svetlov, R. V. (2020). *Istoricheskaya pamyat' kak osnova natsional'noy identichnosti* [Historical Memory as the Foundation of National Identity]. *Voprosy filosofii*, (5), 27–35. [In Russian].

Ushinskiy, K. D. (1948–1952). *Sobranie sochineniy: v 11 t.* [Complete Works In 11 Vol.]. Moscow, Leningrad : Izd-vo APN RSFSR. [In Russian].

T. 2: Pedagogicheskie stat'i 1857–1861 gg. [Vol. 2: Pedagogical Articles 1857–1861]. (1948). [In Russian].

T. 3: Pedagogicheskie stat'i 1862–1870 gg. [Vol. 3: Pedagogical Articles 1862–1870]. (1948). [In Russian].

T. 4: Rodnoe slovo: kn. dlya uchashchikh. [Vol. 4: Native Word. Book for Teachers]. (1949). [In Russian].

T. 6: Pedagogicheskie stat'i 1860–1862 gg.; Rodnoe slovo: kn. dlya detey; Stat'i [Vol. 4: Pedagogical Articles 1860–1862; The Native Word. Book for Children; Articles]. (1949). [In Russian].

T. 8: Chelovek kak predmet vospitaniya. Opyt pedagogicheskoy antropologii. T. 1 [Vol. 8: Man as an Object of Education. Experience in Pedagogical Anthropology. Vol. 1.]. (1950). [In Russian].

T. 9: Chelovek kak predmet vospitaniya. Opyt pedagogicheskoy antropologii. T. 2 [Vol. 9: Man as an Object of Education. Experience in Pedagogical Anthropology. Vol. 2.]. (1950). [In Russian].

Chudesnoe nauchenie gramote otroka Varfolomeya [The Miraculous Learning of Reading and Writing by the Youth Bartholomew]. (2021). In *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. (Vol. 62, pp. 376–378). Moscow : Tserkovno-nauch. tsentr “Pravoslavnaya entsiklopediya”. [In Russian].

Shmonin, D. V. (2018). V teni stoletiy: pravoslavnoe obrazovanie v istoricheskoy perspektive [In the Shadow of Centuries: Orthodox Education in Historical Perspective]. Saint Petersburg : Aleteya. [In Russian].

Shmonin, D. V. (2021). Pedagogika v poiskakh smyslov: filosofsko-obrazovatel'nye etyudy [Pedagogy in Search of Meanings: Philosophical and Educational Studies]. Moscow : NOFMO. [In Russian].

Shmonin, D. V. (2022). Pedagogika v poiskakh smyslov [Pedagogy in Search of Meanings]. Moscow : PSTGU. [In Russian].

Shmonin, D. V. (2020). Filosofiya obrazovaniya: traditsii i perspektivy [Philosophy of Education: Traditions and Perspectives]. Moscow : PSTGU. [In Russian].

Shmonin, D. V. (2021). Khristianskie osnovaniya pedagogiki [Christian Foundations of Pedagogy]. Moscow : NOFMO. [In Russian].

Shmonin, D. V. (2020). Khristianskie osnovaniya russkoy pedagogiki: ot Kiyevskoy Rusi k tsifrovoy epokhe [Christian Foundations of Russian Pedagogy: From Kievan Rus to the Digital Age]. Moscow : PSTGU. [In Russian].

Shchipkov, A. V. (2021). Politicheskaya filosofiya russkoy traditsii [Political Philosophy of the Russian Tradition]. Moscow : Klyuch-S. [In Russian].

About the authors:

Dmitry Viktorovich Shmonin — Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Theology of Saint Petersburg State University, Universitetskaya naberezhnaya 7-9-11, Saint Petersburg, Russia, e-mail: d.shmonin@spbu.ru

Vadim Igorevich Petrov — priest, PhD student, Institute of Theology of Saint Petersburg State University, Universitetskaya naberezhnaya 7-9-11, Saint Petersburg, Russia, e-mail: vadim.i.petrov@spbu.ru

Conflict of interest:

The authors declare no conflict of interests.

The article was submitted 20.03.2025; accepted after reviewing 30.03.2025; approved for publication 03.05.2025.

Е. С. Мельникова

РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ СВЯТОГО ИОАННА БОГОСЛОВА,
МОСКВА, РОССИЯ

Церковь и государство в воззрениях святителя Филарета (Дроздова)

Аннотация. Статья посвящена наследию святителя Филарета (Дроздова). На основании высказываний, взятых из проповедей, мнений, отзывов и писем митрополита Филарета, которые затрагивают темы истоков государственности и устройства общественной жизни страны, раскрываются особенности его взглядов на отношения между Церковью и государством. В статье анализируется круг идей, связанный с его учением об устройении земного государства по образу Царства Небесного. Отмечается, что взгляды митрополита на церковно-государственные отношения основываются на представлении о государстве как части замысла Божия в человеческом обществе. Несмотря на то что Церковь и государство имеют разную природу и происхождение, а формы их взаимоотношений непрерывно развиваются в историческом контексте, святитель определяет их общие цели, придавая большое значение роли земного града в подготовке граждан Царства Небесного. Московский митрополит указывает на связь между политической стабильностью государства и нравственным уровнем его граждан. В статье акцентируется внимание на том, что в этих условиях Церковь выступает в качестве носителя духовно-нравственных ценностей. Наследие святителя представляет интерес с точки зрения политической аксиологии в части более глубокого осмысления положений 809-го Указа Президента России, конкретизирующего понятие «традиционные ценности». К ним 809-й Указ относит нравственные ориентиры, передаваемые от поколения к поколению, которые формируют мировоззрение граждан России и образуют фундамент общероссийской идентичности.

Ключевые слова: святитель Филарет (Дроздов), Церковь, государство, церковно-государственные отношения.

Для цитирования: Мельникова Е. С. Церковь и государство в воззрениях святителя Филарета (Дроздова) // Ортодоксия. — 2025. — № 2. — С. 98–107. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-2-98-107

Русскую религиозную и общественно-политическую мысль невозможно представить без духовно-интеллектуального наследия митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова) (1782–1867). Его влияние на церковную и общественную жизнь России было настолько ощутимо, что некоторые историки называют XIX век «филаретовской эпохой» (Смолич 1977: 217).

Митрополит Филарет при жизни застал многие яркие исторические события: наполеоновские войны, восстание в Польше, революции в Европе, эпидемию холеры в Москве и освобождение крестьян от крепостной зависимости. Он ясно понимал, что в русском обществе в динамичное движение пришли сложные идейные процессы, и во многом предвидел кризис общественного разъединения, который настиг Россию в начале XX века.

В наследии святителя нет отдельного труда, который был бы всецело посвящён его взглядам на церковно-государственные отношения. Воззрения иерарха можно реконструировать, если обратиться к его проповедям, в которых духовно-нравственные наставления сочетаются с рассуждениями о природе государственности в соответствии со Священным Писанием.

Святитель Филарет, излагая учение об отношении Церкви к государству и русскому народу, указал на единство послушания и христианской свободы, выявил связь нравственности и государственности, определил точки соприкосновения и общие задачи Церкви и государства.

Филаретовские представления об идеальном устройстве этих отношений в некоторых моментах схожи с византийской симфонией, которая основана на сотрудничестве, обоюдной поддержке и невмешательстве каждой стороны в сферы ответственности другой.

Наследие Московского митрополита вновь приобретает актуальность в связи с изменениями, происходящими во внутриполитической и общественной жизни России. Фаза острого противостояния с коллективным Западом в рамках СВО ставит перед страной, её политическим руководством и гражданами не только военно-политические задачи.

Российское общество, столкнувшись с военной и, что гораздо опаснее, деструктивной идеологической агрессией, вступило в борьбу за национальный суверенитет. Укрепление национальной идеологии особенно важно в условиях, когда секулярный релятивизм западной цивилизации ниспровергает вековые идеалы, на которых базируется традиционное общество.

На государственном уровне принят ряд стратегических документов, составляющих идеологический фундамент современного устройства общественно-политической жизни страны. Это поправки в Конституцию от 2020 года, новая редакция Стратегии национальной безопасности, Основы госполитики в области противодействия экстремизму, в области исторического просвещения. Также это Основы государственной культурной политики и конечно же 809-й Указ Президента России.

Избежать формализма в реализации положений этих документов позволит более глубокое понимание исторического контекста церковно-государственных отношений. Необходимо понимание духовной природы генезиса идей, закреплённых в стратегических документах на государственном уровне. В этом смысле наследие митрополита Филарета актуально в наши дни ничуть не в меньшей степени, чем в XIX веке.

Христианская социальная мысль в «эпоху Филарета» ориентировалась на идею об устройении государства по образу Царства Небесного. Однако уже в конце жизни иерарха начались «торопливые реформы, долженствующие совершить... переворот» в жизни страны (Берг 1885: 3). В православной России поиски способов формирования нравственного общества были прерваны дискуссиями об отделении Церкви от государства и событиями 1917 года. В условиях разгоревшихся революционных настроений на роль духовного наставника русского народа стала претендовать интеллигенция.

В начале XX века, когда в России происходила перестройка системы ценностей, стремление к устройению земного государства по образу Града Небесного стало искажаться обновленцами в попытках подстроиться под идеи новой власти и, таким образом, приобрело хилиастические черты. В обновленческой печати Царство Божие практически отождествилось с идеей безгосударственного «общества будущего» (Петроградский Комитет «Союза Церковного возрождения» 1922: 6). Следующим испытанием для Церкви стал советский период, когда она отстаивала свою независимость от посягательств авторитарного государства.

Сегодня государство занимает по отношению к делам Церкви позицию дружелюбного невмешательства. В то же время Церковь находится в новых исторических обстоятельствах, когда она противостоит агрессивной

модернизации и радикальным идеологиям секуляризма, разрушающим традиционный общественный уклад.

Митрополит Филарет видел опасность движений, которые укрепились за пределами России, и в этой связи говорил: «Нельзя не обратить внимания... на печальный образ народа и общества, разделённого на толки и соумышления. Разделяя народ и общество на отдельные соединения, они повреждают единство целого — первое условие общественной жизни; уменьшают общую силу, рассекая её на частные, взаимно противоборные силы; ослабляют общественное доверие; волнуют тысячи народа, вместо того чтобы устроить его благо правильной деятельностью в спокойном послушании власти; колеблют здание общества, обращая в вопросы и споры то, что признано при учреждении обществ, положено в их основание и утверждено необходимостью; ведут в обществе внутреннюю войну, конечно, не к спокойствию его и не к безопасности, а иногда ещё бедственнее — заключают между собою притворное перемирие для сильнейшего восстания против истины и правды» (Государственное учение Филарета 1883: 21).

Обращаясь к самим истокам государственности, святитель Филарет выявлял несостоятельность теории общественного договора. Он определял государство как «великое семейство человеков» и указывал на естественный характер его происхождения (Мнения, отзывы и письма 1905: 7). Святитель был убеждён, что «начальный вид общества есть общество семейственное» (Государственное учение Филарета 1883: 8).

Государственный организм, который развивается из семьи, получает к тому же основы иерархии. Образ власти заключён в семейных отношениях, где отец имеет природную власть над сыном. Эта власть не создана отцом и не даруется ему сыном, а исходит от Самого Создателя при творении человека (Государственное учение Филарета 1883: 6).

По мысли иерарха, неприкосновенность начальствующих и необходимость повиновения государственной власти обусловлена тем, что всякая власть между людьми утверждается Богом. Именно власть соединяет людей в общество, а её ослабление приводит к тому, что «зыблются и престолы и алтари... мятежи роятся, пороки безстыдствуют, преступления ругаются над правосудием» (Государственное учение Филарета 1883: 10).

Однако, говоря о важности исполнения гражданских обязанностей, митрополит Филарет обозначил чёткие нравственные границы. Если государство принуждает признать то, что «противно церковным правилам и совести Церкви», тогда православному христианину «лучше пострадать, нежели подчиняться такому принуждению» (Сочинения Филарета 1874: 151).

Митрополит характеризовал государство как «союз свободных нравственных существ, соединившихся между собою с пожертвованием частью своей свободы для охранения и утверждения общими силами закона нравственности, который составляет необходимость их бытия» (Мнения, отзывы и письма 1905: 8).

Истинная свобода, как пояснял митрополит Филарет, «есть способность... разумно избирать и делать лучшее». Такое понимание свободы не противоречит необходимости подчинения государственной власти. Московский владыка отмечал, что ревнители внешней свободы, которые пытаются добиться её в обществе, поступающие по неограниченному произволу и восстающие против закона, зачастую находятся во «внутреннем рабстве греха» (Государственное учение Филарета 1883: 25–26).

Митрополит рассматривал государство как часть Божиего замысла в человеческом обществе, как определённый «участок во всеобщем владычестве Вседержителя, отделённый по наружности, но невидимую властью сопряжённый с единством всецелого» (Мнения, отзывы и письма 1905: 11). Поэтому государство, освящая себя образом Града Небесного, утверждая священный закон благочестия и добродетели, по мысли святителя, может стать своего рода преддверием Царства Божия:

«О, если бы все народы довольно разумели небесное достоинство царя и устройство царства земного по образу небесному и постоянно себя ознаменовывали чертами того же образа, — благоговением и любовью к царю, смиренным послушанием его законам и повелениям и взаимным согласием и единодушием и удаляли от себя всё, чему нет образа на небесах, — превозношение, раздор, своеволие, своекорыстие и всякое зло мысли, намерения и действия! Все царства земные были бы достойным преддверием Царства Небесного» (Государственное учение Филарета 1883: 12).

Верность Отечеству и способность к самопожертвованию сохраняется там, где «священный закон нравственности... утверждён в сердцах воспитанием, верою, здравым, неискажённым учением и уважаемыми примерами предков» (Государственное учение Филарета 1883: 82).

Святитель был убеждён, что политическая и социальная стабильность государства может быть сформирована только на основе «священного нравственного закона». Государство, как большой и сложный организм, состоящий из семей, нуждается в том, чтобы его члены были нравственно не повреждены.

В очерке Ф. Н. Берга «Два ума» государственное учение митрополита Филарета сравнивается с идеями французского философа Ипполита Тэна.

Автор отмечает: «Правильность здравых взглядов и крепость принципов вырабатывается... строгим, твёрдым воспитанием в семье, глубоко заложенными в сердце ребёнка религиозными и народными началами, почерпнутыми из глубины народного духа и, главное, из любви к своей родной истории» (Берг 1885: 1).

При рассмотрении церковно-государственных отношений митрополит Филарет отмечал, что подходы к обществу у Церкви и государства существенно отличаются друг от друга. По словам святителя, Христос созидал не государство, а Церковь, и её задачи выходят за рамки земной человеческой жизни. Государство же силой внешнего закона призвано сохранять частную жизнь человека и общественную жизнь государства (Государственное учение Филарета 1883: 68).

Владыка признавал, что государство, исполняя свою роль, не всегда может следовать высоким христианским истинам, но это обстоятельство не делает его недостойным христианства. Более того, святитель утверждал, что «худой гражданин царства земного и для небесного не годен». Из этого следует, что разграничение сфер ответственности Церкви и государства не означает удаление Церкви от участия в общественно значимых вопросах. Мы видим, что, по мысли святителя, сферы влияния Церкви и государства сближаются в деле укоренения нравственности и воспитания «будущих граждан царства небесного» (Сочинения Филарета 1885: 472–473).

Основные принципы, сформулированные великим иерархом, вошли в Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Этот документ, укоренённый в духе Священного Писания и Священного Предания, не только формулирует модели поведения православных христиан в социальном пространстве, но и отражает мировоззренческие позиции преобладающей части русского общества. Учение митрополита Филарета и положения Основ во многом соответствуют общественным взглядам, потому что русский народ разделяет идеи справедливости, сохранения традиционных ценностей, выступает за нравственную обусловленность любых законов и институтов.

Государственные задачи не могут быть чисто механическими, так как государство не способно существовать без целей и убеждений. Церковь, как наиболее устойчивый институт в истории России, не ограничивается одним лишь богословием. Она прямо и опосредованно включается как в социальную, так и в политическую сферу жизни страны. Не принимая участия в решении политических задач и не стремясь к этому, Церковь тем не менее выступает как нравственный камертон, на который может и должно ориентироваться государство при выработке государственной политики.

Церковь как «столп и утверждение истины», содержащая в себе многовековой духовный опыт русского народа, может определять вопросы традиции и утверждать нравственный закон в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Берг Ф. Н. Два ума: Очерк о кн.: Государственное учение Филарета, митрополита Московского. — М., 1885 и Socialisme et gouvernement. Ipp. Taïne, 1885. — СПб. : тип. т-ва «Обществ. Польза», 1885. — 32 с.

Государственное учение Филарета, митрополита Московского: отрывки из его произведений / сост. В. В. Назаревский. — М. : Университетская тип. (М. Катков), 1883. — 130 с.

Мнения, отзывы и письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по разным вопросам за 1821–1867 гг., собранные и снабжённые примечаниями Л. И. Бродским. — М. : Синод. тип., 1905. — 406 с.

Петроградский Комитет «Союза Церковного возрождения». Наши задачи (К верующим православным людям г. Петрограда и епархии) // Соборный разум. — 1922. — № 1. — С. 5–8.

Смолич И. К. История Русской Церкви. — М., 1977. — Кн. 8. Ч. 1. — 800 с.

Соч. Филарета, митрополита Московского и Коломенского: Слова и речи: в 5 т. — Т. 2. — М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1874. — 432 с.

Соч. Филарета, митрополита Московского и Коломенского: Слова и речи: в 5 т. — Т. 5. — М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1885. — 582 с.

Сведения об авторе:

Ева Сергеевна Мельникова — студент 2-го курса бакалавриата богословского факультета Российского православного университета святого Иоанна Богослова, 127051, Россия, Москва, Крапивинский пер., 4, e-mail: evamelnikova@internet.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья была принята в редакцию 13.02.2025; одобрена после рецензирования 23.02.2025; принята к публикации 07.03.2025.

E. S. Melnikova

RUSSIAN ORTHODOX UNIVERSITY OF ST. JOHN THE THEOLOGIAN,
MOSCOW, RUSSIA

Church and State in the Views of St. Philaret (Drozdov)

Abstract. The article is dedicated to the legacy of Saint Philaret (Drozdov). Based on statements taken from sermons, opinions, reviews and letters of Metropolitan Philaret, which touch upon the themes of the origins of statehood and the structure of public life in the country, the features of his views on the relationship between the Church and the state are revealed. The article analyzes the range of ideas associated with his teaching on the structure of the earthly state in the image of the Kingdom of Heaven. It is noted that the Metropolitan's views on church-state relations are based on the idea of the state as part of God's plan in human society. Despite the fact that the Church and the state have different natures and origins, and the forms of their relationship are continuously developing in a historical context, the saint defines their common goals, attaching great importance to the role of the earthly city in the preparation of citizens of the Kingdom of Heaven. The Moscow Metropolitan points out a direct connection between the political stability of the state and the moral level of its citizens. The article focuses on the fact that in these conditions the Church acts as a bearer of spiritual and moral values. The legacy of the saint is of interest from the point of view of political axiology in terms of a deeper understanding of the provisions of the 809th Decree of the President of Russia, which specifies the concept of "traditional values". Decree 809 includes moral guidelines passed down from

generation to generation, which shape the worldview of Russian citizens and form the foundation of the all-Russian identity.

Keywords: Saint Philaret (Drozdov), Church, state, church-state relations

For citation: Melnikova, E. S. (2025). Church and State in the Views of St. Philaret (Drozdov). *Orthodoxia*, (2), 98–107. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-2-98-107

REFERENCES:

Berg, F. N. (1885). *Dva uma: Ocherk o kn.: Gosudarstvennoe uchenie Filareta, mitropolita Moskovskogo* [Two Minds: An Essay on the Book “The State Doctrine of Philaret, Metropolitan of Moscow”]. Moscow : Socialisme et gouvernement. Ipp. Taine. Saint Petersburg : tip. t-va “Obshchestv. Pol’za”. [In Russian].

Gosudarstvennoe uchenie Filareta, mitropolita Moskovskogo: otryvki iz ego proizvedenii [Philaret, Metropolitan of Moscow’s State Doctrine: Excerpts from His Works] (1883). Moscow : Universitetskaia tip. (M. Katkov). [In Russian].

Mneniia, otzvyvy i pis’ma Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo, po raznym voprosam za 1821–1867 gg., sobrannye i snabzhennye primechaniiami L.I. Brodskim [Opinions, Reviews, and Letters of Philaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna, on Various Issues from 1821 to 1867, Collected and Annotated by L. I. Brodsky]. (1905). Moscow : Sinod. tip. [In Russian].

Petrogradskii Komitet “Soiuza Tserkovnogo vrozhdenniia”. Nashi zadachi (K veruiushchim pravoslavnym liudiam g. Petrograda i eparkhii) [Petrograd Committee of the “Church Revival Union”. Our Tasks (To the Orthodox Believers of Petrograd and the Diocese)]. (1922). In *Sobornyi razum*, (1), 5–8. [In Russian].

Smolich, I. K. (1977). *Istoriia Russkoi Tserkvi* [The History of the Russian Church]. (Vol. 8, book 1). Moscow. [In Russian].

Soch. Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo: Slova i rechi: v 5 t. [Works of Philaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna: Sermons and Speeches. In 5 Volumes]. (1874). (Vol. 2). Moscow : Tip. A. I. Mamonova. [In Russian].

Soch. Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo: Slova i rechi: v 5 t. [Works of Philaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna: Sermons and Speeches. In 5 Volumes]. (1885). (Vol. 5). Moscow : Tip. A. I. Mamontova. [In Russian].

About the author:

Eva Sergeevna Melnikova — 2nd year bachelor's student of the theological faculty of the Russian Orthodox University of St. John the Theologian, 127051, Russia, Moscow, Krapivinsky per., 4, e-mail: evamelnikova@internet.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 13.02.2025; approved after reviewing 23.02.2025; accepted for publication 07.03.2025.

Протоиерей В. В. Василек

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ

Миссия России как удерживающего

Аннотация. В статье рассматривается роль России как удерживающего (κατέχων), как силы, которая препятствует появлению Антихриста и установлению мирового антихристианского порядка. Показывается связь концепции катехона (удерживающего) с идеей Третьего Рима как «царства правды». Рассматривается роль России в удержании мирового православия как с военно-государственной, так и с церковной точки зрения. Предлагается ряд мер, которые позволят России сохранять роль Удерживающего. Среди них — тимократия (τιμοκρατία) — господство духовно-нравственных ценностей, направленное на устранение финансовой олигархии и выдвижение по заслугам нравственного характера. Далее — нравственный контроль общества над государством и нравственный контроль государства над обществом. Затем — легальность власти, уничтожение теневых структур и восстановление традиционной государственности во всей её полноте. Кроме того — всенародное право на средства производства, на землю и недра, неприкосновенность личной собственности и недопустимость частной собственности на средства производства, на ресурсы. Помимо этого — уничтожение деструктивной компрадорской олигархии и создание того промышленного слоя, который будет трудиться на благо России, а не международных финансовых структур. Также — искоренение коррупции и порождающих её причин, очищение отечественной культуры и общественных средств массовой информации от деструктивных и безнравственных текстов, понятий, образов и увольнение порождающих их личностей. Далее — господство десяти заповедей в общественном сознании, первенство православия при уважении и терпимости

к другим традиционным религиям, первенство воспитания над образованием, воспитания человека нравственного и совестливого над профессионалом, поскольку нравственность подразумевает также совестливое отношение к профессиональному росту, сведение к минимуму зазора между моралью и правом. Что мы можем и должны предложить миру, чтобы действительно быть Удерживающим во всей силе и полноте? Первое — это правоприменительная практика. В целом — переход от ортодоксии (православия, правосмыслия) к ортопраксии (правильному действию).

Ключевые слова: государство, Церковь, образование, политика, Удерживающий (κατέχων), ортодоксия, ортопраксия, нравственность, правосознание, тимократия

Для цитирования: Василий В. В., протодиак. Миссия России как удерживающего // Ортодоксия. — 2025. — № 2. — С. 108–123. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-2-108-123

Наше современное образование страдает, во-первых, от отсутствия мировоззренческой составляющей, фундаментальных идей концепций, от своей подчинённости убогому утилитаризму, высшей целью которого, по словам недоброй памяти бывшего министра образования А. А. Фурсенко, является «подготовка квалифицированного потребителя», во-вторых — от отсутствия плана будущего, ибо для него всё — «здесь и сейчас». Для исправления подобной ситуации необходимо введение в образование серьёзных и глубоких историософских концепций, в частности — концепции России как Удерживающего.

Преподобный Максим Исповедник в своих творениях учит, что время на своей глубине не есть процесс уничтожения и тления, а напротив — восстановления и обновления. Можно с известной осторожностью спроецировать эту богословскую концепцию на историческое время, на «историю, которую нам Бог дал». России, на наш взгляд, был дарован жребий «удерживающего», тот крест, который она несёт и поныне.

Возникает законный вопрос: а кто есть удерживающий (κατέχων) церковного Предания? У святого апостола Павла есть одно таинственное место во Втором послании к Фессалоникийцам, где он говорит:

«Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес. 2:7). Существовали и существуют различные толкования этого места и, соответственно, разные богословские концепции: для одних теологов это — благодать Святаго Духа, как, например, для Севериана Гавальского, для других — мощь и организованность Римского государства, как для блаженного Августина.

Наиболее полное и глубокое толкование дал свят. Иоанн Златоуст: «Справедливо всякий может, во-первых, спросить, что такое удерживающее (το κατέχων) (ср.: 2 Фес. 2:7), и потом обнаружит желание узнать, почему так неясно говорит об этом Павел? Что же такое, что не допускает открыться ему, то есть препятствующее? Одни говорят, что это благодать Святого Духа, а другие — римское государство; с этими последними я больше согласен. Почему? Потому что если бы апостол хотел говорить о Духе, то не выразился бы об этом неясно, но сказал бы определённо... Но так как апостол говорит это о римском государстве, то понятно, почему он только намекает на это и до времени говорит прикровенно. Он не хотел навлечь на себя чрезмерной вражды и бесполезной опасности... Ибо тайна беззакония уже в действии» (Иоанн Златоуст 1991: 230).

Итак, Римское государство Рим является удерживающим.

Но возникает вопрос: а какой Рим? Забегая вперёд, скажу, что есть Четвёртый Рим — Соединённые Штаты Америки. Там есть Капитолий, их государственный герб — Римский одноглавый орёл... С таким Римом нормальным людям не хочется иметь ничего общего в силу его гиперагрессивности, предельной коррумпированности и лицемерной политики.

Каков образ Рима, который переносится от государства к государству? Во-первых, это торжество законности. *Dura lex, sed lex*. Во-вторых, это высокая личная и семейная мораль: мораль долга, верности и чести. И лишь в третью очередь это мощь и организация государства. И, наконец, это мир, который Рим нёс окрестным народам — *Pax Romana* (Зелинский: 200. 10–25).

Отцы Церкви и Её учителя, начиная с Мелитона Сардийского, говорили о том, что Христос воплощается тогда, когда создаётся Римская империя (Сидоров 1996: 187). Созидание Церкви и становление Империи суть синхронные процессы. Это замечательно воспела поэтесса преп. Кассия:

Когда Август над землёю воцарился,
Многовластие человеков прекратилось,
Когда Бог вочеловечился от Чистой,
Многобожие кумиров упразднилось.
Под единственным царством всемирным
Города пребывали.
Божества же державу едину
Все народы познали.
Повелением Кесаря
Записалась вселенная,
И Божественным именем
Днесь записаны верные. (Перевод В. В. Василика)

Однако, помимо Первого Рима, вначале языческого, а затем приведённого Константином Великим к христианству, существовал ещё, по выражению Сергея Сергеевича Аверинцева, другой Рим (Аверинцев 2005).

Византийская, а лучше сказать Ромейская империя дала миру пример удивительного синтеза горячей религиозной веры, государственной мощи, глубоко развитой законности, утончённого интеллектуализма и высокой, богатой культуры. Одна из основополагающих идей — симфония Церкви и государства. «Един Бог, един василевс, едина Империя!» — восклицали ромеи. Во-вторых, при перенесении на мир человеческий она утверждала теснейшую связь божественного и человеческого, церковного и государственного, мирского и духовного, в духе Халкидонского собора с его оросом — «исповедуем Одного и Того же Христа в двух природах неразлучно, нераздельно, сходящихся в одной ипостаси» (Василик 2016: 103). Как говорил св. император Юстиниан, «величайшими у людей дарами Божиими, данными свыше по человеколюбию, являются священство и царство. Первое служит делам божественным, второе начальствует и наблюдает над делами человеческими; и то, и другое происходит от одного начала и гармонично обустроивает жизнь человеческую — и ничто так не важно для царствующих, как почёт иереев, которые за них вечно молят Бога. Ибо если первое будет совершенно безукоризненным и удостоится у Бога благорасположения, а второе будет по справедливости и подобающим образом обустроивать порученное ему государство, то наступит некое доброе согласие (συμφωνία — симфония), которое обеспечит все какие ни есть блага роду человеческому».

Положим, это идеал, который неоднократно нарушался, но он был. И когда Римейская империя пала, частично из-за внешнего давления, прежде всего — мусульманского, частично из-за внутреннего разложения, связанного с коррупцией — богатством частных лиц и бедностью государства, формированием хищной и деструктивной олигархии, то настало время Третьего Рима.

Но следует сказать, что часто в плане Божественного Промысла существует некое приуготовление. И история домонгольской и монгольской Руси — это также история Удерживающего и, конечно, спасение христианского мира от кочевых нашествий — печенежского, половецкого и, разумеется, монгольского. Как отметил А. С. Пушкин, «России определено было высокое предназначение... Её необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабождённую Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией» (Пушкин О ничтожестве литературы русской Т. 6 1962: 350). Однако Пушкин забыл упомянуть о другой, не менее значимой заслуге России в начале монгольского периода — спасении православного просвещения и православия в целом от латинства: если на южном фланге православного мира римо-католикам удалось прорваться и захватить Константинополь в 1204 году, то на фланге северном св. князь Александр Невский и его воинство железной стеной встали на пути псов-рыцарей и не дали им захватить Новгород. И святой князь Александр промыслительно разглядел антихристианскую сущность католического Запада, его свирепый и неуёмный натиск на Восток («Drang nach Osten»), его желание ассимилировать и покорить народы, и не только языческие, но и православные. И, напротив, он ясно осознал ту истину, что татарам нужны дань и покорность, но русскую душу они не тронут, поскольку они веротерпимы и безразличны к духовной жизни покорённых народов. Им нужна материя, а Западу — душа русского человека, которую Запад пытался и пытается пересоздать по своему образу и подобию.

Александр Невский сделал выбор между внешним и внутренним рабством, между внешним порабощением и внутренним растлением. Но промыслительно это внешнее рабство в конечном счёте привело русский народ не только к великой духовной свободе, несравнимой с тем, что имели и имеют другие народы, но и к небывалому государственно-му величию, когда, по выражению святителя Николая (Велимировича),

самый кроткий народ унаследовал самую великую землю и стал хозяином одной шестой части света (Василик 2019: 15–16).

Святой благоверный великий князь Александр Невский — наш учитель в верности православию. Вспомним его слова, сказанные римским легатам: «От Адама до семи Вселенских соборов всё по порядку сведали, а от вас учения не приемлем. Идите, откуда пришли». Он — наш учитель Правде Божией. Со словами «Не в силе Бог, а в правде» он выходил с малой дружиной и побеждал великие и страшные вражеские полки.

Говоря о роли Удерживающего, необходимо выделить две линии. Первая — военно-государственная, вторая — церковно-духовная.

И с точки зрения церковно-духовной, следует отметить, что допетровская Русь являлась светильником православия. Многие знают о Первом и Втором Южнославянском влиянии на Руси, но немногие — о Первом Восточнославянском влиянии на Балканах (XII–XIII века), когда в Болгарии и Сербии почитали св. равноапостольного князя Владимира и св. страстотерпцев Бориса и Глеба, а жития св. Стефана (Симеона) Немани, отца св. Саввы Сербского создавались на основе... «Слова о Законе и благодати» митр. Илариона Киевского (Турилов 2011). И само Второе Южнославянское влияние на Руси произошло в результате исхода многих деятелей Pax Slavia Orthodoxa на Русь в результате османского нашествия, когда она стала своеобразным ковчегом спасения для православного мира. И следует отметить, что Русь сказала своё слово в трагические годы Флорентийской унии (1437–1439). Когда в 1439 году император Константинопольский Иоанн Палеолог и греческая иерархия предали православие, то русская делегация тихо ушла с собора. А затем великий князь всея Руси Василий Васильевич восстановил честь православия и неповреждённость догматов, отвергнув митрополита-кардинала, униата Исидора и с позором изгнав его. Именно с этим связано обретение нами автокефалии. То, что Константинополь пытается представить как дело бунта, было на самом деле актом послушания Церковной истине и спасения православия в его подлинной целостности. Вскоре после провозглашения русской автокефалии пал Второй Рим: за неделю до его взятия турками столп света вышел из храма Святой Софии, что и православные, и турки расценили как знамение того, что Бог отвернулся от ромеев. А почти чрез 60 лет после падения Константинополя старец Филофей пишет великому князю Василию Ивановичу: «Первый Рим пал ересью Аполлинария, второго же Рима, Константинова града, церковные двери внуки агарян секирами и топорами рассекли, а эта теперь же третьего,

нового Рима, державного твоего царства святая соборная апостольская церковь во всех концах вселенной в православной христианской вере по всей поднебесной больше солнца светится, — так пусть знает твоя державность, благочестивый царь, что все православные царства христианской веры сошлись в едином твоём царстве: один ты во всей поднебесной христианам царь» (Филофей 2005: 100).

Однако идея Третьего Рима явилась не просто заявкой на государственную мощь, на глобальное господство, но из уст старца Филофея прозвучало требование праведного царства. В своём послании он обрушивается на пороки русского общества — на коррупцию и содомию (что, к сожалению, весьма актуально и для нашего времени). Старец свидетельствует, что лишь тогда начнётся «Третий Рим цветущий», когда мы станем соблюдать Господни заповеди. И, соответственно, эпоха «могучих Иоаннов» — Иоанна III и Иоанна IV Грозного — отмечена попыткой создать праведное царство — Третий Рим. Да, этой попытке сопутствовали свои грехи, свои заблуждения, которые и привели к Смутному времени. Но тем не менее она была и наложила свой неповторимый отпечаток на историю конца XV — начало XVI века и на становление русской государственности в целом.

На наш взгляд, в отечественной историософии недостаточно глубоко понимается XVII век, в особенности Смутное время, восстание Богдана Хмельницкого, Русско-польская война и раскол. Полагаем, что все эти события отражают цельный глобальный процесс, связанный с борьбой за православие, за его восстановление в Малороссии и укрепление его в целом во всём мире. Смутное время, с одной стороны, явилось следствием соединённой интриги Ватикана, польского короля и изменной части русского боярства, а с другой — яростной жажды воли и власти, охватившей в начале XVII века все сословия Московской Руси. «Природный воскресший царевич» — выражение народной мечты о свободе и добром царе-отце, но без государства, без поборов, без казней и опал — появился для того, чтобы возглавить бунт против российского самодержавия и растущего абсолютизма, против отмены Юрьева дня и закрепощения крестьян, с одной стороны, против резкого ограничения возможностей высшей знати — с другой и, наконец, — против неполноправного положения мелкого провинциального дворянства и злоупотреблений служилой бюрократии. Отметим, что бунташный раскол явился законным чадом Смутного времени, и вопрос в нём стоял не о вере, но о воле и власти. Цену за этот отнюдь не бессмысленный, но

беспощадный бунт Смуты Россия заплатила страшную — разорением половины страны и гибелью трети населения — и это заставило бунтарей притихнуть, а народ — прильнуть к самодержавию как к своему естественному защитнику, как к Удерживающему. С другой стороны, освобождение Москвы в 1612 году явилось победой над воинствующим католицизмом, и от 22 октября 1612 года протягивается невидимая духовная нить к 8 января 1654 года — к Переяславской раде, знаменовавшей свободу православной Малороссии от римо-католического и польского рабства.

И параллельно с этим происходят такие замечательные события, как церковные соборы XVII века (Яский 1642 года и др.), благодаря которым преодолеваются католицизм и филокатолицизм и, в частности, ошибочные представления малороссийской иерархии об исхождении Святаго Духа от Отца и Сына и времени освящения Святых Даров.

Недостаточно глубоко понимаются также события XVIII века, в частности — Северная война. Хотя Пётр Великий и говорил, что она велась не за веру, всё же в известный момент она стала религиозной войной за православие. Когда войска Карла XII двинулись на православную Малороссию, в целом оставшуюся верной русскому царю, и стали разорять и осквернять православные храмы, то Пётр I под Полтавой спас не только жизнь своей державы, но и русское, а тем самым и мировое православие. И сама эпоха Петра Великого характеризуется не только победой над филокатолицизмом, столь популярным при царице Софье и Голицыне, но и постепенным преодолением протестантизма. И в высшей степени важно то, что происходит в XVIII–XIX веках: параллельно с кристаллизацией православного богословия Россия утверждает себя как покровительница православных народов и выводит их из турецкого рабства к свободе и православной государственности. И то, что наблюдаем мы в XX веке во время Русской революции, когда Россия преодолевает чужие заблуждения, когда изживает западные яды атеизма и материализма. В ней в результате образуется то, что вовсе не планировали архитекторы переворота, в частности торжествует идея соборности (Кожин), хотя, к сожалению, официально — без Бога. Однако атеизм зачастую являлся лишь формальной оболочкой режима, поскольку, как известно, «без Бога ни до порога»: очень многие партийцы с чёрного хода приходили в Церковь, исповедовались и даже причащались. В целом социализм был заявкой на «царство правды», при всех различиях внутренне родственное тому, о чём писал старец Филофей. Не случайно гомосексуализм до самого конца Советского Союза был уголовным преступлением,

а с коррупцией в его лучшие времена беспощадно боролись. И, самое главное, Советский Союз осмыслялся как пространство свободы и братства, как светильник освобождения для всего мира. Не случайны строки Осипа Мандельштама:

Да, я лежу в земле, губами шевеля,
Но то, что я скажу, заучит каждый школьник:
На Красной Площади всего круглей земля,
И скат её твердеет добровольный,
На Красной Площади земля всего круглей,
И скат её нечаянно-раздольный,
Откидываясь вниз — до рисовых полей,
Покуда на земле последний жив невольник.
(Мандельштам 1990: 308–309)

И была Великая Отечественная война, которая представляет собой удивительную параллель войне 1812 года. Есть много схожего в их истории, но главное в другом — в их смысле. Война двенадцатого года была своеобразным наказанием русского общества за его увлечение ложными плодами европейского просвещения и культуры. Французы воочию показали свою «культурность» и «цивилизованность»: о них достаточно говорят пляски на антиминсах, лошади в кремлёвских соборах, расправы над ранеными и пленными. Святитель Иларион Троицкий писал: «Как будто для того, чтобы отрезвить русское общество от рабского увлечения Западом и от безрассудного пренебрежения Церковью, Промысл Божий послал великое бедствие Отечественной войны. Просвещённые французы пришли в Москву, ограбили и осквернили народные святыни, показав тем самым изнанку своей европейской души. Увы! Этот тяжёлый урок не пошёл в пользу русскому обществу. Лишь немногие русские люди во время Отечественной войны поднимали голос протеста против французского воспитания и за возвращение к прежней, самобытной русской православной жизни. “Опаснее для нас дружба и соблазны развратного народа, чем вражда их и оружие... Очевидный, исполненный мерзостей, пожарами Москвы осиянный, кровью и ранами нашими запечатлённый пример напоследок нам должен открыть глаза и уверить нас, что мы одно из двух непременно избрать должны: или, продолжая питать склонность нашу к злочестивому народу, быть злочестивыми его рабами, или прервать с ним все нравственные связи,

возвратиться к чистоте и непорочности наших нравов и быть именем и душою храбрыми и православными россиянами”. Так проповедовал перед самим императором Александром Шишков! Но другие в то же время наблюдали, как урок войны проходит без пользы для России. “Одно пугает меня, — писала М. А. Волкова, — это то, что несчастья не служат нам уроком; несмотря на всё, что делает Господь, чтобы обратить нас к Себе, мы противимся и пребываем в ожесточении”. В России увлечение французским после войны не стало сколько-нибудь слабее; оно, может быть, даже усилилось» (Иларион Троицкий: 2004: 55).

Пред Великой Отечественной войной в части советского общества, нацеленной на мировую революцию, бытовала наивная надежда, что немецкий пролетарий устроит революцию и воткнёт штык в землю. Другая часть рассчитывала на то, что немцы — культурная, цивилизованная нация. Соотечественники Маркса и Энгельса воочию показали, что нам следует ждать от «немецкого пролетариата» и «культурной Германии»: виселицы, сожжённые деревни с людьми, убитые дети, у которых забирали последнюю кровь, трупы младенцев в концлагерях, осквернённые церкви, храмы, сожжённые вместе с прихожанами, дорожки, высланные иконами от Новгородского музея до туалета (Ковалев 2004: 134). Духовным результатом той и другой войны во многом явилось прозрение русского (советского) общества, возвращение его части к православной вере, к ценностям патриотизма¹.

В Великую Отечественную войну исполнились пророческие слова А. С. Пушкина, сказанные о войне 1812 года:

И ненавидите вы нас...
За что, ответствуйте, за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, пред кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?
(Пушкин Клеветникам России Т. 2 1962: 187).

¹ Василик Владимир, протодиако. О двух Отечественных войнах // Православие и мир. — 2011. — 22 июня. — URL: <https://www.pravmir.ru/o-dvux-otechestvennyx-vojnah/> (дата обращения: 29.06.2025).

Всё, к сожалению, повторяется. Как Европа XIX века, так и нынешняя ответили ненавистью и неблагодарностью русскому воину-освободителю. Об этом остаётся скорбеть и всё же надеяться на вразумление и покаяние гордого европейского человека.

И, соответственно, разве не простирается это искупление также и на весь цивилизованный европейский мир, притом что в 1941 году, как и в 1812-м, нам пришлось воевать, по сути дела, со всей Европой, либо порабощённой, либо одурманенной Гитлером, причём для того, чтобы освободить её и от этого рабства, и от этого дурмана? Страшно подумать, во что превратился бы мир, если бы он весь пошёл за Гитлером, если бы в нём воцарился нацизм.

И после войны Советский Союз играл роль Удерживающего, не позволяя Соединённым Штатам распространить свою масонскую бесчеловечную диктатуру на весь мир и удерживая нашу цивилизацию от кошмара ядерной войны.

Однако концепция Удерживающего связана не только со славным прошлым, но и с настоящим, и, главное, с будущим. Это тот образ будущего, те вечные ценности, которые мы должны принести не только России, но и всему миру. Современная западная цивилизация навязывает миру аморализм, технократию, кастовость. Так называемый социализм Клауса Шваба предлагает следующий миропорядок: наверху — каста мудрых (совершенно как по Платону), у которой есть всё, внизу — пролетариат, плебс, у которого нет почти ничего и который представляет собой низшую расу.

Что мы можем и должны предложить миру, чтобы действительно быть Удерживающим во всей силе и полноте? Первое — это тимократия (τιμοκρατία) — господство духовно-нравственных ценностей, направленное на устранение финансовой олигархии и выдвижение по заслугам нравственного характера. Второе — нравственный контроль общества над государством и нравственный контроль государства над обществом. Третье — легальность власти, уничтожение теневых структур и восстановление традиционной государственности во всей её полноте. Четвёртое — всенародное право на средства производства, на землю и недра, неприкосновенность личной собственности и недопустимость частной собственности на средства производства, на ресурсы. Пятое — уничтожение деструктивной компрадорской олигархии и создание того промышленного слоя, который будет трудиться на благо России, а не международных финансовых структур. Шестое — искоренение

коррупции и порождающих её причин. Седьмое — очищение отечественной культуры и общественных средств массовой информации от деструктивных и безнравственных текстов, понятий образов и увольнение порождающих их личностей. Восьмое — господство десяти заповедей в общественном сознании, первенство православия при уважении и терпимости к другим традиционным религиям. Девятое — первенство воспитания над образованием, воспитания человека нравственного и совестливого над профессионалом, поскольку нравственность подразумевает также совестливое отношение к профессиональному росту. Десятое — сведение к минимуму зазора между моралью и правом как в правовом сознании, так и в правоприменительной практике. В целом — переход от ортодоксии (православия, правосмыслия) к ортопраксии (правильному действию). Если мы сможем на деле явить России и миру подобный образ будущего, тогда мы победим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Аверинцев С. С. Другой Рим. — СПб. : Амфора, 2005. — 366 с.
- Василик В. В. Россия и европейский империализм. — СПб. : Алетейя, 2019. — 224 с.
- Василик В. В. Церковь и Империя в византийских церковно-поэтических памятниках. — СПб. : Алетейя, 2016. — 640 с.
- Зелинский Ф. Ф. Римская Империя. — СПб. : Алетейя, 2000. — 486 с.
- Иларион (Троицкий), сщмч. Грех против Церкви (Думы о русской интеллигенции) // Творения: в 3 т. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2004. — 320 с.
- Иоанн Златоуст. Толкование на послания к Фессалоникийцам // Иоанн Златоуст. Творения. — Т. 11. — М., 1991. — 420 с.
- Ковалёв Б. Н. Немецкая оккупация и коллаборационизм в России. — М. : Аст. Транзит, 2004. — 450 с.
- Максимович К. А. Церковные новеллы св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) в современном русском переводе: Из опыта работы над проектом // Вестник ПСТГУ. I : Богословие. Философия. — 2007. — Вып. 17. — С. 17–44.

Мандельштам О. С. Творения: в 2 т. — Т. 1. Стихотворения. — М., 1990. — 637 с.

Филофей, старец. Послания // Библиотека литературы Древней Руси. — Т. 10. — СПб. : Наука, 2005. — С. 150–170.

Православный социализм : сб. статей. — СПб. : Алетейя, 2025. — 486 с.

Пушкин А. С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. — Т. 6. Критика и публицистика — М. : Государственное издательство художественной литературы, 1962. — С. 407–413.

Пушкин А. С. Клеветникам России // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. — Т. 2. Стихотворения. 1822–1836. — М. : Государственное издательство художественной литературы, 1959. — С. 339–340.

Сидоров А. И. Курс патрологии: возникновение церковной письменности. — М., 1996. — 349 с.

Турилов А. А. От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софьянина. — М. : Индрик, 2011. — 448 с.

Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого. — СПб., 1997. — 159 с.

Сведения об авторе:

Владимир Владимирович Василик — протодиакон, профессор СПбГУ, доктор исторических наук, кандидат филологических наук, кандидат богословия, директор Центра исторической психологии при кафедре истории славянских и балканских стран Института истории СПбГУ, e-mail: fvasilik@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 24.02.2025; одобрена после рецензирования 03.03.2025; принята к публикации 11.03.2025.

Protodeacon V. V. Vasilik

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY,
SAINT PETERSBURG, RUSSIA

Russia's Mission as the Restrainer

Abstract. The article examines the role of Russia as the Restrainer (κατέχων) — the force that prevents the advent of the Antichrist and the establishment of a global anti-Christian order. It highlights the connection between the concept of the katechon (Restrainer) and the idea of the Third Rome as a “kingdom of truth”. The role of Russia in preserving global Orthodoxy is considered both from the military-state and the ecclesiastical perspective. A number of measures are proposed that would allow Russia to maintain its role as the Restrainer. Among these are timocracy (τιμοκρατία) — the rule of spiritual and moral values aimed at eliminating the financial oligarchy and promoting advancement based on moral character. Further, moral oversight of the state by society and moral oversight of society by the state are envisioned. In addition, the legality of power, the elimination of shadow structures, and the restoration of traditional statehood in its entirety are emphasized. Also proposed are: the nationwide right to the means of production, to land and natural resources; the inviolability of personal property; and the inadmissibility of private ownership of the means of production and of resources. Other measures include the dismantling of the destructive comprador oligarchy and the creation of an industrial stratum that would work for the benefit of Russia rather than international financial structures; the eradication of corruption and its causes; and the purification of national culture and mass media from destructive and immoral texts, concepts, images, and from the individuals who generate them. The article also emphasizes the primacy of the Ten Commandments in public consciousness; the preeminence of Orthodoxy, coupled with respect and tolerance for other traditional religions; and the primacy of upbringing over

education — of raising a moral and conscientious person over training a professional, since morality also implies a conscientious attitude toward professional growth — thus minimizing the gap between morality and law. What, then, can and must we offer the world in order truly to be the Restrainer in all its force and fullness? First and foremost, law-enforcement practice. More broadly, the transition from orthodoxy (right belief) to orthopraxy (right action).

Keywords: state, Church, education, politics, Restrainer (κατέχων), orthodoxy, orthopraxy, morality, legal consciousness, timocracy

For citation: Vasilik V. V., protodeacon. (2025). Russia's Mission as the Restrainer. *Orthodoxia*, (2), 108–123. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-2-108-123

REFERENCES:

Averintsev, S. S. (2005). *Drugoi Rim [Another Rome]*. Saint Petersburg : Amfora. [In Russian].

Vasilik, V. V. (2019). *Rossiya i evropeyskiy imperializm [Russia and European Imperialism]*. Saint Petersburg : Aleteiya. [In Russian].

Vasilik, V. V. (2016). *Tserkov' i Imperiya v vizantiyskikh tserkovno-poeticheskikh pamyatnikah [Church and Empire in Byzantine Church-Poetic Monuments]*. Saint Petersburg : Aleteiya. [In Russian].

Zelinskiy, F. F. (2000). *Rimskaya Imperiya [Roman Empire]*. Saint Petersburg : Aleteiya. [In Russian].

Hilarion (Troitsky), hieromartyr. (2004). *Greh protiv Tserkovi (Dumy o russkoy intelligentsii) [Sin Against the Church (Reflections on the Russian Intelligentsia)]*. In *Tvorenya in 3 volumes*. Moscow : Sretenskiy Monastyr'. [In Russian].

Ioann Zlatoust. Tolkovanie na poslaniya k Fessalonikiytsam [John Chrysostom. Commentary on the Epistles to the Thessalonians]. (1991). In *Ioann Zlatoust. Sobranie sochineniy [John Chrysostom. Collected Works]*. (Vol. 11). Moscow. [In Russian].

Kovalev, B. N. (2004). *Nemetskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii [German Occupation and Collaborationism in Russia]*. Moscow : Ast. Transit. [In Russian].

Maksimovich, K. A. (2007). *Tserkovnye novelly sv. imperatora Yustiniana I (527–565 gg.) v sovremennom russkom perevode: Iz opyta raboty nad proektom [Church Novels of the Holy Emperor Justinian I (527–565)]*

in Modern Russian Translation: From the Experience of Working on the Project]. *Vestnik PSTGU. Bogoslovie. Filosofiya*, 1(17), 11–14. [In Russian].

Mandel'shtam, O. S. (1990). *Stikhotvoreniya* [Poems]. In *Collected Works in Two Volumes*. (Vol. 1). Moscow. [In Russian].

Filofey, starets. Poslaniya [Filofey the Elder. Epistles]. (2005). In *Biblioteka literatury Drevney Rusi*. (Vol. 10, pp. 150–170). Saint Petersburg: Nauka. [In Russian].

Pravoslavnyy sotsializm: sb. statei [Orthodox Socialism: Collection of Articles]. (2025). Saint Petersburg : Aleteiya. [In Russian].

Pushkin, A. S. (1962). O nichitozhstve literatury russkoy [On the Insignificance of Russian Literature]. In *Pushkin A. S. Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works in 10 Vol.]. (Vol. 6, *Kritika i publitsistika*, pp. 407–413). Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. [In Russian].

Pushkin, A. S. (1959). Klevetnikam Rossii [To the Slanderers of Russia]. In *Pushkin A. S. Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works in 10 Vol.]. (Vol. 2, *Stikhotvoreniya. 1862–1836*, pp. 339–340). Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. [In Russian].

Sidorov, A. I. (1996). Kurs patrologii: vznikovenie tserkovnoy pis'mennosti [Course in Patrology: The Emergence of Church Literature]. Moscow. [In Russian].

Turilov, A. A. (2011). Ot Kirilla Filosofa do Konstantina Kostenetskogo i Vasiliya Sof'yanina [From Cyril the Philosopher to Konstantin Kostenetsky and Vasiliy Sofyanin]. Moscow : Indrik. [In Russian].

Froyanov, I. Ya. (1997). Oktyabr' semnadsatogo [The October of Seventeen]. Saint Petersburg. [In Russian].

About the author:

Vladimir Vladimirovich Vasilik — protodeacon, Professor at Saint Petersburg State University, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philological Sciences, Candidate of Theology, Director of the Center for Historical Psychology at the Department of History of Slavic and Balkan Countries, Institute of History, Saint Petersburg State University, e-mail: fvasilik@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 24.02.2025; accepted after reviewing 03.03.2025; approved for publication 11.03.2025.

В. А. Щипков

МГИМО МИД РОССИИ,
МОСКВА, РОССИЯ

Как написать учебник для школы и вуза на основе традиционных ценностей

Аннотация. Статья посвящена проблеме разработки методологии новых учебников по гуманитарным дисциплинам для школ и вузов России с учётом роста внимания общества к вопросам воспитания и укрепления традиционных ценностей. Цель статьи — сформулировать собственную ценностно-культурологическую модель, которая позволяет создать учебник, ориентированный на воспитание патриотизма и фундаментальных для России духовных ценностей. Актуальность исследования связана с традиционалистским поворотом во внутренней жизни России и с поиском выхода из рамок позднего либерализма и секуляризма в образовательной политике. Новизна поставленной проблемы — в указании на важность методологии новых гуманитарных учебников в России в противовес дискуссиям о форме подачи материала. В исследовании были проанализированы принципы подготовки отечественных учебников в постсоветские 1990-е годы, используются подходы западных социальных наук, показаны их особенности и отдельные негативные черты, схематически продемонстрирована их

методологическая модель. Также была выдвинута ценностно-культурологическая модель, ориентированная на объяснение всех аспектов жизни народа через роль фундаментальных для этой культуры ценностей. Автор приходит к выводу, что в гуманитарных дисциплинах продолжает доминировать подход, при котором ценности подчинены социальным обстоятельствам, которые в свою очередь вытекают из действия социальных законов; это ведёт к тому, что добро и зло определяют те силы, кто получает финансово-политическую возможность влиять на социальные обстоятельства, воссоздавая секулярную и колониалистскую версию принципа «чья власть, того и вера», а традиционные ценности не могут быть аргументом в определении законов и бытия народа. В ценностно-культурологической модели предложен противоположный взгляд на историю культуры, в которой именно фундаментальные ценности в жизни народов предшествуют их социальным институтам и определяют их, что открывает возможности использовать традиционные ценности в качестве аргумента при определении путей социально-политического развития. Результаты исследования помогут вытеснить методологическую зависимость гуманитарного знания от западных ценностных моделей в сфере отечественного образования.

Ключевые слова: школа, вуз, учебник, гуманитарная наука, традиционные ценности, методология, педагогика

Для цитирования: Щипков В. А. Как написать учебник для школы и вуза на основе традиционных ценностей // Ортодоксия. — 2025. — № 2. — С. 124–139. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-2-124-139

Свыходом России на вектор суверенного развития возникла общегосударственная задача пересмотреть подходы к написанию учебников для российских школ и вузов, обновить или переписать учебники по гуманитарным предметам, отказаться от доминирующих подходов 1990-х годов, которые продвигали идеи потребления, приоритет материального над духовным, личных целей — над общенародными. Задача новых учебников состоит в том, чтобы сформировать поколение граждан на основе идей суверенитета России, патриотизма и фундаментальных для нашей страны духовных ценностей. Тем не менее остаётся

открытым вопросом, как написать такой учебник, не превратив его во временную агитационную листовку.

ВАЖНА МЕТОДОЛОГИЯ, А НЕ ЛЕКСИКА

Самый простой, быстрый, но слабый подход при подготовке новых школьных учебников — добавить в существующие учебники перечень традиционных ценностей и патриотическую лексику из Стратегии национальной безопасности и президентского Указа № 809¹, новые примеры из последних важных событий политической жизни страны и озвучить мысль, что Россия — лучшая страна в мире, потому что это наша страна. Все эти вставки лишь украсят наши либеральные учебники, но не поменяют их направленность. Такие учебники будут по-прежнему воспитывать либерального человека, устремлённого к общечеловеческим-западным ценностям, в целом негативно относящегося к сильному государству, разделяющего «государство» и «страну». Этот подход научит школьников скрывать выученный либерализм в демагогическом языке любви к родине. Если в 90-е годы формировалась прямо антипатриотическая, капиталистическая и в целом прозападная позиция у школьников, то теперь может повториться позднесоветская ситуация, когда советское патриотическое воспитание было по-комсомольски постепенно оторвано от живой народной традиции. Это путь формирования мёртвого партийного патриотизма, неприятие которого со временем приобретёт в народном сознании черты благородного дела: «родину люблю, но государство презираю». Готовая почва для майданов и релокаций.

Методология любого произведения по своему идеологическому влиянию действует сильнее лексического набора. Читатель испытывает переживания в результате развития сюжета, интриги или волнующего обстоятельства. Отдельными словами и лозунгами нельзя сделать повествование для читателя родным.

АНТИПАТРИОТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ 90-Х ГОДОВ

К 1980-м годам ослабли объяснительные возможности советского марксизма-ленинизма и диалектического материализма. Это

---

¹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. — 2022. — 9 ноября. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 01.03.2025).

чувствовалось особенно сильно в гуманитарной мысли: произошло окончательное фундаментальное разделение содержания и идеологии. Ссылки на работы Ленина или Маркса стали проходным билетом для выпуска книг, и читатели научились на подсознательном уровне пропускать глазами эти отрывки, как и мы учимся не обращать внимание на рекламные вставки повсюду.

Попытки позднесоветской интеллигенции предложить идеологическую альтернативу не увенчались успехом: созданная тогда отечественная «культурология» не смогла стать новой доминирующей методологией знания (Миронов, Щипков 2021). Все её действительно сильные наработки были брошены в тот же момент, когда открылись границы. Наиболее яркие и влиятельные советские учёные-гуманитарии поспешили уехать на Запад за статусом и частным комфортом, они не оставили учеников и не создали научных школ, бросив отечественную гуманитарную мысль на растерзание идеологическим захватчикам, при этом многие из них по своим воззрениям сами были убеждёнными либералами радикального свойства. Россия оказалась беспомощной, когда к нам в 90-е торжественно въехала западная социология — властная хозяйка гуманитарных наук в капиталистическом мире. И мы беспомощно увидели её воцарение на бывшем троне марксизма-ленинизма.

Гуманитарные учебники послесоветского времени не менее идеологичны, чем советские. Советские секулярные подходы с их партийностью, идеалистическим материализмом, осиротевшей моралью, оторванной от религиозной традиции, уступили место западным капиталистическим нормам, с их партийной верой в западный глобализм, идеализм денег, сакральность прав человека, секуляризм, бесправие собственной традиции, отменой патриотизма, приоритета частнособственнического над общенародным. При этом важная часть была сохранена — отрыв методологии знания от народной традиции, чтобы нельзя было черпать гуманитарные подходы из собственной культуры, но только брать в виде готовых идеологических продуктов из культур западных: фундаментальное условие закрепления колониального статуса страны. Та же самая методологическая слабость советских учебников, которая не дала советской культуре вовремя найти опору в русской традиции и провести перестройку государства в пользу народа, позволила провести в девяностые западную колонизацию нашей страны в пользу глобалистов и вынуждает нас сегодня проводить трудную работу над ошибками.

В распавшуюся советскую страну с западным капиталом пришла западная научная власть — социология, социальные науки (social sciences) — новая глобальная хозяйка гуманитарного знания. Она рождалась на протяжении последних столетий европейской секуляризации, то есть переназначения способов утверждения истины. Если раньше высказывание становилось истинным, если подкреплялось религиозной, христианской традицией, то в поздние столетия был создан секулярный научный механизм, который позволял с опорой на новое научное знание собственноручно превратить утверждение в истину. Основатели современного западного научного знания были в первую очередь идеологами и во вторую — учёными (Тростников 1980).

Секулярный способ создания истины в точных и естественных науках опирался на эмпирический опыт и законы природы. Объективная природа была объявлена универсальным мерилom, отсюда пошла идеологическая установка, что настоящая наука — это только естественная наука, а гуманитарное знание — лишь набор мнений. Однако новое мировоззрение стремилось вобрать в себя всю культуру, всего человека, поэтому не оставляло попытки создать механизм по созданию «истины» и в сфере гуманитарной мысли, ценностей. С этим дело обстояло сложнее: связь природы с ценностями неочевидна, потребовалось несколько столетий, чтобы её сконструировать и внедрить в жизнь. Для этого нужно было подчинить законам природы не только физический мир, но и сферу человеческого духа. Для этого последовательно укреплялся статус природы как универсального источника всего в мире, из которого выводились не только законы физического мира, но и законы человеческих взаимоотношений, общественного устройства, этики. Итогом этого стало появление в конце XIX века социологии — новой универсальной науки о человеке и его отношениях с Богом, миром и другими людьми (Щипков 2021).

В результате возник подход, доминирующий в западных социальных науках и, как следствие, повлиявший на современные гуманитарные учебники.

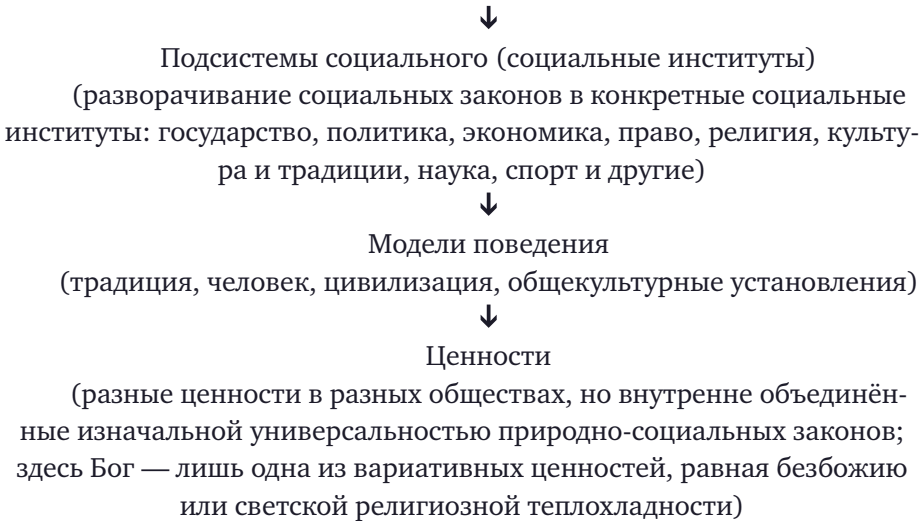
ПОДХОД ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК («СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ»)

Универсальные законы природы

Социальные законы (вытекают из природы)

В этом мировоззренческом подходе в качестве отправной точки принимается природа, которая наделяется универсальными, идеализированными чертами. Это связано не столько с верой в природу западного ума, сколько с необходимостью иметь некую объективную исходную точку всякого рассуждения. Советский материализм с его идеализацией и сакрализацией материи в этой части весьма близок западному социологизму с его идеализацией природы как начала всякого рассуждения. Познание природы и её повторяющихся измеряемых явлений, названных законами, становится в этой модели познанием истины. Не удивительно, что через природу западная наука ищет разгадку человека, его поведения и ценностей, интересуясь в разные периоды больше то биологическим телом, то психологическими измеряемыми параметрами мозга и поведения, то филологически и философски изучаемой речью как сложного отражения тонких и пока трудно измеряемых психобиологических процессов в человеке.

Назначение природы универсальным источником всякого познания позволило сделать заключение, что человеческое общество тоже обладает некими устойчивыми законами, которые тоже могут быть объективно измерены и названы истинными постольку, поскольку человек есть существо природное и его жизнь во всех её психических и социальных формах тоже есть процесс природный. Как результат, социология в XIX веке ввела новое, не существовавшее до этого понятие «общество», то есть обезличенное множество индивидуумов, связанных некими рамками

отношений. «Общество» было выдвинуто как альтернатива понятию «народ», чтобы провозгласить идею о том, что любые человеческие общества в своей глубокой основе развиваются и живут по одним и тем же правилам — социальным законам. Любые религиозные, культурные, цивилизационные различия народов здесь воспринимаются надстройкой над этими универсальными общественными законами, а значит, подчинены им. Таким образом социологи навели технический мостик между естественнонаучным знанием с его философской идеализацией природно-материального мира и знанием гуманитарным со всей его сложностью духовного, эмоционального и физического поведения человека. Важно, что размышления человека о себе самом регулярно пытаются выскочить из этих тесных рамок даже на Западе, не говоря уже о незападных странах, но социология с опорой на капитал пока что удерживает свой контроль над этим процессом, обладая властью делить знание на «научное» и «ненаучное», как бы на истину и частные домыслы.

Из этого вытекает логическое продолжение: универсальные социальные законы приобретают явное выражение в сферах жизнедеятельности человека, семьи, народа и становятся, таким образом, вторичными системами, подсистемами социального: культура, экономика, политика, законодательство, государственные формы, религия, наука, спорт, здравоохранение, семья и многие другие. Наиболее устойчивые подсистемы принято называть социальными институтами, то есть теми социальными формами взаимодействия людей, которые «устоялись» под воздействием социальных законов. То есть все области жизни и знания, от истории и литературы до мировой культуры и обществознания, которые мы изучаем на гуманитарных предметах в школе, здесь вторичны в отношении универсальных социальных законов и жёстко подчинены им.

Далее в этой модели социальные институты со временем становятся источником укоренённых моделей поведения людей, образа их мышления, верований, цивилизационных особенностей, традиции и фактически становятся источником культуры как таковой. То есть в таком подходе традиция является производной от социальных институтов, от законов общества, от природы.

Наконец, самое низкое и малозначимое звено в этой модели гуманитарного знания — ценности. Ценности здесь становятся элементом традиций, то есть как бы украшением, побрякушками культуры. Пестрота ценностей в мире объясняется пестротой и механической сложностью конкретных исторических обстоятельств, в которых формировались

конкретные культурные традиции, которые вытекают из сложившихся в конкретных исторических обстоятельствах социальных институтов. Основания последних восходят к социальным законам и затем к самой природе.

Ключевой принцип этой модели такой. Вертикаль от природы к ценностям иерархична: чем ближе к природе, тем меньше вариативности допускается. И наоборот, чем глубже мы мысленно погружаемся в особенности жизни конкретного общества, тем более вариативными для нас становятся его конкретные ценности. В этой схеме ценность имеет наименьшую истинность, а анализ ценностей важен только для объяснения конкретных форм поведения людей в конкретной культуре, но не для объяснения их базовых социальных законов, которые трактуются как одинаковые для всех культур и обществ.

Из этой модели вытекают фундаментальные последствия. Ценности зависят от интерпретации социальных законов, то есть понимание добра и зла обязано меняться при изменении социальных обстоятельств. Тот, кто управляет этими социальными обстоятельствами, получает неоспоримое право определять новую мораль, а не подчиняется старой. Это означает, что отрицаются вечные, традиционные ценности, искореняется всякая возможность формировать общество на их основе. Также это означает, что у народа нет права строить свою жизнь и свои социальные и политические институты на своём понимании добра, истины, смысла жизни. Социальные науки всегда будут навязывать мышлению некий идеальный государственный строй, который сегодня представляют как западную либеральную демократию, а завтра заменят на любую другую форму, например, трансформировав либерализм в некий вид постхристианской монархии. Кроме того, при несоответствии жизни общества и его культуры этим универсальным законам и нормам социального развития это общество объявляется ошибочным, требующим интервенций, санкций и прочих наказаний: так проявляются, в общем-то, нацистские черты методологии западных социальных наук. В итоге получается, что обладание механизмом интерпретации социальных принципов и законов даёт право определять, что есть истина в жизни человека, охватывая все её сферы — от бытовых до высших ценностных. Чья власть, того и вера.

СУВЕРЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

Для изменения мировоззренческой направленности школьных учебников нужно вернуть ценностную методологию.

ЦЕННОСТНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

«Надценностный» (божественный) уровень ценностей
(Божественная Личность, порождающая цель и смысл истории)

Ценности
(высшие ценности)

Модели поведения
(традиция, человек, цивилизация, общекультурные установления)

Культура
(сфера действия и жизни человека в природе, которая не сводится к природе; культурные институты)

Общество, социальные законы (вытекают из культуры)

Подсистемы социального
(социальные институты, производные культуры и ценностей)

В ценностно-культурологическом подходе социальные институты и принципы построения общества являются производными от конкретных ценностей культуры, а не от абстрактной социальности и не от природы. Здесь аксиомой является не идеализированная природа, которая порождает материально-социальную необходимость устройства жизни, а уровень высших ценностей, которые происходят из аксиомы о высшей задумке о мире и человеческой истории. Именно эти ценности сегодня принято в русском языке называть вечными, традиционными, духовно-нравственными.

В этом подходе вопрос об отправной точке — о происхождении этих ценностей — решается по-разному: в условиях продолжающегося секулярно-политического давления на культуру и общество они могут трактоваться важными сами по себе, неким абстрактным высшим законом, а для верующего человека они происходят из Божественного Промысла о мире, то есть источником этих ценностей признаётся Бог. В первом случае основой ценностей для России является сама наша история и культурная традиция, где ключевую роль сыграло православие; поэтому в русском языке под духовно-нравственными ценностями скрываются именно ценности христианские;

в современных российских учебниках можно применять эту модель сразу со второго, ценностного уровня, опираясь на актуальные правовые государственные документы, защищающие традиционные ценности. Во втором случае источником ценностей является Сам Бог, Божественная Личность, Его воля и задумка о земном мире. Поэтому важную функцию в трактовке этих ценностей начинают выполнять богословие, традиционные религии, для России — Православная Церковь.

Уровень ценностей в этой модели является фундаментом, выражением веры в то, что высшие и неизменяемые ценности существуют и в своей основе являются универсальными, вечными, всеобщими.

Преломляясь через свободную человеческую волю и разворачиваясь в историческом времени, именно ценности формируют базовые поведенческие установки человека, модели поведения — то, что записывается на глубоком, подчас неосознаваемом уровне, создавая особые культурно-исторические типы людей, цивилизации, антропологические культурные типы, общекультурные установления. С религиозной точки зрения именно на этом уровне начинается разделение людей, вавилонское столпотворение, возникает непонимание и вражда, которые происходят из разного отношения людей с их Творцом, разного нравственного выбора людей и разных способов преодоления сложностей, то есть разных путей действия высших ценностей и божественной воли в человеческой истории.

В результате развития устойчивых моделей поведения возникают культурные установления, нормы поведения, которые в совокупности создают сферу культуры — сферу действия и жизни человека в природе, которая не сводится к природе. Наиболее прочные и постоянные культурные установления составляют культурные институты — осознаваемые, признаваемые и охраняемые общинами и народами принципы жизни, в основе которых лежат определённые сложившиеся механизмы культуры.

Именно из культуры и в культуре возникают социальные законы, облик общества, цели и принципы существования объединившихся в общество людей. Сами причины, почему люди объединяются, составляют общины и народы, — имеют культурно-ценностные причины, являются следствием действия в истории культуры и ценностей, которые восходят к базовым для этого общества моделям поведения, которые, наконец, восходят ко глубоким ценностным установкам.

Наконец, последним звеном этой модели являются конкретные социальные институты, или подсистемы социального, которые возникают из общества и социальных законов, укоренённых в культурных особенностях, происходящих из культуры и ценностей. Это значит, что принципы политического устройства, экономики, системы образования, семейных отношений, представлений о законности и справедливости проистекают из тех ценностей, которые являются ценными для конкретной культуры. Фундаментом этого подхода является мысль о том, что из ценностей и культурных особенностей проистекают не только формы социальных институтов, но происходят сами фундаментальные законы социальных процессов. В этом смысле в ценностно-культурологическом подходе природа социального подчинена ценностям, а не наоборот.

Большинство современных гуманитарных российских учебников сохраняют эффект 1990-х годов, как будто мы смотрим нелегально приобретённый иностранный фильм с наложением некачественного русского дубляжа на иностранную речь. Мы как будто робко подсматриваем за чужой жизнью, боясь быть замеченными, и понимаем, что актёры рассказывают не нам и не о нас, и поэтому не имеем права обижаться на то, что имеем некачественный и не всегда понятный перевод разговора чужих людей, к которым приковано наше внимание в надежде что-то получить, но для которых мы, в общем-то, лишние.

В ценностной модели преподавания гуманитарных дисциплин пропадает психологический разрыв между учеником и учебником. Логика и содержание материала перестают отрываться от реальности и своей культуры, становятся более простыми и понятными, поскольку мы начинаем узнавать наше родное общество и родную культуру непосредственно.

Из этой модели вытекает ключевая мысль: объяснить социальную норму, оценить состояние собственного общества, собственной мысли можно только исходя из тех фундаментальных ценностных установок, которые лежат в основании собственной культуры.

Отличие русской ценностной модели от релятивизма культурных антропологов типа Мелвилла Херсковица в том, что она открыто признаёт или скрыто подразумевает один и единый божественный источник высших ценностей, что, однако, не означает их одинаковое преломление в культуре разных народов. Истина одна, но непостижимы судьбы Божии и неисследимы пути Его (Рим. 11:33).

Признавая природное происхождение социальных законов и первенство их над процессами культурными, мы остаёмся подвластными созданным на Западе механизмам интерпретации истины, отчуждаем себя от своей культуры, лишаемся суверенитета в гуманитарной мысли, воспитываем в себе привычку мыслить о себе как о колонии. В сложившемся в России в 1990-е годы подходе социальных и гуманитарных наук мы теряем возможность рассуждать и созидать без постоянного поиска некой нормы во внешних культурах, чаще всего — в западном мире, где якобы спрятан универсальный стандарт. Фактически мы продолжаем нуждаться в допинге внешнего идеологического контроля в любом рассуждении и в любом деле. Теперь с ослаблением авторитета Запада можно наблюдать, как некоторые опытные учёные в России пытаются по старой аналогии воспевать социальные процессы уже по китайской модели.

Преодоление этой колониальной зависимости в собственных подходах в преподавании гуманитарных наук предстоит сделать. Суверенитет методологии гуманитарного знания близок по значению суверенитету духовному и является ключевым условием самостоятельности и силы развития народа во всех сферах жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Миронов В. В., Щипков Н. А. Гуманитарная наука переходного периода: как создавалась кафедра истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ. Беседа Н. А. Щипкова с деканом философского факультета МГУ В. В. Мироновым // Вопросы философии. — 2021. — № 2. — С. 7–18.

Тростников В. Н. Мысли перед рассветом. — Париж : YMCA-Press, 1980. — 360 с.

Щипков В. А. Диалектический рационализм Макса Вебера и проблема оснований общественных наук // Полис. Политические исследования. — 2021. — № 1. — С. 142–156.

Сведения об авторе:

Василий Александрович Щипков — доктор философских наук, доцент кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, директор Русской экспертной школы, 119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76, e-mail: vas.ship@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 01.02.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 21.02.2025.

V. A. Shchipkov

MGIMO UNIVERSITY,
MOSCOW, RUSSIA

How to Write a Textbook for Schools and Universities Based on Traditional Values

Abstract. This article addresses the problem of developing a methodology for new textbooks in the humanities for Russian schools and universities, in light of the growing public interest in upbringing and the strengthening of traditional values. The aim of the study is to formulate a value and cultural model that makes it possible to create a textbook oriented toward fostering patriotism and the fundamental spiritual values of Russia. The relevance of the research stems from the traditionalist turn in Russia's internal life and the search for ways out of late liberalism and secularism in educational policy. The novelty of the problem lies in highlighting the importance of methodology for new humanities textbooks in Russia, in contrast to the dominant discussions about modes of content delivery. The study analyzes the principles underlying the preparation of Russian textbooks in the post-Soviet 1990s, which employed approaches from Western social sciences. Their features and certain negative aspects are described, and their methodological model is schematically presented. In contrast, a value and cultural model is proposed, one oriented towards

explaining all aspects of a people's life through the role of values fundamental to that culture. The author argues that the prevailing approach in the humanities continues to subordinate values to social circumstances, which are themselves seen as products of social laws. As a result, good and evil are defined by those who acquire the financial and political power to shape social conditions—reproducing a secular and colonial version of the principle “they who have the power, establish the faith”. Within such a framework, traditional values cannot serve as a legitimate argument in determining the laws and objective reality of a people. The value and cultural model, by contrast, offers an alternative view of cultural history: its fundamental values in the life of peoples that precede and determine social institutions. This perspective opens the possibility of employing traditional values as arguments in shaping paths of socio-political development. The findings may help displace the methodological dependence of the humanities on Western value models within Russian education.

Keywords: school, university, textbook, humanities, traditional values, methodology, pedagogy

For citation: Shchipkov, V. A. (2025). How to Write a Textbook for Schools and Universities Based on Traditional Values. *Orthodoxia*, (2), 124–139. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-2-124-139

REFERENCES:

Mironov, V. V., Shchipkov, N. A. (2021). Gumanitarnaya nauka perekhodnogo perioda: kak sozdavalas' kafedra istorii i teorii mirovoy kul'tury filosofskogo fakul'teta MGU. Beseda N. A. Shchipkova s dekanom filosofskogo fakul'teta MGU V. V. Mironovym [Humanitarian Science of the Transitional Period: How the Department of History and Theory of World Culture of the Philosophy Faculty of Moscow State University was Established. An Interview of N. A. Shchipkov with the Dean of the Philosophy Faculty of Moscow State University V. V. Mironov]. *Voprosy filosofii*, (2), 7–18. [In Russian].

Trostonikov, V. N. (1980). *Mysli pered rassvetom* [Thoughts Before Dawn]. Paris : YMCA-Press. [In Russian].

Shchipkov, V. A. (2021). Dialekticheskiy ratsionalizm Maksa Vebera i problema osnovaniy obshchestvennykh nauk [Dialectical Rationalism of Max Weber and the Problem of Foundations of Social Sciences]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (1), 142–156. [In Russian].

About the author:

Vasily Alexandrovich Shchipkov — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of the School of International Journalism, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Director of the Russian Expert School, 76, prosp. Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454, e-mail: vas.ship@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 01.02.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 21.02.2025.

**РОССИЙСКИЙ
ПРАВОСЛАВНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**
СВЯТОГО ИОАННА
БОГОСЛОВА

РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СВЯТОГО ИОАННА БОГОСЛОВА УЧРЕЖДЁН
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ
МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА В 1992 ГОДУ.

В образовательном процессе РПУ св. Иоанна Богослова органично сочетаются традиции русских духовных школ и опыт академического преподавания российских университетов – обучение включает как базовые духовные, так и социально-гуманитарные дисциплины.

Обучение в РПУ св. Иоанна Богослова направлено на подготовку специалистов:
ДЛЯ СИНОДАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ЕПАРХИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (профиль в сфере церковно-государственных отношений или информационных процессов);

ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
(профиль в сфере государственно-конфессиональных отношений).

РПУ св. Иоанна Богослова проводит набор абитуриентов на дневную (очную) форму обучения за счёт средств федерального бюджета по направлениям подготовки:

БАКАЛАВРИАТ

48.03.01 **ТЕОЛОГИЯ**
срок обучения 4 года

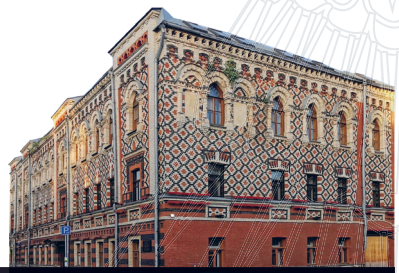
МАГИСТРАТУРА

48.04.01 **ТЕОЛОГИЯ**
срок обучения 2 года

- **Лица, получившие полное среднее образование**, принимаются на обучение по программе бакалавриата по результатам ЕГЭ; лица, получившие среднее профессиональное образование, принимаются на обучение по результатам вступительных испытаний, проводимых в университете.
- **Лица, имеющие высшее образование**, принимаются на обучение по программе магистратуры по результатам вступительных испытаний, проводимых в университете.

ПО ОКОНЧАНИИ ОБУЧЕНИЯ ВЫДАЁТСЯ
ДИПЛОМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗЦА

АДРЕС:
127473, МОСКВА,
ПЕР. ЧЕРНЫШЕВСКОГО, Д. 11А, СТР. 1
ТЕЛЕФОН: +7 495 431 03 03 САЙТ: RPUSIB.RU

СПАС
ТЕЛЕКАНАЛ

